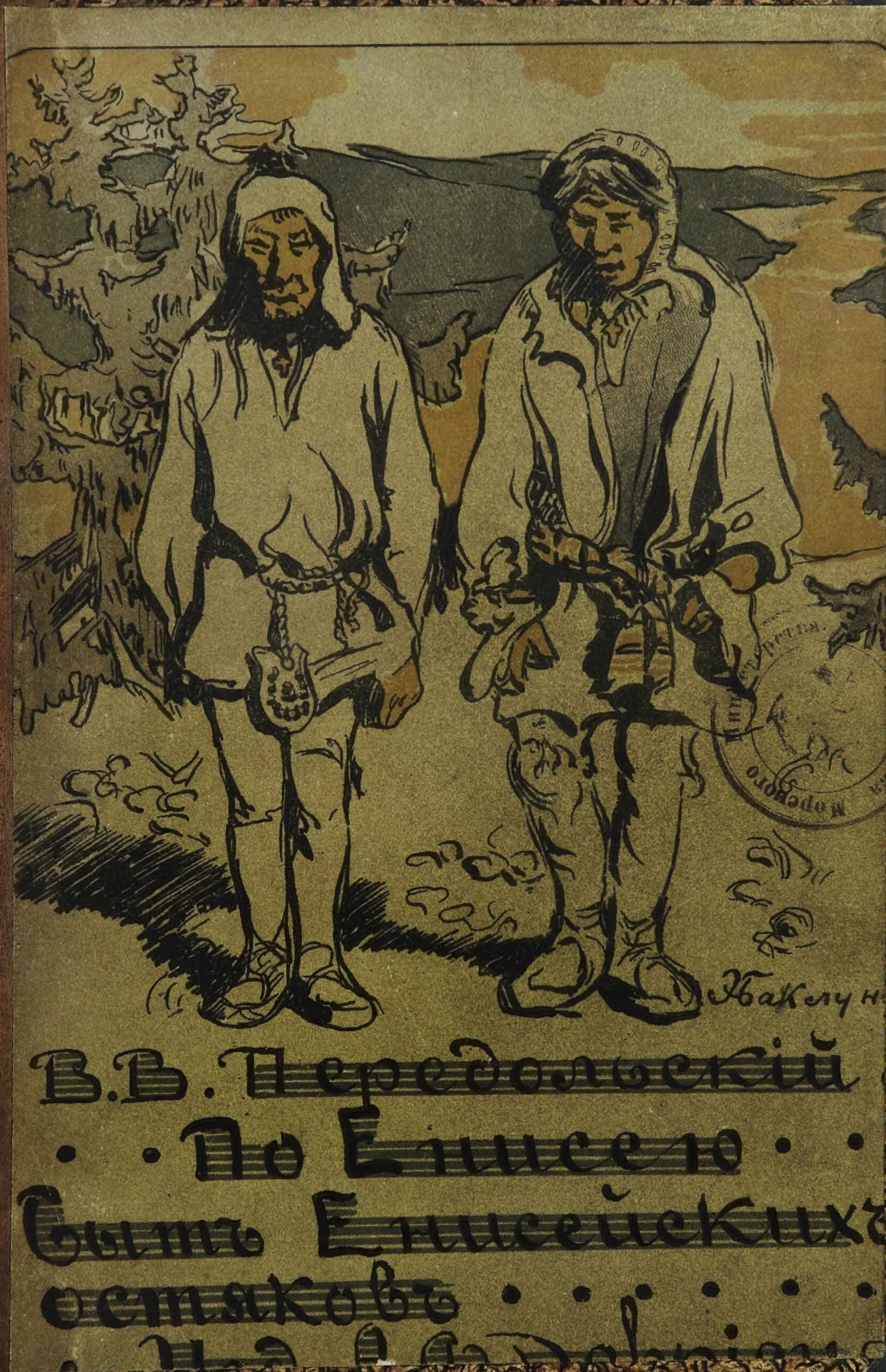


В.В. Передольскій

По Енисею

Сытъ Енисейскихъ

остяковъ

ХОРЫ
Шк. XLII
Полка 6
Ряд 2
№ 37

ХПП № 2

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М.2				
3-П.27-П				

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476—20000

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

Хора
XLII
6
2
37

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверено 68 Р.

ПО ЕНИСЕЮ

Министерства. Морского Библіотека

Проверено-58

Проверено-85

В. В. ПЕРЕДОЛЬСКІЙ.

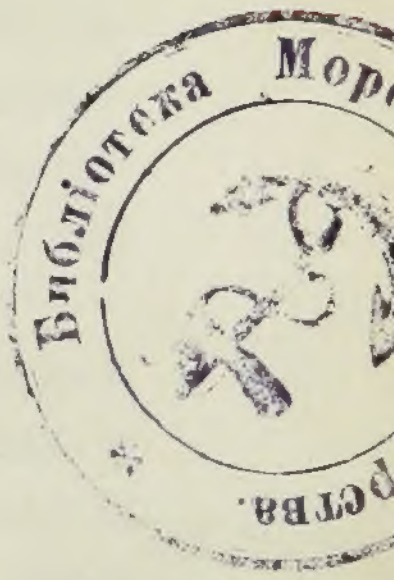
Инвентарь
19 20/V 21
№ 134.

По Енисею.

БЫТЪ ЕНИСЕЙСКИХЪ ОСТЯКОВЪ.

СЪ РИСУНКАМИ ПО ФОТОГРАФІЯМЪ АВТОРА.

33809



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
7 рота, д. 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ тундрахъ нѣтъ зеленой сѣни,
Нѣтъ тамъ ночи, нѣтъ зари,
Лишь являются, какъ тѣни,
По утесамъ дикари.

„Дикари, скорѣй, толпою
„Съ горъ и скалъ на Енисей!
„Подружимтеся со мною:
„Я, какъ вы,—боюсь людей...“

(Сибирская пѣсня губернатора Степанова).

Рядъ очерковъ изъ быта енисейскихъ остяковъ, собранный въ настоящей книжкѣ,—обрисовываетъ страну и житье-бытье одного изъ инородческихъ племенъ Азіи, завершающаго свой жизненный путь и быстрыми шагами идущаго къ окончательному вымиранію.

Мнѣ три раза пришлось посѣтить страну енисейскихъ остяковъ въ 1894, 1895 и 1898 годахъ, пройти ее всю и пройти такъ, что забитый приниженный дикарь не боялся меня, не таился предо мной и, какъ ребенокъ, готовый идти на первую ласку,—повѣдалъ мнѣ свою горе-горькую долю. Всѣ три раза въ среду остяковъ я приходилъ совершенно одинъ, проплывая по Енисею въ небольшой лодкѣ со своими упряжными собаками. Торговлей я не занимался, водки съ собою не возилъ и не только ничѣмъ не могъ угрожать остякамъ, но наоборотъ часто самъ нуждался въ ихъ помощи, когда, напримѣръ, мокрый и окровавленный выбирался вплавь со своими псами на берегъ, а разбитая о подводныя скалы моя лодка мчалась волнами по шири могучаго Енисея. Остяки радушно принимали меня съ моими четвероногими спутниками, обсушивали и отогрѣвали насъ, а затѣмъ помогали разыскать гдѣ-нибудь за десятки верстъ отъ мѣста кру-

шенія прибитую къ берегу лодку и, починивъ ее совмѣстнымъ трудомъ, провожали меня самыми сердечными пожеланіями въ дальнѣйшее плаваніе.

И такъ было не разъ и не два.

Могъ-ли казаться опаснымъ дикарямъ одинокій пришелецъ, жизнь котораго на ихъ глазахъ подвергалась неоднократно опасности?— конечно нѣтъ;— и это, послѣднее, довѣрчиво распахивало предо мной берестяныя двери юртъ и землянокъ, давая въ средѣ остяковъ, какъ равному, и кровъ и радушную заботливость.

Всѣ очерки мои — это картины дѣйствительности; не измѣнены даже имена: и Савоська, и Яртегúнъ, и Каяръ и Силка—все люди жившіе, страдавшіе, боровшіеся и изнемогавшіе въ борьбѣ на берегахъ далекаго Енисея въ тѣ годы, когда моя лодка проплывала по нему одну тысячу верстъ за другою, то подъ блескомъ незаходящаго солнца, то подъ фосфорическимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія. Побывали въ этой лодкѣ у меня и Каяръ, и Силка, и старый Савоська и уже конечно Илёкъ, неизмѣнный спутникъ мой на Енисеѣ; въ этой лодкѣ увезъ я съ собой и наслѣдіе послѣ несчастнаго Яртегúна: его пробитый бубенъ и лòсэльмы, добытыя съ большимъ трудомъ отъ алчнаго „батьки“,— и въ этой же лодкѣ написалъ я „Ландура“.

Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Красноярскъ „Ландура“ я напечаталъ въ газетѣ „Енисей“, а болѣе подробное изложеніе дѣяній того же лица передалъ губернатору и прокурору, возбуждая противъ Ландура уголовный процессъ въ истязаніи имъ инородцевъ.—Какъ шелъ процессъ — я не знаю: въ это время я былъ уже за тысячи верстъ отъ Енисея; но передъ отъѣздомъ моимъ всѣ оффиціальныя лица, къ которымъ я обратился, особенно Енисейскій губернаторъ, М. А. Плецъ—обѣщали мнѣ, что будутъ приняты всѣ мѣры чтобы освободить Туруханскій край отъ Ландура. Черезъ полгода я узналъ, что силою Высочайшаго Повелѣнія свирѣпый Ландуръ дѣйствительно навсегда удаленъ изъ предѣловъ Туруханскаго края. Тотъ-же М. А. Плецъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно сейчасъ-же помочь и ограбленнымъ Каяру и

Силкѣ, о которыхъ я ему разсказалъ; по наведеннымъ мною справкамъ оба они по приказанію губернатора получили запасы хлѣба изъ казеннаго продовольственнаго магазина въ области енисейской тундры.

Но все это, вѣдь, капли въ морѣ!

Положимъ, Кояръ и Силка оказались сытыми; положимъ, свирѣпый Ландуръ выброшенъ навсегда изъ Туруханскаго края; но, вѣдь, сотни другихъ сородичей Кояра и Силки голодаютъ и гибнутъ, но, вѣдь, на мѣсто одного свергнутаго Ландура, спустя нѣсколько времени, являются десятки другихъ! Какъ быть, какъ поступить!

Енисейскій остякъ жить безъ хлѣба теперь не можетъ, потому что у него нѣтъ оленей, а оленей нѣтъ у него потому, что ихъ выманилъ себѣ русскій торгашъ, споивъ инородца водкой. Остякъ могъ бы получить пропитаніе изъ запасныхъ казенныхъ магазиновъ, но тотъ же торгашъ — въ лицѣ ли входящаго въ стачку съ вахтеромъ русскаго купца или въ лицѣ самого вахтера — поднимаетъ неимовѣрно продажную цѣну на хлѣбъ въ этихъ магазинахъ и, спаивая инородца, отбираетъ у него всю промысловую добычу, на которую остякъ могъ бы вымѣнять себѣ хлѣба.

— „А заправляющую всѣмъ водку, вѣдь, все-таки, нельзя запретить!“—говоритъ А. Миддендорфъ [1]). Эту же фразу, какъ глумленіе надъ безсиліемъ русскихъ хорошихъ людей предъ угнетеніемъ остяка отбросами русскаго общества, мнѣ неоднократно приходилось выслушивать отъ русскихъ торгашей во время моихъ странствованій по берегамъ Енисея...

И водка царитъ!

Запрещенный закономъ алкоголь, широкой волной, какъ молчаливо терпимое беззаконіе, при посредствѣ русскихъ торгашей вливается въ среду остяковъ и создаетъ имъ тотъ удѣлъ, который за послѣднее время отмѣтили поэтическимъ терминомъ *угасанія*. Какъ слѣдуетъ назвать удѣлъ енисейскихъ остяковъ — спорить не будемъ: намъ важно не названіе, а самая сущность явленія, которая одинаково остается

---

[1]) Извѣстный путешественникъ по Сибири.

печальной, какъ бы мы ее ни назвали. Остякъ гибнетъ, и гибель его тяжелымъ упрекомъ ложится на русскаго и не только на того русскаго, который непосредственно гнететъ остяка на дальнихъ окраинахъ Азіи, но и на русскаго вообще, такъ какъ онъ, ограждая себя отъ вреднаго элемента въ своей средѣ, безжалостно отбрасываетъ таковой въ среду беззащитныхъ дикарей, нисколько не заботясь о томъ, каково то будетъ бороться дикарямъ съ этими, умудренными житейскимъ опытомъ, отбросами русскаго общества.

„Ты видѣлъ, какъ мы живемъ!“—говорили мнѣ дикари неоднократно,—„и какъ придешь въ тотъ городъ, гдѣ царь живетъ, такъ и разскажи большимъ начальникамъ, какъ живутъ азіатцы... Можетъ и послушаютъ тебя... Помогутъ намъ...“—Своими статьями, судебными процессами и публичными сообщеніями я старался выполнить просьбу моихъ далекихъ друзей; выполняю я ее и настоящею книгою.

Просьбу то я выполнилъ, да будетъ-ли изъ того какой толкъ!

„Кто въ полѣ живъ человѣкъ?!... Отзовись!“

Владиміръ Передольскій.

Великій Новгородъ
1908 г.

ЕНИСЕЙ.

Далеко, за Саянскими горами, въ области дикихъ скалъ и безпредѣльныхъ равнинъ, беретъ свое начало одинъ изъ сибирскихъ исполиновъ — могучій, многоводный Енисей. Мощнымъ размахомъ мчатся его волны изъ-подъ жаркихъ лучей полуденнаго солнца къ далекому полуночному Ледовитому Океану. Какая сила сможетъ пріостановить ихъ стремленіе? — Онѣ сворачиваютъ скалы, дробятъ въ куски громадныя глыбы и, сокрушивъ препятствіе, мчатъ обломки его по дну съ собою, ударяя ими, какъ тараномъ, въ прибрежные кряжи, и шумъ и грохотъ этой непрерывной борьбы волны съ берегомъ никогда не смолкаетъ на всемъ среднемъ теченіи Енисея.

Глядя на эту титаническую мощность напора воды, клубящейся среди высящихся по берегамъ громадныхъ скалъ,

видя ея всесокрушающую силу и быстроту,—вы никогда не повѣрите, что та же самая рѣка въ своихъ верховьяхъ широкою величавою лентою тихо струится по равнинамъ, орошая плодоносныя пашни полудикаго земледѣльческаго племени соіотовъ, съ незапамятныхъ временъ поселившихся на верховьяхъ Енисея. Различіе черезчуръ велико, и видѣвшій Енисей въ его среднемъ теченіи не можетъ себѣ представить, чтобы этотъ бушующій, всесокрушающій исполинъ могъ гдѣ нибудь быть тихимъ и кроткимъ.

А между тѣмъ это такъ.

Пока Енисей въ своихъ верховьяхъ пробѣгаетъ по равнинамъ, его мощь еще не велика, притоковъ онъ принимаетъ мало, да и рыхлая, наносная почва русла здѣсь не представляетъ ему препятствій: промылъ онъ себѣ безъ большого труда подходящее ложе и горделиво струитъ по нему свои прозрачныя воды. Но чѣмъ дальше катятся его воды, чѣмъ больше онѣ набираются силы отъ впадающихъ съ обѣихъ сторонъ ручейковъ и рѣченокъ, тѣмъ замѣтнѣе и замѣтнѣе мѣняется характеръ теченія Енисея. Берега его—покуда еще тѣ же невысокіе глинистые и песчаные кряжи, покрытые зарослями ивняка и лиственнаго лѣса. Но вотъ Енисей добѣжалъ до отроговъ Саяновъ. Массивныя горныя тѣснины мало-по-малу начинаютъ налагать свою мощную власть на его прежнюю привольную свободу. Хмурится и бурлитъ Енисей, чувствуя, что ему уже не раздвинуть такъ сплошныхъ каменистыхъ стѣнъ своего новаго ложа, какъ привыкъ онъ раньше подмывать по своему произволу податливые намывные берега. Хмурится, бурлитъ Енисей, но еще терпитъ; только его волны, нетерпѣливо вскидываясь на сдвигающіеся берега, торопливо спѣшатъ добраться до простора.

Но далекъ еще этотъ просторъ: много труда предстоитъ волнѣ, прежде чѣмъ она добѣжитъ до желаннаго раздолья.

Утесистыя скалы съ обѣихъ сторонъ грозно надвигаются на Енисей. Все выше и выше поднимаются къ небесамъ ихъ вершины. Суровымъ холодомъ и дикой красотой вѣетъ отъ каменистыхъ твердынь, обступающихъ рѣку. Непроходимая сибирская тайга шумитъ на ихъ вершинахъ и могучіе лѣсные великаны, — вѣковыя пихты и лиственницы, — тихо покачиваютъ верхушками, какъ бы порицая попытки нетерпѣливыхъ волнъ поколебать своими ударами ихъ незыблемое подножіе.

Наконецъ, Енисей—„входитъ въ щеки“.

Сдвинувшіяся сплошныя скалы чуть-ли не на половину съуживаютъ его прежнее русло,—и стиснутая рѣка, покрытая вся водоворотами и бѣлою пѣной, со страшною силой прорывается сквозь препятствіе. Но худшее еще ждетъ ее впереди: Енисей подходитъ къ своему первому порогу. Стиснутая съ боковъ, мчащаяся съ неимовѣрной быстротою, клокочущая и ревущая масса водъ наталкивается на каменистую гряду, пересѣкающую ея стремленіе,—и вотъ взбѣсившаяся рѣка вскидывается всей массою кверху, какъ взвившійся на дыбы, закусившій удила конь, и, хлынувъ впередъ, величавымъ, мощнымъ каскадомъ переливается черезъ новое препятствіе. Грохочетъ и плещетъ каскадъ, вздымая облака тончайшей водной пыли, все подножіе его клубится бѣлой пѣной, а крутящіяся волны мчатся уже далѣе: рѣка прорвалась чрезъ преграду. Осилившія преграду волны неудержимымъ потокомъ стремятся впередъ и вдругъ со страшною силой наталкиваются на утесы, одинокими глыбами выступающіе по срединѣ русла. Новая борьба,—новая побѣда, и Енисей, грохочущій и буйный, покрытый весь водоворотами и клочьями бѣлой пѣны, потрясающій скалы и сокрушающій преграды рвется среди утесовъ неудержимо впередъ и впередъ, пролагая свой путь чрезъ отроги Саяновъ.

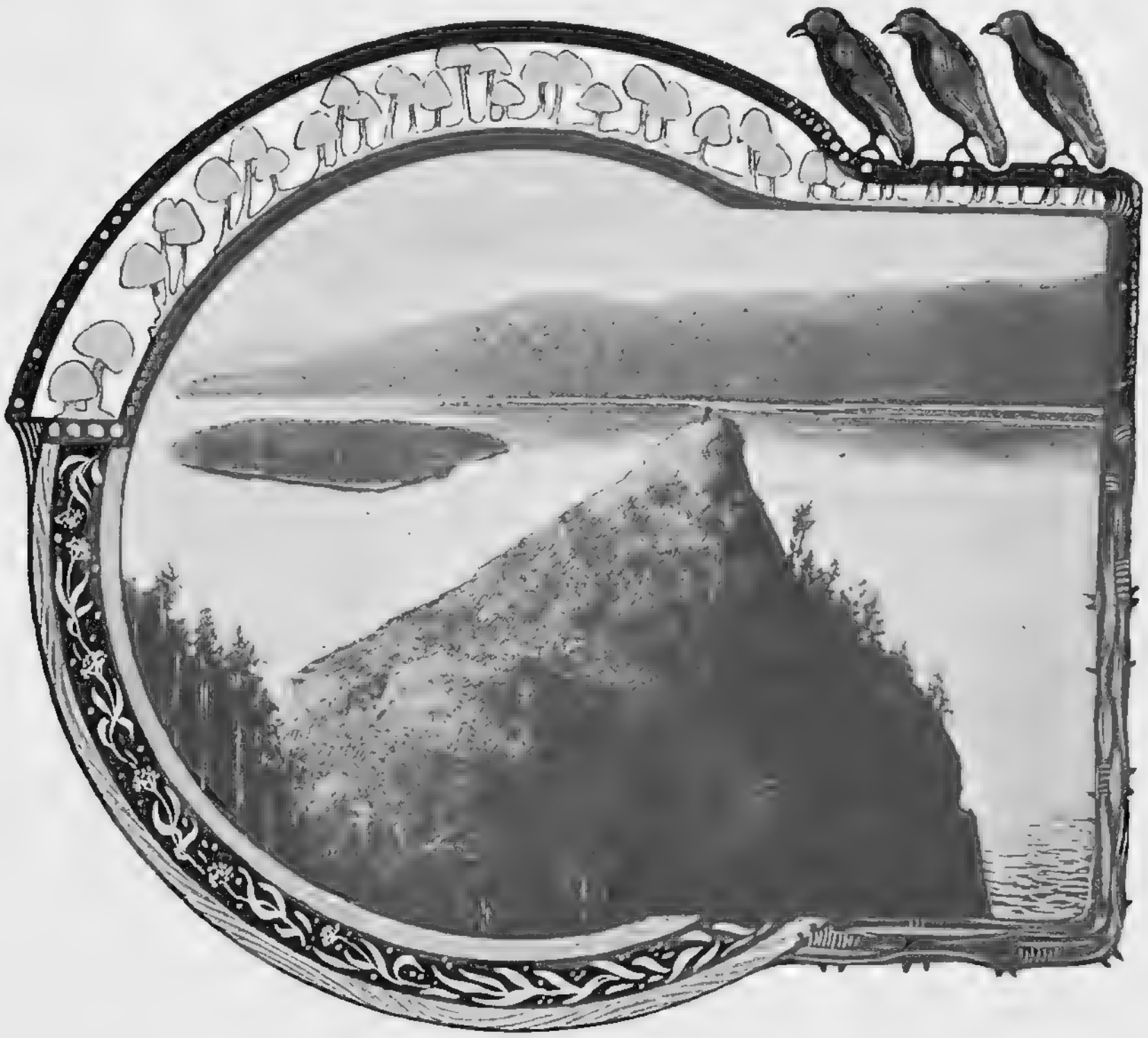
Таковъ Енисей въ Саянахъ...

Бѣшенымъ потокомъ мчался Енисей по горнымъ тѣснинамъ, но, миновавъ ихъ и вырвавшись на свободу въ долину, рѣка разливается широкимъ плесомъ и, умѣривъ быстрину, нагромождаетъ здѣсь грудами принесенные обломки, создавая многочисленные острова. Нанесетъ затѣмъ водою и вѣтромъ на эти груды нагроможденныхъ камней, разнаго сору, песку и бурелому, прошелъ годъ,— и, глядишь, среди камней уже зеленѣетъ кое-гдѣ кустикъ, тянется кверху молодое деревцо. Не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ молодая поросль пышно разрастется въ деревья, и надъ гладкою поверхностью водъ будетъ выситься зеленѣющій букетъ густой заросли новаго острова.

Пробѣжавъ около 160 верстъ по равнинамъ своего верховья, а затѣмъ верстъ 360 по отрогамъ Саяновъ,—Енисей ненадолго входитъ въ область долинъ, лежащую между сѣверными отрогами Саянскихъ горъ и южными—Енисейскаго Станового хребта. Разсѣкая по продольному направленію весь этотъ хребетъ, Енисей на протяженіи всего своего средняго теченія, т. е. почти на девять градусовъ съ юга на сѣверъ, мчится съ прежнимъ характеромъ стремительнаго громаднаго горнаго потока, разливающагося широкимъ плесомъ въ долинахъ и бѣшено крутящагося въ ущельяхъ.

Обиліе водъ этой громадной рѣки настолько поразительно, что невольно обращаетъ на себя вниманіе даже въ верховьяхъ, гдѣ Енисей сравнительно далеко еще не такъ многоводенъ, какъ въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи. Уже съ самого мѣста сліянія двухъ его истоковъ: рѣки Хакема, берущаго начало на Хантайскомъ хребтѣ и—Бекема, сбѣгающаго со склоновъ хребта Ергикъ-Аргакъ-Тайга, на границѣ Монголіи, — общее русло этихъ рѣкъ въ говорѣ жи-

вущаго здѣсь племени соіотовъ носитъ названіе, — „Улукемъ“, что значитъ на ихъ языкѣ „Большая вода“, а русское названіе „Енисей“ — подъ которымъ извѣстенъ Улукемъ съ границы русскихъ владѣній на югѣ Азіи,—есть исковерканное тунгузское выраженіе „Іоанеси“, также означающее



Среднее теченіе Енисея.

большую воду. Но гдѣ обиліе водъ Енисея достигаетъ дѣйствительно невѣроятныхъ размѣровъ; такъ это въ низовьяхъ.

Принявъ въ себя на своемъ среднемъ теченіи массу притоковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Ангара, по обилію водъ не уступаютъ самому Енисею, — этотъ сибирскій богатырь подходитъ къ своимъ низовьямъ.

Отроги Енисейскаго Станового хребта, пытавшіеся на всемъ среднемъ теченіи Енисея сдавить своими каменистыми твердынями его массы водъ,—подходя къ сѣверу, подъ 62-мъ градусомъ широты,—раздвигаются въ стороны, какъ бы сознавая безполезность своихъ попытокъ.

И вотъ Енисей, могучій и не поборимый, какъ сказочный богатырь, только набирающій больше силы отъ борьбы съ препятствіями, разливается мощнымъ плесомъ на пятнадцать верстъ ширины. Берега его уходятъ въ туманную даль, исчезаетъ всякое представленіе о рѣкѣ,—и предъ вами колышется громадная водная равнина, усѣянная вся пышными букетами многочисленныхъ зеленѣющихъ острововъ: рѣка, наконецъ, миновала отроги Енисейскаго Станового хребта. Береговые кряжи раздвинулись въ стороны; кажется ничто не стѣсняетъ приволья Енисея, и широкое плесо далеко, насколько можетъ хватить глазъ, простирается къ сѣверу.

Но далеко-ли можетъ хватить человѣческій глазъ? Широкое плесо—только временный отдыхъ для Енисея. Новую и послѣднюю преграду ставитъ берегъ могучей рѣкѣ: не пробѣжалъ Енисей по плесу и 70 верстъ, какъ уже передъ нимъ встаетъ новая твердыня—громадный Тунгузскій хребетъ, зубчатою высокою стѣною пересѣкающій поперекъ все его теченіе. Кажется, нѣтъ больше прохода рѣкѣ, громадная каменная стѣна закрыла ей путь, и невольно недоумѣваешь, куда же несетъ его сила теченія.

Памятна мнѣ эта картина...

Помню, плылъ я тогда на челнокѣ по Енисею. Тишина плеса обворожила меня. Солнце склонялось къ закату, и подъ его лучами далеко сіяла зеркальная поверхность водъ, дышащая ненарушимымъ спокойствіемъ: ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не проносилось надъ Енисеемъ. Я положилъ кормовое весло и предоставилъ челнокъ произволу рѣки.

Тихо катился Енисей, пронося мой челнокъ мимо зеленѣющихъ острововъ, ставя его то кормою, то бокомъ къ теченію. Я сидѣлъ и любовался: спокоїная поверхность водъ вспыхивала подъ лучами солнца огненными пятнами и казалась неподвижной; неподвижнымъ казался и мой челнокъ, а всѣ острова одинъ за другимъ бѣжали ему на встрѣчу.

Вторую недѣлю плылъ я по Енисею, не встрѣчая живого человѣка. Одиночество не томило меня: новая, дивная, не изуродованная еще человѣкомъ природа захватывала всѣ мои помысли. Энергія рѣки, непреодолимо стремящейся впередъ и впередъ, раздираемой на части воздвигаемыми ей на пути препятствіями, и снова сливавшейся въ единое цѣлое, чтобы съ удвоенной силой ринуться на новую упорную борьбу,—энергія эта приводила меня въ изумленіе. Вотъ,—думалъ я,—что значитъ постоянство въ достиженіи своей цѣли, вотъ что значитъ несокрушимость энергіи: послѣ дòлгоїї, упорноїї борьбы всѣ преграды сокрушены, ничего не мѣшаетъ движенію впередъ, и торжествующій побѣдитель, оставивъ весь свой прежній задоръ ожесточеннаго боя, спокойными, ровными шагами идетъ впередъ къ заранѣе намѣченной цѣли. Онъ не боится борьбы, онъ вѣритъ въ побѣду, и побѣда вѣнчаетъ его путь, такъ какъ онъ не сворачиваетъ въ сторону, а идетъ прямо грудью впередъ на препятствіе; — остановить же его — нѣтъ власти: по проторенному имъ пути уже идутъ новыя и новыя свѣжія силы, и чѣмъ дольше его задержитъ преграда, тѣмъ больше силъ соберется къ нему на подмогу и тѣмъ грознѣе будетъ разрушеніе... Но вѣдь это богатырь Енисей!—Эхъ! многому учитъ природа, если задумаешь къ ней приглядѣться...

Челнокъ мой несло впередъ и впередъ... Задернутая прозрачною дымкою даль горизонта попрежнему открыва-

лась передо мною на сѣверѣ... Но вотъ надъ горизонтомъ начинаютъ выступать понемногу какіе-то странные, неясные контуры. Сначала я принималъ ихъ за отдаленные острова, разбросанные по плесу. Но нѣтъ!.. Острова эти чуть замѣтно сближаются одинъ съ другимъ; какою-то гнетущею, что-то человѣческое напоминающею цѣпью перехватываютъ они все плесо, сливаются во-едино, — и изъ глади водъ грозно начинаетъ выдвигаться зубчатая сплошная стѣна, какъ частоколъ гигантскаго острога преграждающая путь богатырю Енисею. Но не дрожитъ богатырь, — онъ вѣдь увѣренъ въ побѣдѣ,—ровною поступью идетъ онъ къ стѣнѣ, не всплеснувъ волною съ досады даже при встрѣчѣ, а только круто повернувъ вдоль ея, кое-гдѣ грозно рокочетъ на каменистомъ уступѣ, спустившемся въ воду, какъ бы пробуя мощной рукой крѣпость кольевъ острожнаго частокола, дерзко преградившаго его прямую дорогу...

Это Тунгузскій хребетъ перерѣзалъ поперекъ рѣку.

Начинается послѣдняя, отчаянная борьба Енисея съ преградой.

Раскинувшаяся на пятнадцать верстъ ширины рѣка наталкивается на каменную стѣну, которую прорѣзываетъ только одно ущелье въ какія-нибудь полтораста саженъ шириною, и вотъ вся масса воды должна прорваться чрезъ эту расщелину.

Пока Енисей, натолкнувшись на стѣну, идетъ вдоль нея, сила теченія его еще не измѣнилась: онъ такъ же ровно и плавно катитъ свои воды, какъ катилъ ихъ по плесу; но ужъ это не тотъ Енисей, что нѣжился тамъ на привольѣ. Поднявшіяся къ небу скалы заслонили отъ него солнце. Исчезла его ясная синь,—и Енисей, грозный и темный какъ ночь, но еще величаво спокойный, подходитъ къ ущелью...

Я ужъ давно взялся за кормовое весло и зорко слѣдилъ за челномъ, недоумѣвая,—куда же идетъ Енисей?—Вдругъ

какая-то страшная сила рванула моїй челнъ въ сторону къ одному изъ уступовъ скалы, съ неимовѣрной быстротой промчала мимо самаго утеса и кинула въ ущелье. Страшный вой и какой-то адскій хохотъ наполнялъ эту щель, водная пыль туманомъ носилась по воздуху, мокрыя темныя стѣны уходили въ недосягаемую вышину, холодомъ и смертью тюремнаго каземата вѣяло отъ этой разщелины. Мой челнокъ, предоставленный самому себѣ, какъ бы устрашенный этой картиной, быстро описывалъ полукругъ, направляясь обратно ко входу въ ущелье. Я инстинктивно изо всѣхъ силъ налегъ на весло и направилъ челнокъ свой обратно. И было пора: только что уносившая къ входу въ ущелье моїй челнъ струя клокотавшей воды начала уменьшать все болѣе и болѣе діаметръ окружности своего вращенія и вдругъ, хлынувъ вся къ центру, образовала быстро крутящуюся воронку, и, мгновенно сомкнувшись, выбросила къ верху съ шипѣніемъ и свистомъ цѣлый снопъ пѣны и брызгъ, съ грознымъ ревомъ обрушившихся снова въ пучину. Ревъ этотъ, отдавшійся эхомъ отъ скалъ, дикимъ хохотомъ прогремѣлъ по ущелью. Не успѣлъ еще я толкомъ очнуться отъ неожиданности, какъ подъ другимъ бортомъ челна ужъ опять раздалось зловѣщее клокотаніе новаго крутящагося водоворота, а впереди взметывались все новые и новые водные столбы, грозя ежесекундно увлечь съ собою мой челнъ въ глубину холодной пучины [1]).

Я употреблялъ все мое умѣніе и ловкость, чтобы проскользнуть, не попадая въ водоворотъ, между этими грозными смерчами. Водная пыль ослѣпляла меня, грохотъ водоворотовъ притуплялъ слухъ и я скорѣе сознавалъ, чѣмъ ощущалъ ту стихійную силу, которая мчала меня съ

---

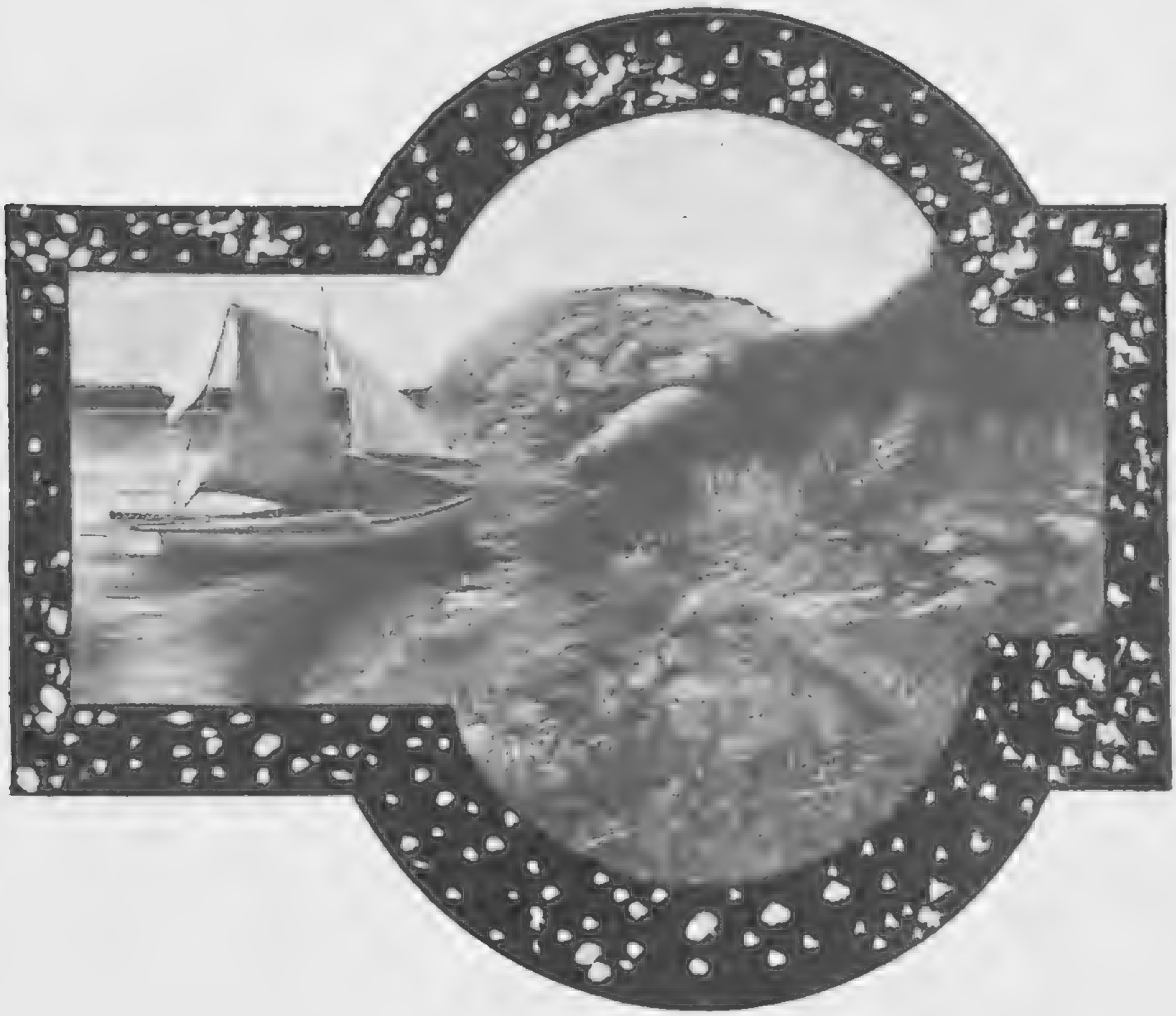
[1]) При попыткахъ англичанъ установить торговыя сношенія съ Сибирою чрезъ Ледовитый океанъ въ этомъ ущельѣ погибло три парохода.

быстротою десяти саженъ въ секунду. Стѣны ущелья сливались въ одну сѣроватую полосу. Кое-гдѣ по верхнему краю этой полосы быстро мелькали отдѣльныя горныя вершины. Вотъ впереди меня, какъ бы вынырнувъ изъ-подъ воды, появился громадный утесъ съ качающимися на вершинѣ его вѣковыми деревьями. Теченіе мчало мой челнъ прямо къ нему и я съ трепетомъ ждалъ рокового удара, но нѣтъ:—утесъ промелькнулъ мимо; за нимъ промелькнули еще два другихъ и весь бѣшенный гулъ раздавался ужъ сзади... Енисей прорвался черезъ „Камень“ и летѣлъ безо всякихъ преградъ по широкому руслу низовья.

Берега его разступаются все шире и шире. Все далѣе и далѣе уходитъ Енисей къ сѣверу. Лѣвый берегъ его отступаетъ въ туманную даль запада, а по правому берегу рѣки живописными контурами выдѣляются вершины горъ, по которымъ властно раскинулась могучая сибирская тайга; но теперь эти горы уже не дерзаютъ посягнуть на широкій просторъ Енисея и только пытаются сдержать стремленіе увеличивающейся массы водъ расширить свое русло къ востоку.

Могучимъ размахомъ волны берегового прибоя плещетъ Енисей въ скалы своего праваго каменистаго берега и многовѣковой работой неутомимой струи крушитъ и точитъ утесы. Чудную картину представляетъ этотъ берегъ Енисея: все подножіе отвѣсныхъ спускающихся въ воду скалъ изборождено слѣдами упорной работы воды; тутъ, подъ нависшею сѣрою массою скалъ, зіяетъ темное отверстіе громадной пещеры, подъ сводами которой гулко отдаются всплески забѣгающихъ туда волнъ;—въ другомъ мѣстѣ подмытый утесъ уже рухнулся въ воду, образовавъ глубоко врѣзавшійся въ берегъ заливъ, надъ гладкой поверхностью котораго кое-гдѣ выступаютъ верхушки затонувшихъ на днѣ его скалистыхъ глыбъ — осколковъ обрушившагося утеса.

По этой хаотической грудѣ холоднаго камня, придавая ей своеобразную прелесть и жизнь, властно раскинулась растительность, беззаботно ютящаяся по всѣмъ уголкамъ, гдѣ только набралась хоть горсточка разрыхленной почвы. Вотъ красной точкой мелькнула въ разсѣлинѣ скалъ



Обточенныя водою и льдомъ скалы.

„сарана“—типичное растеніе Сибири, мучнистыя луковицы котораго замѣняютъ хлѣбъ инородцу. „Выкопалъ саранку?“—смѣется дикарь, когда хочетъ подтрунить надъ споткнувшимся собратомъ, такъ какъ при поискахъ по уступамъ скалъ сараны инородцу частенько случается падать. Въ

другой щели среди зелени листьевъ сверкнулъ „огонекъ“ или „жаркой цвѣтокъ“,—какъ зовутъ сибиряки азіатскую разновидность Trollius'a, отличающуюся палевымъ цвѣтомъ отъ своихъ золотисто-желтыхъ европейскихъ собратьевъ. Холодомъ, сыростью и смертью обдаетъ васъ изъ зіяющаго надъ водой темнаго отверстія пещеры, а надъ самымъ этимъ отверстіемъ уже полновластно развернулась жизнь и цѣлый снопъ зелени и цвѣтовъ всевозможныхъ „campanulaceae“ свѣшивается изящною гроздью съ уступа скалы въ самую пещеру, рѣзко выдѣляясь на темномъ фонѣ отверстія.

Что шагъ впередъ,—то новая картина, новая крайность, новая неожиданность сопоставленій.

Знакомую близкую сердцу таежника пѣсню заводитъ источникъ, добѣжавъ изъ далекой тайги до берегового уступа въ скалахъ Енисея. Звонко всплескиваетъ его холодная, прозрачная, чуть замѣтная струйка, перепрыгивая съ уступа на уступъ и съ тихимъ журчаніемъ вливается въ воды могучей рѣки. Не громка, не многосложна лебединая пѣсня источника, а должно быть многое въ ней говорится: всѣ цвѣты, кустарники травки, молодыя тоненькія деревца плотной стѣной обступили источникъ и, дружно тѣснясь къ говорливой струѣ, сплошною зеленой толпою провожаютъ ее съ вершины обрыва до самаго Енисея... А на верху въ отдаленіи стоятъ таежники-старики, вѣковыя деревья, и, покачивая своими вершинами, любовно глядятъ на юный задоръ молодежи, тѣснящейся къ чистому источнику. „Эхъ, молодость, молодость!“ — думаютъ старики, вспоминая минувшее, — „всегда-то и вездѣ ты одинакова и разъ въ жизни вѣдь только бываешь“...

Лучи полуденнаго іюльскаго солнца палятъ нестерпимо термометръ показываетъ свыше $+23^{\circ}$ R., а изъ зеленой заросли, окружающей источникъ, вѣетъ на васъ свѣжестью

и какою-то укрѣпляющею, бодрящею прохладой. Раздвиньте зеленыя вѣтки, закрывающія струйку, и вы увидите, что на многихъ уступахъ скалы, по которымъ перепрыгиваетъ ручеекъ, лежатъ глыбы пропитаннаго водою снѣга.

Сопоставленіе неожиданное и парадоксальное: палящее солнце и не растаявшій снѣгъ. Но мы, вѣдь,—не забудьте—находимся на сѣверѣ Сибири, на томъ сѣверѣ, гдѣ еще покуда властно царитъ природа, а дѣвственная тайга, широко раскинувшаяся по лицу земли, не знаетъ еще губительнаго дѣйствія топора европейца. Берущій свое начало въ глубинѣ тайги ручеекъ бѣжитъ все время подъ покровомъ непроницаемой почти для солнечнаго луча чащи деревьевъ, а ложемъ ему служитъ холодный, никогда не прогрѣвающійся камень. И вотъ его холодная чистая струя, ожившая послѣ долгаго зимняго сна, выбѣгаетъ весною на свѣтъ и просторъ только на самомъ берегу Енисея. Солнечные лучи ярко освѣщаютъ эту струйку, игриво выбѣжавшую изъ-подъ сѣни укрывавшей ее тайги, навстрѣчу къ простору и къ свѣту, но не успѣли они еще отразиться на ея поверхности яркимъ огневымъ отсвѣтомъ, а не только согрѣть ее, какъ она, попрежнему холодная и чистая, скользнувъ по покрытому снѣгомъ утесу, уже канула въ необъятную ширь родимой стихіи.

Солнце палитъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, давно уже растаялъ весь снѣгъ по утесамъ, а тонкая струйка попрежнему чиста и холодна и все еще нѣжится на своемъ ледяномъ бѣломъ ложѣ; орошаетъ она снѣгъ своею холодною влагой, проникаетъ его насквозь, и звонкимъ шаловливымъ голоскомъ хохочетъ надъ напрасными усиліями всемогущаго богатыря—солнца. „Полно, богатырь! не теряй по-напрасну усилій: насильно, вѣдь, не распалишь холодной крови вольной таежной дикарки“!..—И лежитъ

снѣгъ все лѣто по русламъ родниковъ на скалистыхъ уступахъ береговъ Енисея.

Первый такой родничекъ я подмѣтилъ въ Атамановскомъ ущельѣ на среднемъ теченіи Енисея.

А Енисей все дальше и дальше уходитъ на сѣверъ...

Промелькнула уже и Подкаменная Тунгузска со своими живописными берегами, осѣненными темною зеленью стройныхъ пирамидальныхъ пихтъ, промелькнула Бахта, а Енисей разливается все шире и шире. На сѣверѣ его то и дѣло раскрывается безпредѣльная даль горизонта, та даль, гдѣ вода сливается съ небомъ и гдѣ наступаетъ граница всякому представленію человѣка о величинѣ разстоянія.

Кажется, ужъ и такъ могучъ Енисей: раскинувшаяся широко въ обѣ стороны его масса водъ давно перешла всѣ границы представленія европейца о ширинѣ рѣки, а между тѣмъ и съ востока, и съ запада къ нему бѣгутъ все новыя и новыя силы. Широкою темною лентою вливается съ правой стороны въ Енисей Нижняя Тунгузска, окаймленная утесистыми берегами, среди которыхъ плавно катятся ея чистыя холодныя волны. Обрывистые скалистые берега, сжимающіе Нижнюю Тунгузску, доходятъ до самаго Енисея; голыми свѣтло-сѣрыми стѣнами высоко поднимаются они къ небесамъ и, отражаясь въ рѣкѣ, придаютъ ея прозрачнымъ струямъ какой-то мрачный свинцовый отблескъ. Темная зелень пихтъ, лѣпящихся отдѣльными группами по уступамъ утесовъ, рѣзко выступаетъ на свѣтло-сѣромъ фонѣ скалъ и сообщаетъ своеобразную жизнь холодному камню. Дремучая неизвѣданная таёга, сурово насупившаяся и молчаливая, всецѣло заполнила берега Тунгузски и, темною зубчатою каймою вѣнчая ихъ скалистые кряжи, уходитъ въ туманную даль востока, въ ту даль, гдѣ на горизонтѣ надъ сплошнымъ безпредѣльнымъ моремъ зелени выступаютъ

неясными бѣлыми контурами снѣжныя вершины далекаго Бѣлогорья.

А передъ этой суровой картиной природы холоднаго сѣвера, предъ нагроможденными скалами, предъ безпредѣльной тайгой съ выступающими на горизонтѣ снѣжными вершинами,—мощно колышется многоводный Енисей и придаетъ своею широкою водною пеленою какой-то стихійный оттѣнокъ всей раскрывающейся предъ вами картинѣ.

Да, это сѣверъ: всего на полъ-градуса ниже по теченію Енисея отъ впаденія въ него Нижней Тунгузски уже проходитъ сѣверный полярный кругъ, т. е. та граница, за которой начинаются страны полуночи. Еще задолго до того момента, какъ Енисей вступитъ въ область, лежащую за полярнымъ кругомъ, уже становится замѣтнымъ приближеніе страны полуночнаго солнца: надъ Енисеемъ наступаютъ „бѣлыя ночи“.

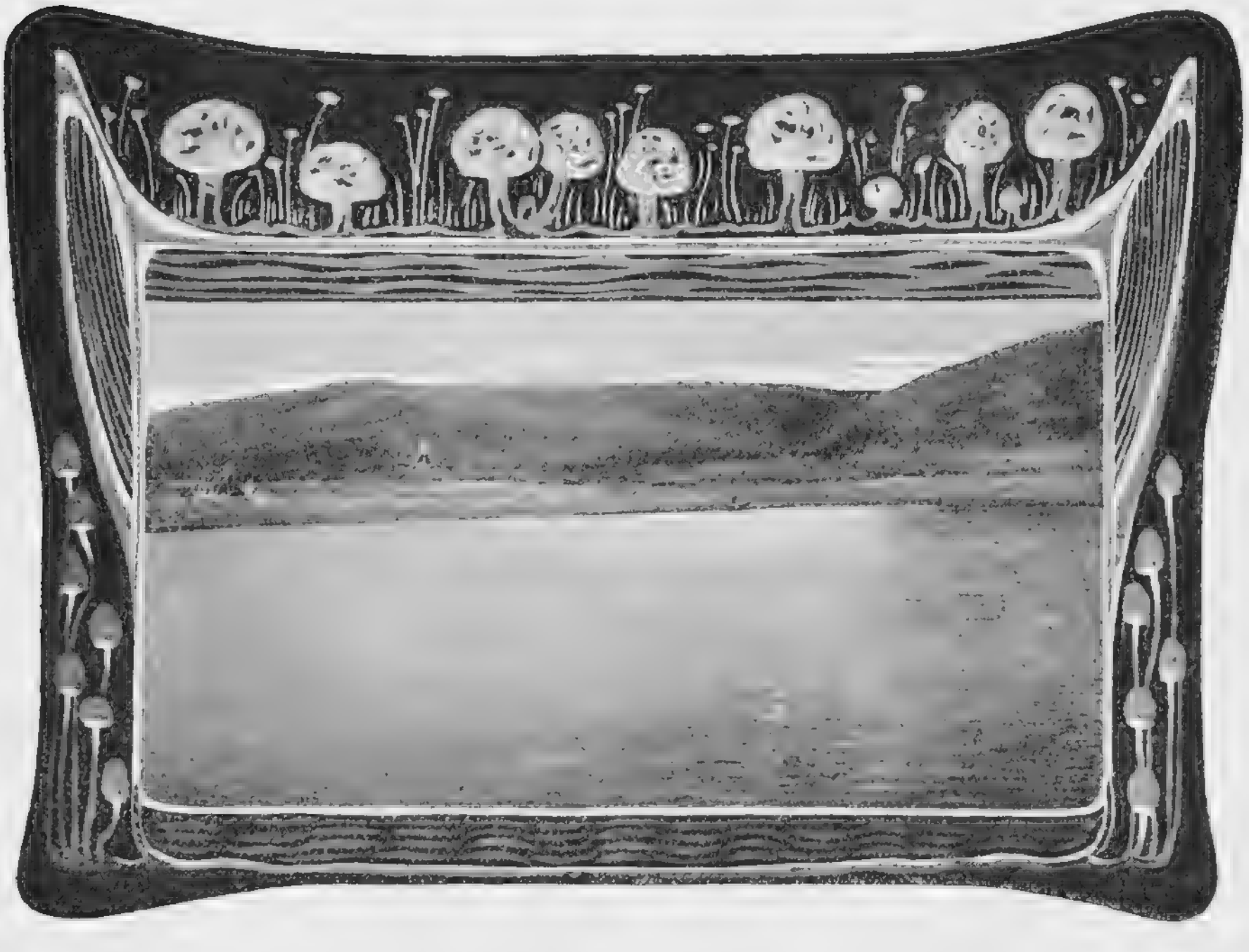
Въ началѣ мая, чуть ли не отъ самаго мѣста впаденія Ангары, надъ Енисеемъ всю ночь не погасаетъ заря: не успѣлъ еще померкнуть закатъ, какъ уже алѣетъ востокъ, и чѣмъ ниже вы спускаетесь по Енисею, тѣмъ ярче и ярче разгораются эти зори и ближе сдвигаются одна съ другою на небосклонѣ. Подплывая къ Нижней Тунгузскѣ, вы уже перестаете отличать одну зорю отъ другой: закатъ и востокъ слились во-едино и чуть скрывшееся за горизонтомъ солнце сейчасъ же снова всплываетъ на небесную высь. Наконецъ, Енисей перешелъ за шестьдесятъ шестой съ половиною градусъ сѣверной широты; солнце уже не скрывается за горизонтомъ, а только чуть касается его въ полночь своимъ нижнимъ краемъ и затѣмъ снова продолжаетъ свой путь по небесному своду. Чѣмъ дальше уходитъ Енисей къ сѣверу за полярный кругъ, тѣмъ выше поднимается въ полночь солнце надъ горизонтомъ и, совершая

весь свой суточный путь безъ заката, цѣлое лѣто освѣщаетъ своими яркими лучами полярныя страны.

Но не одно только солнце, сіяющее въ полуночи надъ горизонтомъ, указываетъ на то, что Енисей катитъ теперь свои воды уже за полярнымъ кругомъ. Начинаетъ мѣняться и зеленый уборъ его береговъ. Рѣдѣетъ сплошная таïга. Темная матовая зелень хвоïныхъ деревьевъ, оттѣнявшая всѣ берега Енисея съ рѣдкими перерывами чуть ли не отъ самыхъ верховьевъ, начинаетъ все чаще и чаще прорѣзываться отдѣльными березовыми рощами. По песчанымъ наносамъ лѣваго берега почти сплошь раскидываются заросли тальника. Гигантскія лиственицы все рѣже и рѣже выступаютъ надъ зубчатымъ контуромъ прибрежныхъ лѣсовъ. Подъ 69-мъ и 70-мъ градусомъ сѣверной широты хвоïныя деревья являются уже только отдѣльными группами, а господствующую растительность составляетъ рѣдкіï, малорослый лиственный лѣсъ: чахлыя березы, ольхи, ивнякъ и березовый ерникъ — кустарное растеніе, напоминающее обыкновенную березу. Еще дальше къ сѣверу исчезаютъ и эти невзрачныя деревца и по берегамъ Енисея ютится одинъ кустарникъ, не превышающій человѣческаго роста; чѣмъ дальше уходитъ Енисей къ сѣверу, тѣмъ ниже пригибается этотъ кустарникъ къ землѣ и затѣмъ переходитъ въ какую-то зеленоватую поросль, разбросанную отдѣльными пятнами по сѣрымъ уступамъ прибрежныхъ утесовъ: Енисеï катится по тундрамъ.

Съ представленіемъ о тундрахъ никакимъ образомъ не должно связывать представленія о своеобразномъ рельефѣ мѣстности; такъ часто приводимое въ учебникахъ географіи опредѣленіе тундры, какъ низменноï болотистоï равнины—совершенно не правильно: тундру создаетъ климатъ и обусловленная имъ растительность, а никакъ не устроïство поверхности.

Неравномѣрность солнечнаго освѣщенія, выражающаяся въ томъ, что въ теченіе лѣта нѣсколько мѣсяцевъ солнце совершенно не скрывается за горизонтомъ, а зимою—вовсе не появляется на полярномъ небосклонѣ, погружая всю страну въ непроглядный сумракъ глубокой ночи, — эта, чуждая для насъ, жителей странъ умѣренныхъ, своеобраз-



Енисей въ тундрѣ.

ность распредѣленія ночи и дня и создаетъ климатъ полярныхъ странъ. Суровые морозы долгой полярной зимы въ 40° — 45° R. глубоко промораживаютъ землю; короткое полярное лѣто не въ силахъ изгладить этихъ слѣдовъ долгой зимы; живительные лучи солнца растаиваютъ землю только на нѣсколько вершковъ съ поверхности, а далѣе въ глубину

Библиотека РИБМФ СССР

33809

лежитъ „вѣчная мерзлота“, т. е. никогда не оттаивающая почва. Корни растеній, вернувшихся къ жизни подъ вліяніемъ весенняго свѣта и теплоты, при первыхъ же своихъ попыткахъ углубиться въ почву наталкиваются на крѣпкую какъ камень ледяную „мерзлоту“ и должны или погибнуть или стлаться по поверхности. Одни растенія погибаютъ и совершенно исчезаютъ въ разсматриваемыхъ широтахъ; другія же выживаютъ, но новыя условія ихъ питанія, въ силу поверхностнаго распредѣленія корней, настолько видоизмѣняютъ внѣшній обликъ растеній, что вы не сразу и признаете своихъ хорошихъ знакомцевъ. Высокая величественная лиственица, горделиво возвышавшаяся надъ сплошною зеленою сѣнью предполярной тайги,—на границѣ тундры является узловатымъ ползучимъ растеніемъ и ея многолѣтній стволъ часто не превосходитъ толщины руки взрослаго человѣка. Рядомъ съ лиственицей также стелется по землѣ и другое хорошо извѣстное намъ растеніе — обыкновенная береза, и только морошка да еще нѣкоторые полукустарники привольно развиваются и здѣсь, видимо, не тяготясь близкимъ сосѣдствомъ студеной, вѣчно промерзлой почвы. Подъ 70-мъ и 71-мъ градусомъ мерзлота выходитъ уже на поверхность земли и здѣсь можетъ произрастать только одинъ лишайникъ да мохъ—типичные представители растительности въ области мерзлой тундры.

Вѣчная мерзлота уходитъ далеко за полярный кругъ и къ югу, но здѣсь она опускается на значительную глубину отъ дневной поверхности и потому не оказываетъ такого замѣтнаго вліянія на растительность, какъ въ странахъ полярныхъ.

Присутствіе вѣчной мерзлоты имѣетъ еще одно важное вліяніе на внѣшній видъ тундры лѣтомъ. Растаявшіе подъ теплыми лучами солнца снѣга образуютъ массы водъ, кото-

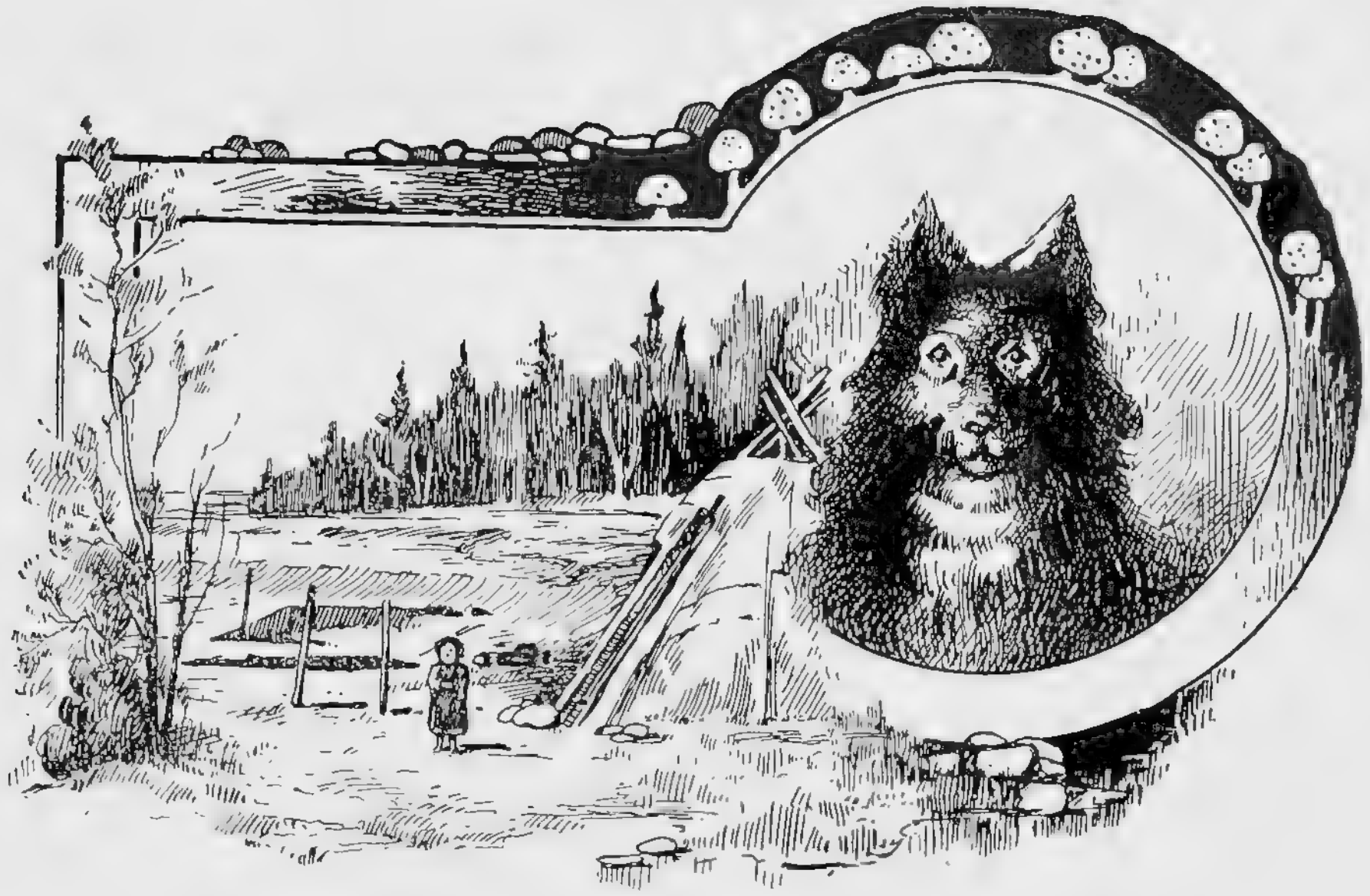
рыя тысячами ручейковъ сбѣгаютъ въ крупныя рѣки. Но далеко не вся вода скатывается съ поверхности тундры: много ея еще остается по отдѣльнымъ ложбинамъ и впадинамъ почвы, не имѣющимъ стока. Оставшаяся отъ таянія снѣговъ вода не можетъ впитаться въ промерзлую почву и потому остается на поверхности, образуя множество мелководныхъ озеръ, пестрящихъ не покрытую растительностью тундру. Эта картина тундры лѣтомъ напоминаетъ поверхностному, случайному наблюдателю впечатлѣніе привычной его глазу картины болотистой мѣстности, а разъ сложилось представленіе болота — тутъ невольно является представленіе и о низменной равнинѣ, и въ нашихъ учебникахъ географіи, — „свято хранящихъ преданія старины глубокой“ — тундра и до сего дня характеризуется, какъ пустынная, болотистая, низменная равнина.

Но стоитъ взглянуть на берега Енисея въ области тундръ, чтобы представленіе о равнинѣ разсѣялось прахомъ.

Каменистыя твердыни по прежнему тѣснятся по его берегамъ; ихъ суровая мощная красота уже не смягчается покровомъ растительности, а выступаетъ во всей своей подавляющей величіемъ наготѣ, и невольно умъ человѣка цѣпенѣетъ передъ этой титанической творческой силой природы, которая проявляетъ величайшую гармонію тамъ, гдѣ блѣдныя попытки творчества человѣка не дерзаютъ даже и помыслить объ открытіи законовъ этой красоты, этой гармоніи...

Рядомъ съ этой красотой все человѣческое тускнѣетъ, все меркнетъ. Не боится этого сопоставленія только одинъ Енисей, да и что общаго у него съ человѣчествомъ?—Ширь его уже превзошла давно границы зрѣнія человѣка; уровень водъ его колеблетъ приливъ и отливъ, т. е. такая сила,

источникъ которой лежитъ даже внѣ предѣловъ нашей планеты. Волны Енисея уже смѣшиваются съ волнами Ледовитаго Океана и человѣкъ не умѣетъ сказать, гдѣ кончается Енисей и гдѣ начинается Океанъ, тотъ Океанъ, который въ своихъ ледяныхъ волнахъ хранитъ тайну сѣвернаго полюса, такъ много вѣковъ тщетно разгадываемую пытливымъ умомъ человѣчества...



ИЛЕКЪ.

Непроходимая тайга шумитъ на высокомъ, обрывистомъ берегу Иртыша. Въ ночномъ мракѣ не видно сибирскихъ исполиновъ — вѣковыхъ кедровъ и лиственницъ, — и только шумъ ударяющихся одна о другую вѣтвей выдаетъ ихъ присутствіе.

Шумитъ и гудитъ тайга, пересиливая своимъ мощнымъ рокотомъ раскатистые удары волнъ въ прибрежные кряжи, — и эта дикая, своеобразная мелодія, понятная и близкая только сердцу таежника, далеко разносится по взбудораженной вѣтромъ шири водъ Иртыша... Но чу! — какой-то жалобный, ноющій, за сердце хватающій стонъ высокой, долгой нотой прорѣзалъ и шумъ тайги, и рокотъ волны, прозвучавъ безысходной жалобой откуда-то сверху, съ прибрежнаго кряжа. За первымъ стономъ пронесся второй,

еще болѣе высокій и продолжительный, а за нимъ еще и еще,—и ноющее, жалобное завываніе, то усиливаясь, то замирая, сливается со своеобразными аккордами грохота волнъ и могучаго шума тайги... Волкъ-ли это затянулъ свою пѣсню? — да что-то непохоже, — не время теперь сѣрому бродягѣ подавать свой голосъ: — на то есть у него зима, тогда вой съ голодухи на сколько горла хватитъ. Да и самый вой-то ужъ больно тоскливъ: видно, что не одна физическая боль пустого желудка вызываетъ эти рыдающіе звуки; въ нихъ слышится скорбь, скорбь надрывающая сердце, и отъ болящаго сердца льются эти стоны, — не выть такъ сѣрому бирюку, не его сердцу терзаться скорбью!..

На самомъ краю берегового обрыва, свѣсившагося надъ свинцовою, взбудораженною волнами поверхностью водъ Иртыша, сидитъ, прижавшись къ стволу вѣкового кедра, собака и ея-то стоны смѣшиваются съ завываніемъ расходившейся непогоды. Острая, тонкая мордочка и стоячія уши выдаютъ сибирскую уроженку. О чемъ же тоскуетъ она? Какимъ горемъ надрывается собачье сердце? Вѣдь она въ своей родимой тайгѣ, гдѣ все ей знакомо и близко. Не буря же страшитъ ее, не осенній дождь, который, какъ губку, смочилъ ея кудлатую, сбитую комками, пушистую шубу: сибирская собака не боится ненастья; свернется она клубкомъ въ самую злую непогоду въ какомъ-нибудь укромномъ уголку и спитъ себѣ сномъ праведника. А ужъ здѣсь-ли не раздолье въ такихъ укромныхъ уголкахъ: заползай подъ любой корень вѣкового кедра и никакая непогодь тебя не тронетъ!..

Но не думаетъ песъ укрываться отъ непогоды; другія мысли, не о промокшей шубѣ, бродятъ въ умной собачьей головѣ. Сидитъ, дрогнетъ песъ и думаетъ свою тяжелую думу. — „Да, тайга — его родина; только не эта таïга, кото-

рая шумитъ теперь надъ его безпріютною головою, а другая, далекая-далекая, широко раскинувшаяся по низовьямъ Енисея и переходящая въ безпредѣльныя тундры...

Хорошо жилось тамъ Ильку. Лѣтомъ кочевалъ онъ со своимъ хозяиномъ-остякомъ по тундрѣ, таская за нимъ на саняхъ, въ одной запряжкѣ съ другими псами, легковѣсный домашній скарбъ кочевника. Хотя и тяжела бывала подчасъ работа и хоть много повытеръ шерсти изъ собачьей хребтины жесткій „алакъ“ [1]), но зато какъ доберутся до мѣста рыбной ловли „на низовьяхъ“ [2]), да поставятъ „чумы“ [3]), такъ тутъ Ильку — прямо блаженство: работы — никакой, ѣды — какъ начнутъ потрошить рыбу — вволю; ѣшь, насколько боковъ хватитъ, а надоѣла рыба — побѣжитъ Илекъ въ тундру и ужъ тутъ промышляй, сколько самъ хочешь, на свой собственный коштъ. Гусей, утокъ, гагаръ и линялыхъ, и молодыхъ въ тундрѣ въ ту пору видимо-не-видимо. До того напромыслитъ ихъ себѣ Илекъ, — что, подъ конецъ, просто и смотрѣть на нихъ не можетъ, не то чтобы есть: это вѣдь только люди выдумываютъ, что собака жаднѣе ихъ.

Хорошо жилось Ильку и зимою, когда ходили они вдвоемъ съ хозяиномъ въ тайгу промышлять звѣря. Хотя ѣды зимой куда меньше, чѣмъ лѣтомъ, а въ сибирскіе морозы ѣсть-то вѣдь вдвое противъ обыкновеннаго хочется, но Илекъ забывалъ про все, когда его чуткій носъ подмѣчалъ присутствіе по близости какого-нибудь звѣря. Стоило полюбоваться тогда на него, съ какимъ дѣловитымъ видомъ онъ

---

[1]) *Алакъ* — ременный хомутъ, который одѣваютъ при запряжкѣ собакъ, накладывая его на спину немного выше крестца, а затѣмъ завязываютъ подъ пахомъ; постромка пропускается между заднихъ ногъ собаки.

[2]) „На низовьяхъ“ — т. е. на нижнемъ теченіи Енисея.

[3]) „Чумъ“ — берестяный шалашъ — переносное жилище инородцевъ.

поводилъ своей острой мордочкой, выискивая убѣжище какой-нибудь притаившейся бѣлки и, затѣмъ, когда звѣрь былъ открытъ, какимъ звонкимъ, побѣднымъ лаемъ оглашалась тайга... Хозяинъ Илька хорошо зналъ его лай, издалека опредѣлялъ по нему, какого звѣря промыслилъ песъ, и на легкихъ лыжахъ мчался на подмогу, заранѣе налаживая подходящую стрѣлу, потому что „Илекъ понапрасну брехать не будетъ".

Много промыслилъ Илекъ на своемъ вѣку разнаго звѣря. Много на звѣриные мѣха намѣнялъ хозяинъ у русскихъ хорошихъ вещей, а еще того болѣе — водки: за водку онъ готовъ былъ отдать все: и жену, и дѣтей, и Илька, и даже, пожалуй, себя самого; да на его счастье товаръ этотъ не очень-то нуженъ „русскимъ торгующимъ".

Водка эта и Илька загубила. Всѣ мѣха, что съ большимъ трудомъ добыли они въ тайгѣ въ эту зиму, — хозяинъ понесъ къ русскимъ. Увязался за хозяиномъ и Илекъ. Какъ же и не идти: вмѣстѣ, вѣдь, добывали, ну, значитъ, и продавать будемъ вмѣстѣ! Хозяинъ идетъ такой веселый, все съ Илькомъ разговариваетъ; разсказываетъ ему, какъ русскіе купцы почитать его будутъ за то, что онъ столько звѣря добылъ; дадутъ-де ему для бабы красный платокъ, самому дадутъ трубку съ мѣднымъ наборомъ, табаку дадутъ, чаю дадутъ, сухарей дадутъ много-много, а водку онъ покупать не будетъ: водка—черная болѣзнь остяку, отъ ней весь остяцкій народъ погибаетъ; такъ и шаманъ говоритъ, а шаманъ не вретъ.

„Ты чего Илекъ смотришь?! — Не вѣришь, песъ, думаешь, какъ прежній разъ, опять водку покупать буду? Нѣтъ! теперь я умный сталъ, какъ нынче зимой чуть съ голоду всѣ не подохли: рыбы—нѣтъ, сухарь—нѣтъ, олень на сокуй [1])—тоже нѣтъ, — все русскій за водку взялъ! — Нѣтъ, Илекъ, ты и

---

[1]) „Сокуй" — мѣховое верхнее зимнее платье.

думать не смѣй, что я водку покупать буду, а то побью“! .. — И махнулъ хозяинъ на Илька палкой, разсердился даже, а Илекъ только хвостомъ завилялъ: — „Ладно, молъ, хозяинъ, чай вмѣстѣ голодать-то пришлось! Понимаю, во сколько стала намъ эта самая водка!“

Шли, долго шли, наконецъ добрались и до Тунгузки, а тутъ, по рѣкѣ, до русскаго поселка близехонько. Пріютился онъ на самомъ мысу между Тунгузкою и Енисеемъ. Но чѣмъ ближе подходили къ поселку наши путники, тѣмъ сердитѣе и молчаливѣе становился хозяинъ Илька, подъ конецъ пути даже и говорить пересталъ, идетъ насупившись, молчитъ, да только иной разъ съ досадой отплюнется. Илекъ — полно и по сторонамъ бѣгать, — глядя на хозяина тоже затосковалъ: плетется за нимъ по пятамъ и даже хвостъ опустилъ плетью... А, кажется, и тосковать бы нечего, — добрались до конца своего далекаго пути, — да вотъ бѣда: не любитъ свободный таежникъ русскихъ поселковъ, одна нужда только и загонитъ его туда, претитъ ему и заискиваніе „торгующаго“, и сознаніе своей полной беззащитности передъ ловкими подвохами русскаго маклака; знаетъ бѣдный дикарь, что оплетутъ его кругомъ и, какъ онъ ни крѣпись, все же не добыть ему не только барышей, но и съ прежнимъ долгомъ, чего добраго, нечѣмъ будетъ расплатиться...

А въ поселкѣ уже давно замѣтили желанныхъ гостей; два бородатыхъ мужика стоятъ у крайней избы и, предвкушая наживу, заранѣе ухмыляются въ бороды. Не успѣли еще Илекъ съ хозяиномъ дойти до нихъ, а они уже, — безстыжые глаза, — галдятъ: „Ко мнѣ, ко мнѣ, Василій Ивановичъ [1]), у меня водка ухъ какая хорошая, сразу заберетъ!“ — (Еще бы не забрать, коли на махоркѣ настоена).

---

[1]) Русскіе поселенцы на низовьяхъ Енисея всѣхъ инородцевъ называютъ „Василій Ивановичъ“.

Подошелъ нашъ „Василій Ивановичъ“ къ „торгующимъ“; подалъ имъ, какъ бывалый человѣкъ, руку, сказалъ имъ свое: „здравствуй, здравствуй!“ и, затѣмъ, степенно добавилъ: — „Нынче водка — не надо: сухарь надо, чай надо, табакъ надо, бабѣ платокъ надо, — вотъ что надо, а водка — ненадо, — я умный сталъ“.

А „торгующіе“ такъ и покатились со смѣху. — „Ай да Василій Ивановичъ, вотъ такъ умный сталъ: безъ водки торговать хочетъ! Смотри, братъ, богатъ скоро будешь!.. Брось, пойдемъ, поднесу стаканчикъ, такъ, небось другое заговоришь“... — да еще лапой по плечу хозяина колотитъ, кудлатое рыло!

Илекъ съ досады даже зубами защелкалъ, да потомъ струхнулъ, какъ бы хозяину коммерцію не попортить и для отвода глазъ, вильнувъ хвостомъ, мазнулъ мордой по травѣ: „Такъ, молъ, что-то въ зубахъ завязло“...

А хозяинъ крѣпится: „Водка — не надо; водка — худой; давай сухарь, чай, а то къ другому пойду“. — Переглянулись бородачи и говорятъ: — „Брось, Василій Ивановичъ, не сердись! — Мы сами теперь видимъ, что ты умный сталъ; намъ же, вѣдь, самимъ безъ водки торговать складнѣе: водка, самъ знаешь, дорого стоитъ, да и опасаться съ ней много надо, того и гляди, приставъ въ Туруханскѣ узнаетъ, что водку тебѣ даемъ, — такъ и намъ попадетъ“.

— „А какъ же у меня самъ приставъ песца за водку бралъ?“ — „Ну, это — статья особая: на то онъ и приставъ“... А сами хохочутъ. — „Мы, говорятъ, тебѣ и водку-то предлагали, вѣдь, — даромъ на угощеніе, а не за товаръ“. — Даромъ?!..“ — „А ты думалъ какъ? — Конечно, даромъ! — Вотъ, молъ, Василій Ивановичъ пришелъ изъ тайги, звѣря принесъ, умный сталъ... Ну, мы и хотѣли его попотчевать, а онъ, выходитъ, совѣмъ и не умный: даровой водки не

хочетъ пить! А водка-то какая, — ухъ! — какъ огонь такъ и жжетъ!..“

Не выдержалъ бѣдняга: даровая водка доканала его... — „А теперь... дашь?“ — робко говоритъ хозяинъ Илька и въ глаза торговцамъ заглядываетъ, а у самого руки такъ и трясутся, и ногами перебираетъ, на мѣстѣ стоять не

„Василій Ивановичъ“.

можетъ. — „Для чего не дать, — отвѣчаютъ русскіе, — посулились, такъ дадимъ, только, по-совѣсти, тебѣ теперь и давать бы не слѣдовало, потому ты насъ обидѣлъ: отъ нашего угощенія отказывался...“ — „Нѣтъ дай, пожалуйста, дай, я тебѣ звѣрь дешевле давать буду, я черный лисица добывалъ!..“ — „Черную лисицу добылъ?“ — торопливо перебилъ остяка одинъ изъ „торгующихъ“, и глаза у обоихъ заблестѣли, что у волковъ зимнею ночью, — „совсѣмъ черную“ —

„Ну, пойдемъ въ избу: тамъ ладнѣе разговаривать будетъ," — добавилъ другой, опасливо поглядывая на край деревни, откуда подходило еще нѣсколько человѣкъ жителей поселка. Хозяинъ Илька послушно взвалилъ ворохъ шкуръ на спину и мелкими шажками затрусилъ за своими знакомцами, забѣгая впередъ и твердя робкимъ голосомъ: „Такъ даромъ водка дашь, не обманешь?!.." Они уже входили въ ворота, когда съ ними поравнялись шедшіе на встрѣчу поселенцы, изъ которыхъ одинъ громко крикнулъ: „Эй, Василій Ивановичъ, иди лучше ко мнѣ, а то, вѣдь, эти вороны облапошатъ тебя до-чиста!" — Василій Ивановичъ остановился было въ воротахъ, но первый его знакомецъ безъ лишнихъ разговоровъ повернулъ его за плечи и втолкнулъ во дворъ, проворно захлопнувъ ворота, — такъ что чуть Ильку рыла не прищемилъ, — и ужъ изъ-за воротъ крикнулъ на улицу: „Коли сами проспали, такъ ничего у другихъ отбивать", — а затѣмъ хлопнулъ дверью: — должно быть, въ избу вошелъ.

Такъ и остался Илекъ на улицѣ, не успѣвъ прошмыгнуть во дворъ. Вздумалъ онъ съ горя повыть немного: — „Какъ же, молъ, это второго продавца въ избу не пустили?" — да и то пришлось замолчать: проходившая мимо баба, услыхавъ его жалобы, сердито крикнула — „вой на свою голову окаянный!" — и запустила въ него камнемъ. Едва увернулся Илекъ, а все-же по задней лапѣ задѣло; такъ на трехъ лапахъ и заковылялъ бѣдняга... Повертѣлся онъ, повертѣлся подъ окнами, тяжело вздохнулъ и улегся, свернувшись калачикомъ, дожидаться хозяина... А въ избѣ до полуночи шелъ смѣхъ и говоръ, — и чуяло собачье сердце Илька, что не видать хозяину ни сухарей, ни чаю, ни краснаго платка для бабы.

Къ полуночи въ избѣ мало-по-малу затихло, а затѣмъ внутри двора послышалась какая-то возня и скрипнули во-

рота. Илекъ насторожилъ уши и подскочилъ къ воротамъ какъ-разъ въ то время, когда изъ нихъ на улицу вывалилась какая-то темная грузная масса и съ бормотаніемъ завозилась въ грязи на дорогѣ поселка. Ворота снова захлопнулись, а Илекъ съ сокрушеннымъ сердцемъ узналъ въ шевелящемся у воротъ существѣ своего бѣднаго хозяина. Но въ какомъ видѣ онъ былъ теперь! Вмѣсто нарядной „поорки“, которую такъ старательно раздѣлывала разными узорами цѣлую зиму хозяйка,—на немъ болтались теперь грязныя лохмотья рваной русской рубахи. Ноги, еще утромъ обутыя въ новые кожанные „пимы“, были теперь обнажены и рѣзко бѣлѣли на темной грязи дороги, а изъ всего прежняго наряда остались только куски „ровдуги“, которыми были обернуты бедра: даже кружокъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, надѣтый на головѣ, и тотъ сняли алчные вороны.

Забѣжалъ Илекъ съ головы,—„чего, молъ, хозяинъ не поднимается?“—ткнулъ его своимъ мокрымъ носомъ въ лицо, да тутъ же и чихнулъ на всю улицу: такой духъ идетъ отъ хозяина, что и терпѣть нельзя. А все же и оставить такъ—тоже нельзя: хозяинъ-то спитъ, а изъ губы у него кровь такъ и льется—во снѣ должно быть закусилъ—хочешь не хочешь, а надо зализывать. Сунулся Илекъ во второй разъ, успѣлъ-таки разъ-другой губу хозяину лизнуть, да какъ опять этимъ духомъ пахнуло,—такъ Илекъ, какъ ни крѣпился,—откатился кубаремъ и ужъ чихалъ, чихалъ, даже съ визгомъ подъ конецъ чиханье выходить начало.

Отчихался Илекъ, сѣлъ около хозяина и думаетъ:—„Ладно, хозяинъ, зализывай губу самъ, коли хочешь, а мнѣ не подъ силу, и такъ отъ чиханья чуть все нутро не вывернуло. Вѣрно, этой самой водкой отъ хозяина-то и пахнетъ... но какъ онъ себѣ это губу укусилъ, да и глазъ одинъ тоже

что-то больно запухъ, — ровно будто бы мошка наѣла, да откуда только теперь мошкарѣ взяться?! — Ну, да ладно, проснется, все-равно самъ разскажетъ. Только чего онъ въ грязи улегся, дай-ка я его побужу!“ — И ткнулъ Илекъ хозяина носомъ подъ бокъ, а тотъ — хоть бы пошевельнулся. — Попробовалъ Илекъ второй, третій разъ, даже лапой поскребъ, да такъ ничего и не добился: лежитъ хозяинъ, какъ колода, и даже бормотать пересталъ.

Не хотѣлось Ильку ложиться въ грязь, да, вѣдь, — не бросать же хозяина! — такъ тутъ по среди дороги и улегся около него, свернувшись калачикомъ. А тутъ еще на грѣхъ и непогодь пошла: дождь такъ и поливаетъ. Промокъ весь Илекъ, чувствуетъ, что и хозяинъ дрожитъ, прижался къ нему Илекъ покрѣпче и забылся чуткою собачьею дремотою. Долго такъ рядкомъ въ грязи по срединѣ дороги негостепріимнаго русскаго поселка лежали подъ холоднымъ дождемъ горемычные таежные гости. Одинъ — одурманенный какимъ-то страшнымъ зельемъ подъ именемъ водки и затѣмъ ограбленный, раздѣтый и избитый, — другой — холодный, голодный и также побитый, промокшій до костей и болящій душой за горе своего хозяина. Лежитъ Илекъ; давно уже у него и дремота прошла, какъ отъ холода зубъ на зубъ пересталъ попадать. Лежитъ Илекъ и чувствуетъ, что его мокрая шуба отъ свѣжаго утренника уже льдомъ покрываться начинаетъ. — „Ну“, — думаетъ песъ, — „дѣло плохо: замерзнетъ такъ у меня хозяинъ!“

Быстро вскочилъ Илекъ на затекшія лапы, встряхнулся, чтобы послѣднюю дремоту прогнать, и при этомъ встряхѣ зазвенѣлъ обледенѣлыми сосульками своей кудлатой шубы. Затѣмъ, припавъ на переднія лапы у самой головы хозяина и ласково виляя обледенѣлымъ хвостомъ, онъ громко тявкнулъ ему въ самое ухо. Не слышитъ хозяинъ. Илекъ за-

бѣжалъ съ другой стороны, продѣлалъ опять ту же штуку, но опять безуспѣшно. Сѣлъ песъ около хозяина и съ досады визгливо зѣвнулъ, размахнувъ во всю ширь свою зубастую пасть, поскребъ затѣмъ глубокомысленно лапою за ухомъ и вдругъ, какъ бы озаренный блестящею мыслью, быстро вскочилъ и съ разбѣгу толкнулъ обѣими передними лапами хозяина въ спину, огласивъ всю улицу громкимъ лаемъ.

Шевельнулся хозяинъ отъ толчка, промычалъ что-то и опять уткнулся лицомъ въ землю, но Илекъ не дремалъ: онъ уже съ остервенѣніемъ вцѣпился въ жалкіе остатки одежды хозяина и подъ его острыми зубами клочьями летѣли лоскутки обмерзшихъ лохмотьевъ, а самъ хозяинъ ерзалъ по землѣ изъ стороны въ сторону. Такая неожиданная встрепка произвела свое дѣйствіе и пересилила опьяненіе. Хозяинъ медленно приподнялся и сѣлъ, протирая глаза, а Илекъ, добившись своего, мгновенно успокоился и, степенно подойдя къ нему, сталъ потираться мерзлой мордой о плечо, какъ бы желая сказать: — „Не робѣй, хозяинъ, я, вѣдь, съ тобою!“

Долго сидѣлъ остякъ, протирая глаза и не чувствуя холода. — Уже свѣтало. Дождь пересталъ, тучи поразнесло, и утренній вѣтерокъ гналъ съ рѣки обрывки тумана, застилая мигавшія еще кое-гдѣ на блѣднѣющей синевѣ неба послѣднія звѣзды. Черными зубчатыми силуэтами прокладывались на небѣ вершины деревъ вѣковой тайги, надвинувшейся сплошной стѣною на обрывистый берегъ Тунгузки, самый же берегъ исчезалъ въ волнахъ тумана, густой пеленою окутывавшаго всю рѣку. Тотъ берегъ, на краю котораго вытянулся поселокъ и гдѣ теперь сидѣлъ Илекъ со своимъ хозяиномъ, бѣлѣлъ, подернутый пушистымъ инеемъ...

Долго сидѣлъ хозяинъ, протирая глаза, долго не могъ ничего сообразить, наконецъ, все-таки пришелъ въ себя,

съ удивленіемъ взгянулъ на остатки обмерзлыхъ лохмотьевъ, на свои голыя ноги, быстро обернулся назадъ, взглянулъ на рядъ избъ и... и вспомнилъ все. Быстро вскочилъ на ноги полузамерзшій, до-нага ободранный остякъ, обернулся пылающимъ гнѣвомъ лицомъ къ ряду избъ и, сжавъ кулаки, со страшною ненавистью погрозилъ ими спавшему поселку. Затѣмъ... затѣмъ онъ упалъ, какъ подкошенный на землю и, обхвативъ дрожавшими руками косматую шею Илька, прижался къ нему и зарыдалъ, зарыдалъ такъ, какъ можетъ рыдать только человѣкъ, потерявшій все для него дорогое и въ будущемъ, и въ настоящемъ.

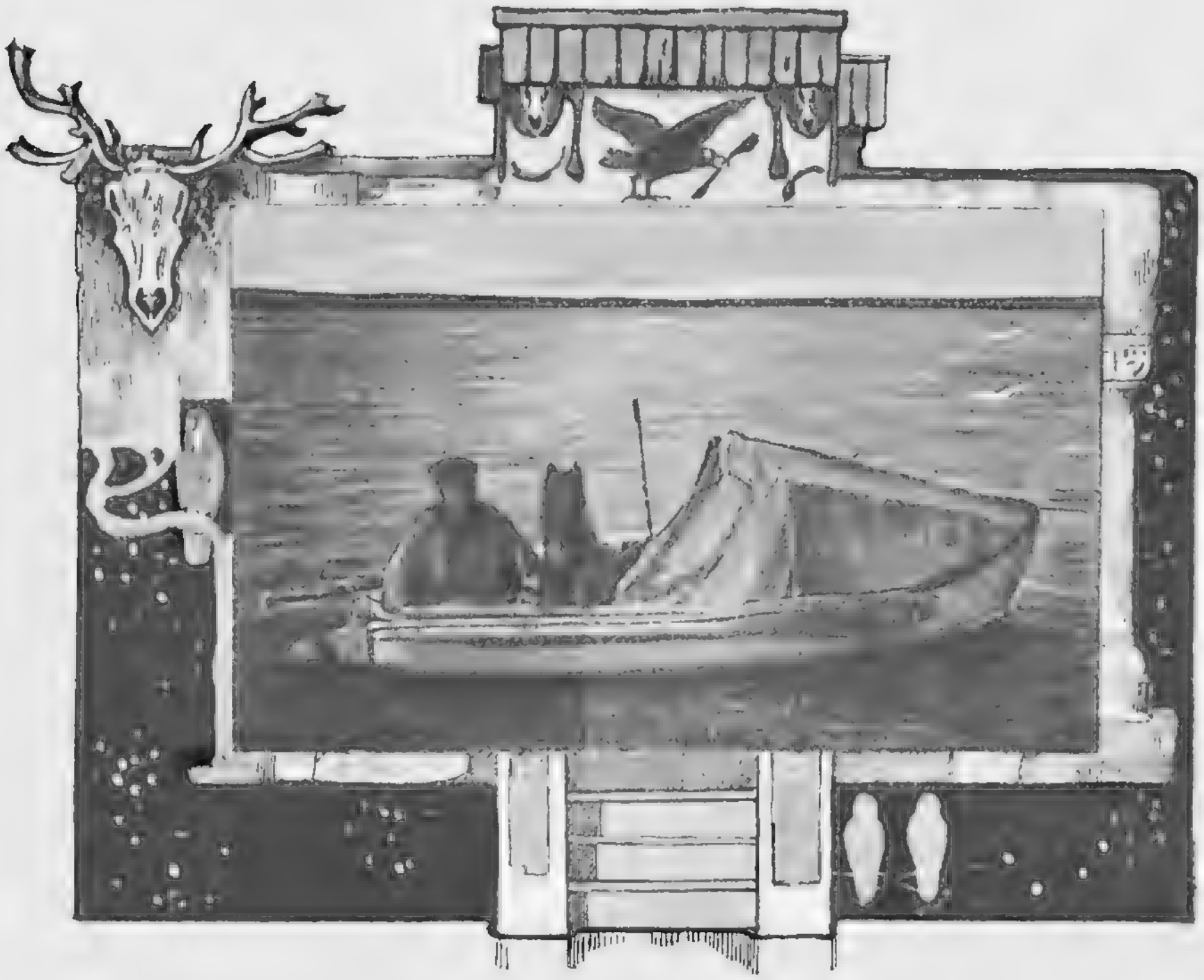
Понялъ горе бѣднаго остяка развѣ только одинъ вѣрный Илекъ, который, не жалѣя языка, утиралъ его слезы, да еще пожалуй одинъ человѣкъ, стоявшій въ это время въ туманѣ на берегу Тунгузки. Долго рыдалъ остякъ, обнявъ своего Илька, такъ долго, что небо уже совсѣмъ посвѣтлѣло, а на юго-востокѣ, надъ бѣлою пеленою тумана, всплыло ярко-алое облако, — это солнце, скрытое еще за горизонтомъ, освѣтило своими первыми лучами снѣжныя вершины Бѣлогорья.

Долго рыдалъ остякъ, но, наконецъ, смолкъ, хотя судорожное подергиваніе плечъ еще выдавало его тяжелую душевную муку. Смолкъ онъ, сжалъ голову руками, и лежалъ пластомъ на землѣ. Вѣрный Илекъ вертѣлся около него, не зная, что ему теперь дѣлать.

Вдругъ остякъ быстро поднялся, мутными глазами оглядѣлся кругомъ и рѣшительнымъ шагомъ направился къ тѣмъ воротамъ, изъ которыхъ его ночью выбросили на улицу. Твердою рукою взялся онъ за скобку воротъ и, кажется, сейчасъ ихъ отворитъ... Но вотъ рука, взявшая скобку, медленно опустилась, остякъ низко свѣсилъ голову и, безнадежно махнувъ рукой, быстро повернулся и заша-

галъ къ тайгѣ, къ той тайгѣ, которая скроетъ своего сына отъ алчнаго взгляда русскаго поселенца и заставитъ забыть ту душевную муку, которую испыталъ довѣрчивый дикарь, пробывъ всего одну только ночь въ русскомъ поселкѣ.

Долго Илекъ съ хозяиномъ не забудутъ этой ночи!..



Илекъ и его новый хозяинъ.

Человѣкъ, стоявшій въ туманѣ на берегу рѣки, видѣлъ все это. Онъ пошелъ за остякомъ и нагналъ его у опушки лѣса. Какъ ужаленный, кинулся остякъ въ кусты, снова увидавъ передъ собою ненавистнаго русскаго, а Илекъ, оскаливъ зубы, готовъ былъ, кажется, перервать врагу горло. Большихъ трудовъ стоило русскому уговорить остяка вернуться съ нимъ къ рѣкѣ и взойти въ его лодку. — На

самомъ берегу Тунгузки подъ защитой берегового кряжа былъ причаленъ крошечный челнокъ, затянутый сверху парусиной. Подъ эту покрышку чрезъ маленькую дверь забрался хозяинъ Илька вмѣстѣ съ бородатымъ русскимъ. Что они тамъ дѣлали, о чемъ говорили,—Илекъ не знаетъ. Видѣлъ только Илекъ, что русскій въ томъ же челнокѣ у двери развелъ огонь и вскипятилъ чайникъ, а затѣмъ съ этимъ чайникомъ пролѣзъ опять въ дверку. Потомъ русскій все зазывалъ къ себѣ и Илька, да Илекъ не дуракъ—не пошелъ; русскій же разсердился, да какъ броситъ чѣмъ-то въ Илька, — Илекъ поджалъ хвостъ и — „давай Богъ ноги“.— Отбѣжалъ Илекъ, потянулъ носомъ: „А, вѣдь, сухаремъ пахнетъ!“— у самого же животъ такъ и подводитъ: второй день ничего не ѣлъ. Потянулъ носомъ еще разъ: „И впрямь сухарь, да и гдѣ-то недалеко! — И вотъ Илекъ крадучись, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачкомъ, потягивая по дорогѣ носомъ, пошелъ на запахъ. — „Что за притча, это, вѣдь, никакъ русскій въ меня сухаремъ запустилъ!—и цапъ находку! — А русскій, легокъ на поминѣ, опять изъ будки своей выглядываетъ и опять чѣмъ-то мѣтитъ въ Илька. Не выдержалъ и здѣсь Илекъ: какъ русскій рукой махнулъ, онъ опять въ кусты стрекача задалъ, только уже смотрѣть, чѣмъ въ него кинули, — пошелъ безъ прежней опаски, потому что носомъ чуетъ, что опять сухарь. Да и русскій смѣется, а за нимъ и смѣхъ хозяина слышенъ. — „Ну, а коли хозяинъ смѣется—значитъ опасаться нечего!“

Солнце стояло уже высоко, когда хозяинъ и русскій вылѣзли изъ будки. Илекъ посмотрѣлъ на хозяина, да не сразу его и призналъ. Вырядился хозяинъ въ красную русскую рубаху, да и на ноги что-то натянулъ, что русскіе носятъ. Въ рукахъ у него мѣшокъ съ чѣмъ-то, а самъ такой веселый: все русскому свое „пасибо, пасибо“ твердитъ и за

руку его трясетъ.—„Баба чай есть, говоритъ, сухарь есть, табакъ есть, много, всего много, на долго хватитъ“. — А русскій смѣется: „Ну, Василій Ивановичъ, а вотъ водки ужъ нѣтъ — не взыщи!“ Илекъ какъ про водку услышалъ, такъ даже сухаремъ поперхнулся: — „Тьфу, молъ, чтобъ тебя... только аппетитъ портишь!“ — „Ну“, говоритъ хозяинъ русскому,— „нѣтъ у меня ничего, все русскій взялъ,— нечѣмъ тебя благодарить; бери Илька, онъ тебѣ за меня услужитъ, беречь тебя будетъ, звѣря промышлять будетъ...“ А русскій ему въ отвѣтъ — „Что ты, что ты, Василій Ивановичъ, вѣдь Илекъ — тебѣ другъ, какъ же друга-то отдавать можно“?!—„А ты развѣ мнѣ не другъ? Ты развѣ для меня пожалѣлъ чего?—Остякъ глупый человѣкъ, остякъ — ничего не знаетъ, но что ты его пожалѣлъ, это онъ знаетъ.—Если ты не возьмешь у меня Илька,—я у тебя ничего не возьму, а какъ же я безо всего въ свой чумъ приду, какъ на свою бабу погляжу?! — Нѣтъ, возьми, пожалуйста, возьми Илька...“—А самъ Илька за шиворотъ ухватилъ и въ будку на челнокъ толкаетъ. Втолкнулъ, опустилъ дверку и давай опять русскаго за руку трясти. Илекъ же бѣдный прямо ошалѣлъ: какъ жевалъ сухарь, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ, и видитъ все, и слышитъ, да ни глазомъ своимъ, ни ушамъ не вѣритъ. — „Какимъ это еще новымъ зельемъ русскій хозяина опоилъ, что тотъ самъ своими руками Илька въ кабалу отдаетъ, да еще взять упрашиваетъ?!

Такъ и не понялъ этого Илекъ ни тогда, когда они вдвоемъ съ русскимъ поплыли внизъ по Тунгузкѣ къ Енисею, ни тогда, когда онъ, Илекъ, вѣрой-правдой служилъ цѣлое лѣто своему новому хозяину, русскому, во время странствованій его по берегамъ Енисея. Не понялъ этого Илекъ еще и теперь, когда сидѣлъ одинъ-одинешенекъ въ темную

осеннюю ночь на берегу Иртыша и оглашалъ глухую тайгу своими тоскливыми стонами.

Какъ же попалъ сюда Илекъ?—Послѣ долгихъ странствованій съ русскимъ добрались они наконецъ до Иртыша и вмѣстѣ съ хозяиномъ плыли по этой рѣкѣ на большой чудной лодкѣ, которую русскій называлъ „пароходомъ“. Стояла глухая осень... Уже много дней они плывутъ на пароходѣ. Груститъ, скучаетъ Илекъ, глядя на вѣковую тайгу, которая мощной стѣной надвигается на обрывистый берегъ рѣки. Тоскуетъ собачье сердце по вольному простору, претитъ ему и пароходная палуба, и снующіе кругомъ люди. При одной остановкѣ парохода у берега не выдержалъ песъ: — „Пробѣгусь хоть я по тайгѣ, пока хозяинъ не видитъ, а потомъ опять прибѣгу“, — думаетъ песъ; и, вотъ, махнулъ онъ черезъ бортъ парохода, бултыхнулся въ холодную мутную воду и въ нѣсколько взмаховъ привычныхъ лапъ былъ уже на берегу... — А пароходъ какъ засвиститъ, какъ заколотитъ по водѣ колесами, и поплылъ отъ берега. Припустился было песъ за нимъ, да куда:—не нагнать. Такъ и остался Илекъ одинъ-одинешенекъ на чужомъ берегу. Много, много передумалъ здѣсь песъ о своей злосчастной судьбѣ подъ шумъ разгулявшейся къ ночи непогоды... и его горькія думы вылились въ тѣхъ жалобныхъ стонахъ, которые мы подслушали съ вами—читатель.

ШАМАНЪ.

Надъ Енисеемъ собралася гроза... Тяжелая темно-свинцовая туча какъ-то вдругъ обложила все небо, подкравшись подъ вечеръ жаркаго удушливаго дня съ сѣверо-западной стороны горизонта. Кругомъ стало сразу темно, и эти густыя сумерки, столь необычныя въ половинѣ іюля надъ Енисеемъ въ области Подкаменной Тунгузски, — заставляли ожидать чего-то необычайнаго. Широкая водная гладь казалась неподвижной, и границы ея исчезали въ непроглядномъ туманѣ знойной, давящей мглы. Смутными, неясными очертаніями выступаютъ на темномъ небѣ утесы праваго каменистаго берега Енисея, обрамленные зубчатою каймою надвинувшейся на самую рѣку тайги; но теперь не различить ни тайги, ни утесовъ, ни даже границы воды съ берегомъ: все это сливается въ одинъ причудливый силуетъ во мглистомъ, насыщенномъ электричествомъ воздухѣ. Не всплеснетъ волна, не шелохнется вѣтка, — ни звука надъ Енисеемъ: все замерло въ томительномъ ожиданіи чего-то страшнаго, грядущаго...

А туча все ниже и ниже спускается надъ рѣкою... Вотъ откуда-то издали доносится мощный глухой ропотъ; онъ все растетъ, близится, катится по вершинамъ скалъ и порывомъ вѣтра, встряхнувъ всѣми вѣтками прибрежной тайги, — проносится надъ Енисеемъ. За первымъ порывомъ сразу налетѣлъ второй, еще болѣе рѣзкій и стремительный, а затѣмъ еще и еще, и сильный прерывистый вѣтеръ ожесточенно завылъ надъ рѣкою, бутоража и взметывая тяжелыми волнами ея только-что спокойную поверхность. Глухимъ грохотомъ заговорилъ прибой, ударяясь въ скалы. Зашумѣла, застонала прибрежная дремучая тайга, вся качнувшись въ одну сторону, и надъ Енисеемъ разразилась непогода.

Завываніе вѣтра, грохотъ и всплески рѣки, стонъ тайги, хрястъ и трескъ бурелома—все это смѣшалось въ одинъ общій ревъ, въ которомъ только привычное ухо таежника смогло бы узнать причину отдѣльныхъ звуковъ. Вдругъ яркая молнія отвѣсной чертой метнулась изъ тучи на землю и, точно звякнувъ о скалы, рѣзкимъ громовымъ ударомъ заглушила весь шумъ непогоды. Блѣдно-голубой электрическій свѣтъ на мгновеніе озарилъ всю окрестность. Въ его сіяніи сразу исчезла мгла, и предъ вами съ поразительною отчетливостью выступаютъ и растрепанная вѣтромъ тайга, и бушующій Енисей и, высящіяся по его берегамъ скалы, на которыя взметываются пѣнистыя волны; но не успѣла еще эта картина запечатлѣться въ вашей памяти, какъ уже снова все кануло въ мглу... Снова во тьмѣ хлещетъ Енисей, снова только хаосъ звуковъ наполняетъ пространство, и жутко, безотчетно жутко становится одинокому путнику, захваченному грозой на дикомъ безлюдномъ берегу Енисея...

Не успѣли еще смолкнуть раскаты перваго громового удара, какъ уже новый слѣпящій зиг-загъ бороздилъ тучи,

и удары грома то рѣзко-отрывчатые, то глухіе и продолжительные непрерывно загрохотали одинъ за другимъ, чередуясь со всблесками молніи. Эта безпрерывная смѣна свѣта и тьмы, эта захватывающая духъ быстрота ощущеній — страшно напрягаютъ всю нервную систему, и въ вашемъ воображеніи невольно возстаетъ таинственный міръ чудеснаго, навѣяннаго отдаленными сказками дѣтства. Въ грохотѣ бушующей непогоды вамъ чудится и хохотъ, и вой, и стоны и плачъ тѣхъ дивныхъ существъ, которыми такъ обильно населила природу старинная русская сказка, и жалкимъ, ничтожнымъ кажется въ эти минуты самъ себѣ человѣкъ, охваченный безотчетною робостью и не находящій силы отъ нея освободиться... А непогода реветъ и бушуетъ надъ Енисеемъ.

На одномъ изъ уступовъ праваго берега Енисея, подъ защитою отвѣсныхъ утесовъ пріютилось остяцкое кочевье. Кучка берестяныхъ шалашей отчетливо выдѣляется на темномъ фонѣ скалъ при каждомъ отдѣльномъ взблескѣ молніи. Но ни около шалашей или чумовъ, ни у вытянутыхъ на берегъ остроносыхъ лодокъ не видно ни одной живой души: точно вымерло все кочевье; даже собаки—и тѣ куда то попрятались. Неужели все спитъ? Неужели люди способны предаваться покою, когда кругомъ такъ неистово бушуютъ стихіи, и ужасные порывы вѣтра каждое мгновеніе грозятъ сорвать и умчать въ пространство ихъ жалкую берестянную кровлю?!. Нѣтъ остякамъ не до сна: давно уже не знаетъ покоя притаившееся на берегу кочевье, и въ эти мгновенія неистовства стихій дикари живутъ страстною лихорадочною жизнью, тѣсно сбившись всѣ вмѣстѣ въ одномъ крайнемъ чумѣ...

Еще задолго до начала грозы, когда ни одно облачко на небѣ не предвѣщало ея появленія, и ясное солнце высоко

сіяло надъ горизонтомъ,—приплылъ въ кочевье старый шаманъ Яртегинъ.

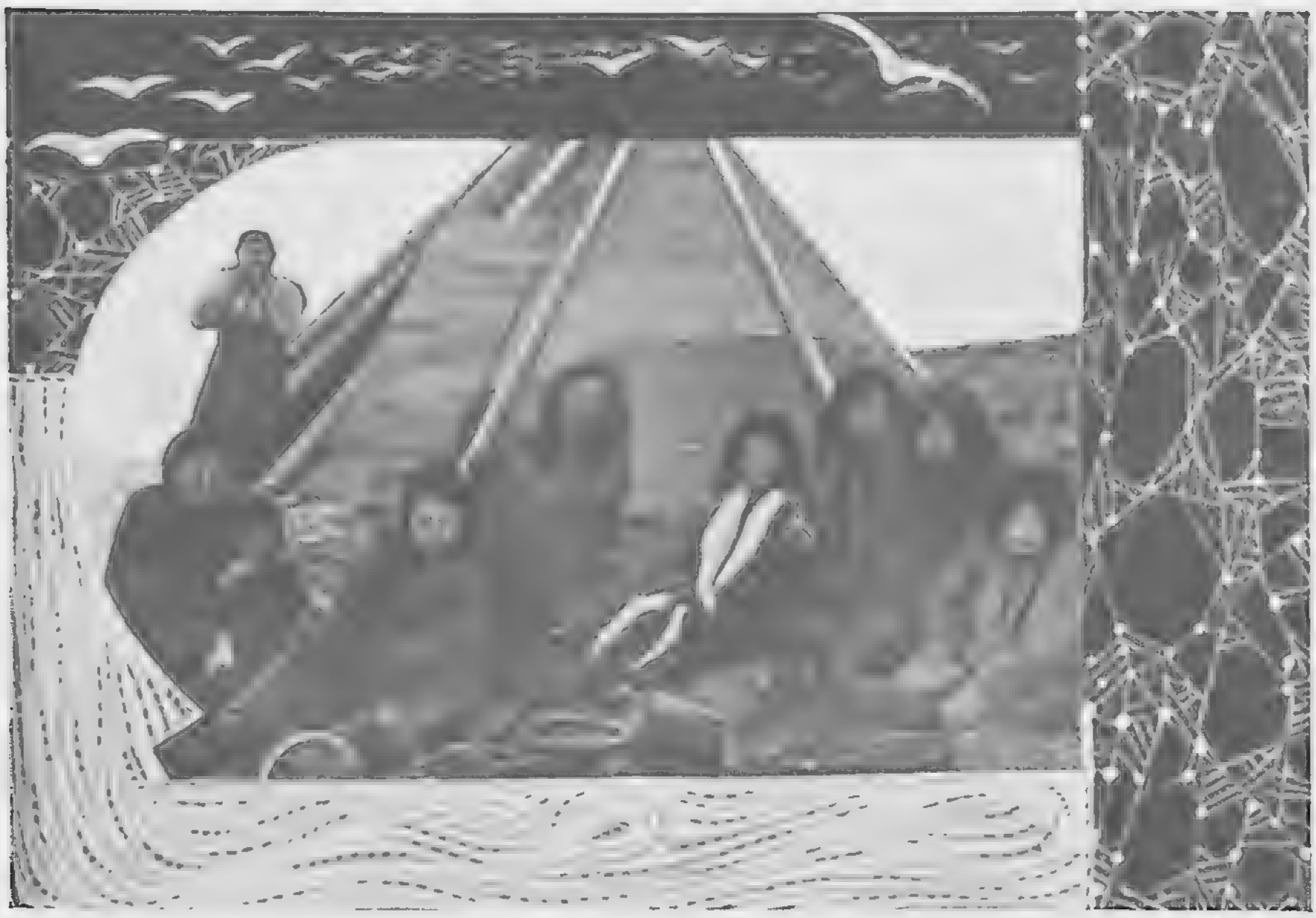
Съ самаго ранняго утра остяки то и дѣло поглядывали на низовья, видимо поджидая кого-то съ той стороны, и вотъ, когда вдали показалась небольшая лодка, которую быстро тянули бичевой двѣ остромордыя, похожія на волковъ собаки,—изъ всѣхъ трехъ чумовъ высыпали люди и, сбившись тѣсной кучкой, человѣкъ въ двадцать, на берегу,—жадными глазами слѣдили за приближавшейся лодкой. Какой у всѣхъ болѣзненный, истомленный видъ, впалыя щеки, истощенныя, осунувшіяся лица! Глубоко провалившіеся глаза свѣтятся лихорадочнымъ блескомъ, изъ подъ жалкихъ лохмотьевъ одежды сквозитъ изможденное, поражающее своей худобой тѣло, и изо всѣхъ этихъ двадцати человѣкъ взрослыхъ и дѣтей нѣтъ ни одного лица, которое не носило бы слѣдовъ крайняго истощенія, болѣзни и горя: даже чумазыя рожицы ребятъ смотрятъ не по дѣтски печально и сурово.

Второй мѣсяцъ болѣетъ все кочевье: какъ проплыли на низовья русскіе торгующіе, которымъ отдали остяки послѣдніе мѣха за сухари, за чай и — что грѣхъ таить — за водку,—такъ и пошли хворать у нихъ одинъ за другимъ всѣ въ кочевьѣ.

И хвори, кажется,—какъ думали остяки,—нѣту большой: то жарко вдругъ сдѣлается человѣку такъ, что сразу весь мокрый станетъ, а потомъ съ холоду трясти начнетъ и, чѣмъ ни закройся—все не согрѣться; а главное — силы совсѣмъ нѣтъ; и ноги, и руки болятъ, и голова болитъ, и все лежалъ бы, лежалъ и не поднимался. Но лежать-то теперь нельзя: надо рыбу ловить; — давно уже ѣсть нечего. Голодали всю зиму. Одежды никакой не было; шить неизчего: всѣ мѣха еще въ прошлое лѣто русскій купилъ, а зи-

мой, вѣдь, голый звѣря не промыслишь: такъ въ чумахъ и промаялись всю зиму, сухой травой обернувшись вмѣсто платья, кормились же тѣмъ, что по очереди добывалъ одинъ на всѣхъ, собравъ всѣ лоскутки съ чума и обернувъ въ нихъ свое отмороженное тѣло.

Изможденные голодомъ, изуродованные цынгой, дождались кое-какъ бѣдняки тепла и съ первыми лучами весенняго



Остяки на Енисеѣ.

солнца выползли изъ глухой тайги на берегъ Енисея. Съ первымъ уловомъ были забыты всѣ бѣды, всѣ невзгоды долгой голодовки, и истомленные дикари чувствовали, какъ со свѣжею обильною пищею начинаютъ прибывать въ нихъ силы и заживать опухшія, изъѣденныя цынгою десны.

Но не продолжительно было ихъ благоденствіе; со вскрытіемъ рѣкъ поползъ внизъ по Енисею и алчный русскій

промышленникъ, вытѣснилъ онъ робкаго дикаря съ обильныхъ рыбою песчаныхъ отмелей низовья, отобралъ отъ него послѣдніе жалкіе мѣха—всю надежду на теплое зимнее платье и, слѣдовательно,—на будущій промыселъ звѣря,—а взамѣнъ, одурманивъ водкой, наградилъ еще какой-то новой болѣзнью.

Больной, обезсиленный, оттѣсненный въ безрыбныя мѣста дикарь изнемогалъ; самъ себя спасти онъ не могъ, собратья его страдали такъ же, какъ и онъ, а русскіе... объ русскихъ дикарь и не думалъ:—онъ зналъ ихъ... Одна, послѣдняя надежда оставалась у погибающихъ остяковъ: надежда на... Бога, но не на того страшнаго русскаго бога, о которомъ слышалъ наивный дикарь отъ „батьки“, что онъ накажетъ его и за то, что зимою онъ звѣря не добылъ, и за то, что онъ „батькѣ“ ясакъ*) малый далъ, и за то, наконецъ, что не звалъ „батьку“ шаманить надъ мертвыми, которые остались въ эту зиму въ тайгѣ:—„Это ничего, говорилъ „батька“, что они далеко лежатъ и давно уже умерли: молиться за нихъ слѣдуетъ, а „служить“ можно и здѣсь; ты только за службу отдай!—Дикарь и радъ бы черезъ „батьку“ помочь своимъ близкимъ получше устроиться на томъ свѣтѣ, да нечѣмъ платить-то за помощь: все, на чисто все, отдалъ онъ уже русскимъ торгующимъ. „Такъ и не шаманилъ „батька“, разсердился; говоритъ, что за это „русскій богъ“ умершихъ накажетъ...“

Испугались остяки, плакали даже: жалко и страшно не помочь покойнику, — да „русскому богу слезы развѣ нужны?—ему нуженъ ясакъ!..“ И несли наказаніе за живыхъ мертвые, а за мертвыхъ живые...

„Нѣтъ, русскій богъ остяку не поможетъ: остяку нечѣмъ его умолить, остякъ будетъ просить своего Нома, и

*) *Ясакъ*—подать.

тотъ пожалѣетъ остяцкій народъ; онъ добрый, онъ отгонитъ отъ остяковъ „новую болѣсть“, дастъ силы имъ, дастъ уловъ рыбы...“ И лихорадочно быстро кочевье въ этой надеждѣ шлетъ своего посланца на низовья, гдѣ кочуетъ теперь за Тунгузской со своимъ „родомъ“ старикъ Яртегинъ, который сумѣетъ просить помощи Нома.

„Яртегинъ — большой шаманъ, Яртегина любитъ самъ Номъ, и боится его злой страшный Кысэ. Отъ Кысэ идетъ, вѣдь, все зло, всѣ болѣзни и смерть на землѣ. Старикъ Яртегинъ отниметъ больныхъ отъ Кысэ и упроситъ свѣтлаго, сильнаго Нома взять ихъ къ себѣ подъ защиту“...— Плотною кучкой тѣснится толпа дикарей къ причалившей лодкѣ, въ которой ихъ посланецъ привезъ извѣстнаго по всему низовью шамана. Изъ лодки вышелъ на берегъ дряхлый, согбенный старикъ. Его длинные до плечъ—сѣдые волосы свѣшивались рѣдкими прядами и обрамляли изборожденное морщинами лицо. Тусклые, воспаленные глаза безъ всякаго выраженія были устремлены въ пространство и не замѣчали застывшей на берегу въ нѣмомъ ожиданіи толпы. Шаманъ сдѣлалъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ впередъ, по направленію къ ближайшему чуму. Толпа молча передъ нимъ разступилась. Онъ провелъ рукой по лицу, отводя нависшія на глаза пряди сѣдыхъ волосъ, и, окинувъ взглядомъ толпу, тихо проронилъ:

— Худо живете?

— Худо отецъ,—какъ вздохъ пронеслось по толпѣ.

— Слышалъ,—продолжалъ шаманъ, медленно подвигаясь впередъ,— слышалъ, мнѣ говорили. Нынче всѣмъ худо. Разсердился Номъ на свой народъ, забылъ его, отдалъ во власть Кысэ. Болѣзнь, голодъ—вездѣ. На Худосеѣ мертвыхъ ѣли!..

Содроганіе ужаса пронеслось по толпѣ: у нихъ до этого еще не доходило...

— Приготовь, — обратился шаманъ къ слѣдовавшему за нимъ блѣдному, высокому юношѣ, вмѣстѣ съ нимъ приплывшему въ лодкѣ, — уйдетъ солнце, будемъ всѣ просить Нома.—Такъ говорю?—снова обернулся онъ къ толпѣ, ласково огдядывая истомленныя лица добрымъ старческимъ взглядомъ.

— Такъ, такъ, отецъ, — оживленно-радостно зашептали отдѣльные голоса. — Ничего не осталось!.. Номъ только и поможетъ!.. Погибаемъ! Сылы нѣтъ! Рыбы на-чисто нѣтъ!.. Помоги!..

— Ладно, ладно! — говорилъ ласково Яртегинъ, входя въ приготовленный ему чумъ. — Вотъ *сынъ* принесетъ мѣшокъ изъ лодки—одѣваться буду: солнце уже не высоко.— Сынъ, любимый и единственный ученикъ Яртегина, возвращался въ это время отъ лодки, таща вмѣстѣ съ ѣздившимъ за ними остякомъ большой изъ выдѣланной оленьей кожи мѣшокъ, въ которомъ были сложены: бубенъ, парка, костыль и прочія принадлежности шамана. Облаченіе шамана въ костюмъ уже есть начало таинственнаго служенія богамъ и, какъ начало таинственнаго, совершается сокрыто отъ взоровъ постороннихъ, а потому шаманъ и его ученикъ ушли въ отдѣльный чумъ, наглухо задвинувъ широкою берестяною полосою входное отверстіе.

Съ удаленіемъ шамана толпа оживленно заговорила, припоминая тѣ многочисленные случаи, въ которыхъ посредничество Яртегина оказывало помощь его соплеменникамъ въ различныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ ихъ обыденной жизни. Видѣли ранѣе Яртегина не многіе, но слышали о немъ—всѣ. Его слава, какъ шамана, который никогда никого не обманулъ, который смѣло въ глаза высказывалъ торгующимъ русскимъ свою ненависть къ нимъ за раззореніе и бѣды остяцкаго народа, — слава эта далеко

разнеслась по всему низовью Енисея и дѣлала имя Яртегина для инородцевъ символомъ поддержки и защиты.

— Водка — черная болѣзнь остяку, отъ водки народъ погибаетъ,—говорилъ Яртегинъ, и съ сокрушеніемъ поминаетъ остякъ эти вѣщія слова на другой день послѣ торга съ русскими, когда пройдетъ чадъ опьяненія, и обманутый довѣрчивый дикарь увидитъ, что всѣ труды и опасности тяжелаго зимняго промысла пропали безслѣдно изъ-за нѣсколькихъ капель этой проклятой водки.

Вспоминается остякамъ и споръ Яртегина съ русскимъ миссіонеромъ. — Встрѣтился разъ старикъ шаманъ съ батькой, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ торгующимъ на низовья,— разсказывалъ одинъ изъ остяковъ, знающій давно Яртегина.— Собралъ батька къ себѣ остяковъ и сталъ разсказывать имъ про русскаго бога. Стоялъ вмѣстѣ съ земляками и Яртегинъ, все внимательно слушалъ, ни слова не возражая „батькѣ“. Но вотъ батька началъ говорить остякамъ, чтобы они прогнали отъ себя шамановъ, лгуновъ и обманщиковъ, которые, напяливъ на себя длинную парку и стуча по бубну, кривляются передъ ними, увѣряя, что безъ парки и бубна Богъ ихъ не услышитъ.

— Какой же это богъ, для котораго надо рядиться, которому нужно такъ громко кричать?—спросилъ съ насмѣшкою батька.

— Тотъ Богъ, которому и ты служишь! — громко крикнулъ старикъ Яртегинъ, весь дрожа отъ обиды и горящими глазами глядя на батьку.

Мы всѣ со страхомъ попятились въ стороны, видя, что старикъ говоритъ уже не самъ, а говорятъ въ немъ подвластные ему духи.

— Взгляни на себя батька, — грозно продолжалъ Яртегинъ, — развѣ на тебѣ самомъ не та же парка одѣта? У

васъ, русскихъ, много всего: вы, вѣдь, не голодаете и не мерзнете, какъ остяки, — потому и парка на тебѣ новая, — гляди, какъ блеститъ; у тебя, батька, царь-парка! Но и у старика шамана, ты сказалъ, — есть тоже парка; да, у меня парка есть: старая, рваная парка: ее одѣвалъ не одинъ вэрга тытэпэ [1]), прежде чѣмъ она досталась мнѣ, и еще долго послѣ меня будутъ хранить эту парку, пока у остяковъ не переведутся шаманы, потому что моя парка—богъ-парка: ее далъ шаману самъ Номъ. Ты говоришь—мы обманываемъ „орду“, но зачѣмъ намъ ее обманывать? Мы не беремъ, вѣдь, себѣ ясака ни съ родившихся, ни съ ушедшихъ къ свѣтлому Ному, ни съ мужчины, когда онъ выберетъ себѣ женщину! Бери ты себѣ этотъ ясакъ, — онъ шаману не нуженъ: Номъ посылаетъ ему въ Енисеѣ рыбу, а въ тайгѣ звѣря. Бери ясакъ,—но не тронь шамана: шаманъ нуженъ „ордѣ“! Орда тебя видитъ только тогда, когда выйдетъ съ мѣхами изъ тайги къ Енисею или понесетъ къ приставу ясакъ въ Туруханскъ [2]), гдѣ твои колокола кричатъ громче шаманскаго бубна! А когда голодъ въ ордѣ, когда нечего взять съ остяка, тогда нѣту въ ордѣ и русскаго батьки; остается только у нихъ одинъ шаманъ, чтобы позвать на помощь добраго Нома, и отогнать злого Кысэ... Что сдѣлаетъ орда безъ шамана?! Кто заступится за погибающій остяцкій народъ?! — И упалъ старый Яртегинъ наземлю,—закончилъ разсказчикъ и стало его трясти... Тутъ и самъ батька увидѣлъ, что шаманъ не отъ себя говорилъ:—попятился онъ,—„Вишь, говоритъ, какъ его бѣсы мучатъ,—и пошелъ поскорѣе къ своей лодкѣ...“.

---

[1]) Остяцкое выраженіе означающее: „большой шаманъ“.

[2]) Городъ расположенъ подъ Сѣвернымъ полярнымъ кругомъ среди болотъ въ семи верстахъ къ западу отъ Енисея. Въ 1895 году въ немъ было 22 дома; разстояніе до ближайшаго города, Енисейска,—1100 верстъ; дорогъ нѣтъ; сообщеніе производится въ лодкахъ бичевою на собакахъ. Городъ возникъ ради сбора ясака съ инородцевъ.

Отъ этихъ разсказовъ все больше и больше надеждою бились сердца дикарей, и они съ возрастающимъ нетерпѣніемъ поглядывали на западъ, съ волненіемъ ожидая, когда-жъ наконецъ уйдетъ за горы солнце, и „вэрга тытэпэ“ выступитъ имъ на защиту.

— Смотрите, смотрите, — туча идетъ! — раздался вдругъ радостный возгласъ, сразу прервавшій оживленные разго-

Туруханскъ.

воры и заставившій всю толпу отъ мала до велика, какъ одинъ человѣкъ, устремить взоры на сѣверо-западъ, гдѣ изъ-за отдаленныхъ горныхъ вершинъ лѣваго берега Енисея черною пеленою надвигалась туча, быстро завалакивая ясную синеву неба.

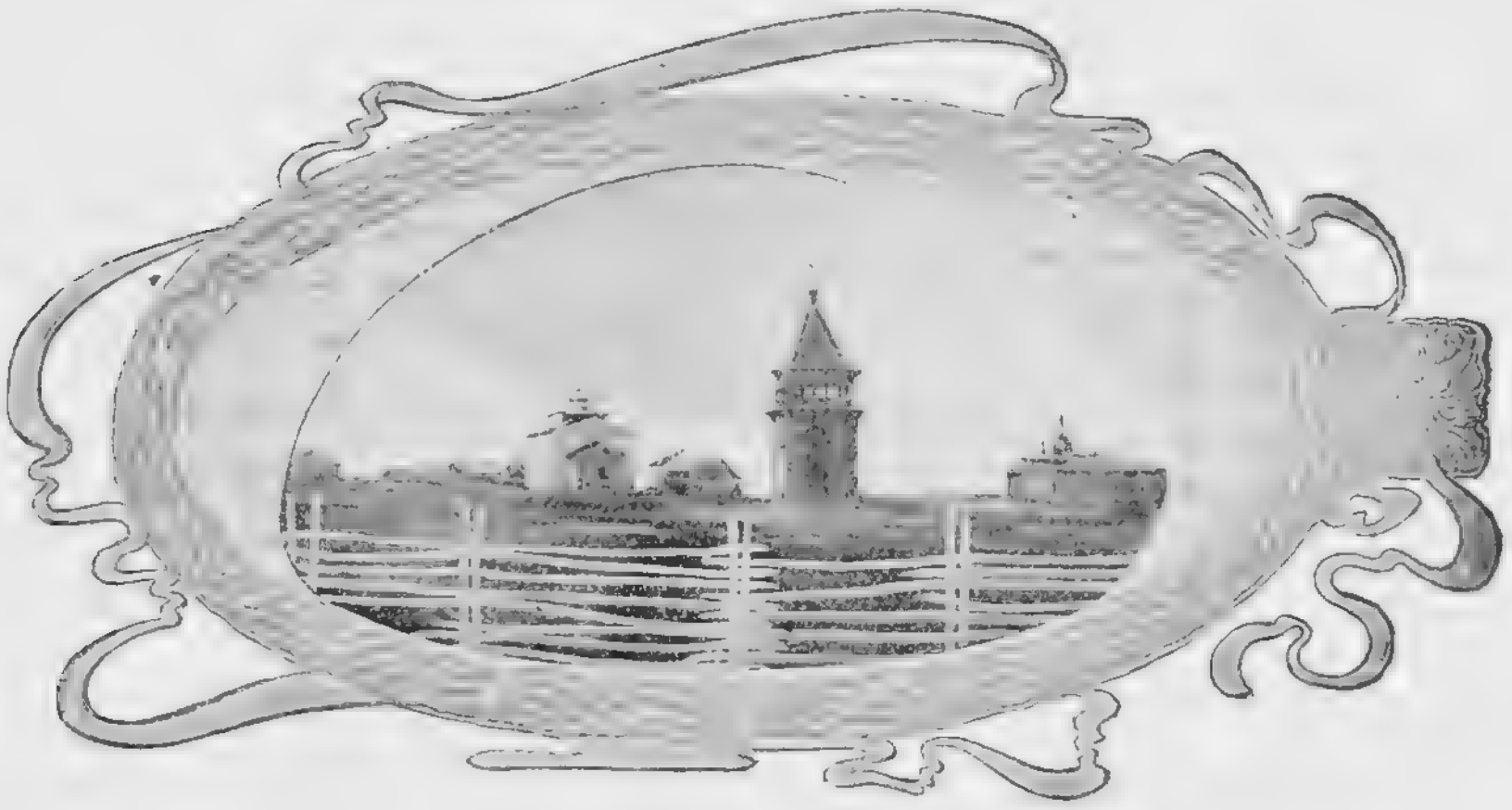
Эта грозная туча не страшила остяковъ. Не тревогою и боязнью забились сердца ихъ, когда раздался вдругъ неожиданный возгласъ,—нѣтъ: чувство недовѣрія своему слуху, недовѣрія глазамъ, когда они во-очію убѣдились въ спра-

ведливости возгласа и, наконецъ, величайшая радость,— вотъ вихрь ощущеній, которыя пережилъ каждый остякъ въ тѣ короткія мгновенія, пока они созерцали тучу. Затѣмъ головы всѣхъ невольно обратились къ чуму, куда удалился со своимъ ученикомъ старикъ Яртегинъ, какъ будто въ умахъ остяковъ между появленіемъ тучи и пріѣздомъ шамана сложилась прямая непосредственная зависимость. Да, въ это твердо вѣрили всѣ дикари. Шамана они звали къ себѣ, чтобы онъ спасъ ихъ отъ гибели, и вотъ, едва ступилъ на ихъ берегъ шаманъ, не успѣлъ еще онъ ударить въ свой бубенъ, какъ ужъ къ нимъ ползетъ по небу черная туча, которая послѣ столькихъ безоблачныхъ дней, наконецъ, дастъ имъ спасительный дождь, всегда вызывающій обильный ходъ рыбы, а будетъ рыба,— будетъ и пища, и силы. Полныя надеждъ, бѣгутъ остяки къ двери чума, завидя ученика шамана, который, показывая рукой на темнѣющее небо, даетъ имъ знать, что „эссэ“, отецъ — ужъ готовъ приступить къ своему дѣлу. Въ благоговѣйномъ молчаніи разсаживаются всѣ въ кружокъ около стѣнъ внутри старательно прибраннаго и выметеннаго чума и съ ожиданіемъ устремляютъ глаза на пологъ, за которымъ шаманъ кончаетъ свое облаченье.

Наконецъ шаманъ одѣтъ. Онъ выступаетъ на средину чума предъ напряженно слѣдящей за нимъ глазами толпой и садится у чуть тлѣющаго костра. На плечи его накинута знаменитая „старая парка“ — длинный, до-полу, кожаный кафтанъ, весь увѣшанный желѣзными пластинками и кольцами; на головѣ одѣта желѣзная корона, окаймленная понизу длинною бахромою изъ тонко нарѣзанныхъ ремней, которая, свѣшиваясь до плечъ, совершенно закрываетъ лицо шамана. Ученикъ подаетъ ему громадный, до полутора аршина діаметромъ, бубенъ и колотушку. Шаманъ молча ихъ при-

нимаетъ. Всѣ отверстія чума, включая и верхнее дымовое, наглухо закрываются, такъ что стѣны помѣщенія и всѣ присутствующіе исчезаютъ во мракѣ, и только въ отсвѣтѣ погасающихъ углей видна согбенная въ глубокой задумчивости надъ костромъ своеобразная фигура шамана.

Все кругомъ хранитъ глубокое молчаніе. Въ чумѣ не слышно ни звука, и только за стѣной его раздаются всплески волнъ могучаго Енисея, ударяющихся въ прибрежныя скалы...



Соборная площадь въ Туруханскѣ.

По чуму пронесся густой, низкій звукъ: шаманъ ударилъ въ бубенъ, и затѣмъ старческій дребезжащій голосъ тихо затянулъ заунывную пѣсню.

Подъ отдаленный гулъ надвигающейся непогоды, подъ ропотъ волны Енисея въ чумѣ звучитъ нехитрая повѣсть, рисующая передъ умственнымъ взоромъ внимающей толпы наивную картину первыхъ дней творенія міра и человѣчества.—Вотъ свѣтлый, могучій Номъ, властелинъ голубого неба, создаетъ землю и все на ней. По его волѣ появляется

на землѣ и Кысэ.—„Отъ Кысэ—смерть, зло на землѣ,—поетъ шаманъ,—онъ живетъ тамъ, куда вся вода бѣжитъ. Мачлосьлимэлэ въ лѣсу живетъ,—„таланъ правитъ“,—подсобляетъ: добро отъ нея. Съ ними отъ начала живетъ и Локалосьлимэлэ—она родила намъ лисицу...“.

Раздался второй ударъ бубна. Пѣсня звучитъ громче. Шаманъ нервно зѣвнулъ. Среди присутствующихъ пронесся тихій шопотъ: съ каждымъ зѣвкомъ въ шамана входятъ одинъ за другимъ подвластные ему духи.

Снова звучитъ пѣсня. Теперь уже шаманъ поетъ о твореніи первыхъ людей, о ихъ привольной, счастливой жизни подъ защитою Нома:—„Русскій торговецъ тогда еще не ходилъ въ орду; остякъ не зналъ водки, и Номъ берегъ свой народъ, отгонялъ отъ него огненными стрѣлами Кысэ, давая остякамъ въ изобиліи и звѣря въ тайгѣ, и въ рѣкѣ рыбу...“.

Пѣснь звучитъ громче и громче, а за стѣнкой чума уже во всю разошлась непогода, и весь чумъ дрожитъ и колеблется подъ напоромъ завывающаго порывистаго вѣтра. Трахъ!—застоналъ, загремѣлъ повторенный безчисленнымъ эхомъ утесовъ первый громовый ударъ и какъ бы въ отвѣтъ ему грянулъ въ третій разъ бубенъ подъ энергичнымъ ударомъ шамана, сопровождаемый звономъ всѣхъ навѣшанныхъ на немъ металлическихъ украшеній... Въ чумѣ исчезъ послѣдній отблескъ углей... Кругомъ полная тьма; но и въ этой непроглядной тьмѣ какъ бы все еще видна фигура шамана. Но это уже не тотъ шаманъ, котораго вы видѣли ранѣе. Это не сѣдой согбенный подъ бременемъ лѣтъ и невзгодъ старикъ, который, сидя у костра, тянулъ дребезжащимъ разбитымъ голосомъ заунывную тихую пѣсню.—Голосъ звучитъ увѣренно и твердо. Пѣсня льется все громче и громче. Удары бубна учащаются и

переходятъ въ непрерывный грохотъ. Вдругъ къ этому грохоту примѣшивается металлическій лязгъ и звонъ:—это поднялся со своего мѣста шаманъ и встряхнулъ всѣми подвѣсками своей парки. Пѣсня теперь уже звучитъ не заунывной жалобой, не безысходной тоской, а гласитъ что-то грозное, властное и гремитъ какъ приказъ могучаго существа:—„Кысэ,—гремитъ шаманъ,—отпусти орду: свѣтлый Номъ тебѣ ее не уступитъ! Взгляни на мое тѣло, — оно на-чисто худо: не долго ужъ тытэпэ ходить по землѣ, но, если тебѣ нуженъ за орду выкупъ, — возьми, какъ выкупъ, меня самого...“.

Звукъ пѣсни, громовые раскаты бубна, звонъ парки наполняютъ весь чумъ. Вы перестаете различать одно отъ другого. Вы чувствуете, что шаманъ наполняетъ все, что онъ — вездѣ... Отъ быстраго размаха полы его парки тлѣвшіе подъ золою уголья вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ, и вы на нѣсколько мгновеній видите освѣщеннаго красноватымъ свѣтомъ, вытянувшагося во весь ростъ шамана, сверкающаго глазами изъ подъ нависшей на нихъ бахромы ровдуги и сѣдыхъ волосъ... Еще мгновеніе — и шаманъ, поднявъ кверху обѣ руки грянулся во весь ростъ лицомъ внизъ на землю... Пронесся послѣдній разъ громовой раскатъ ударившагося о землю бубна, смолкла пѣсня, звякнула всѣми своими подвѣсками парка, и мертвая тишина воцарилась въ чумѣ...

И эти мгновенія мертвой тишины были еще величественнѣе, чѣмъ вся, только что набросанная картина... Потомъ сразу вдругъ все ожило кругомъ, заговорило.

— Тытэпэ выкупилъ насъ!

— Тытэпэ отнялъ больныхъ отъ Кысэ!

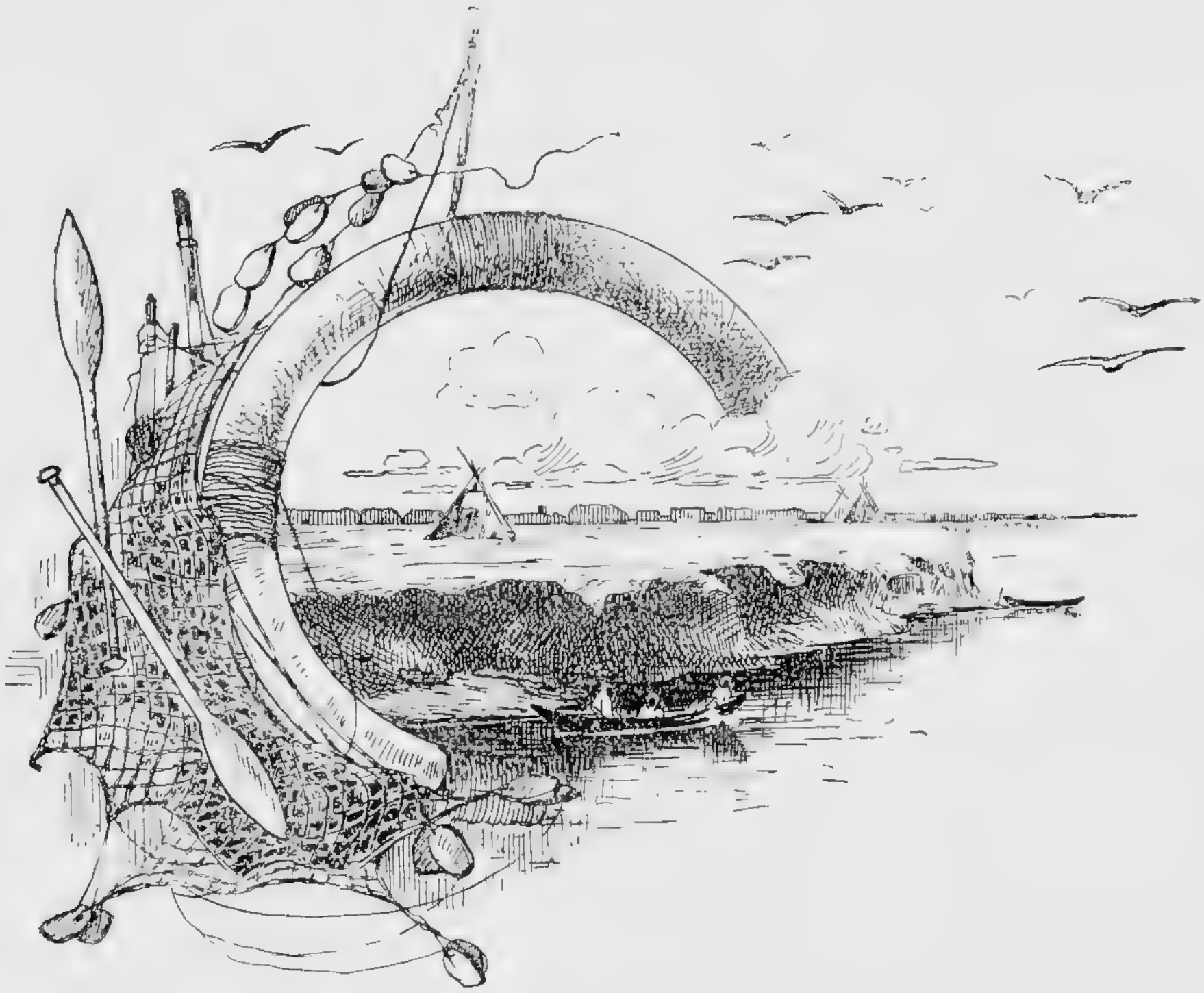
— Тытэпэ спасъ насъ! — твердилъ самый слабый больной, стараясь казаться здоровымъ и, слѣдовательно, удо-

стоившимся заступничества тытэпэ. — Среди юрты запылалъ огонь, народъ посыпалъ вонъ, а надъ распростертымъ на землѣ, нервно дрожащимъ тѣломъ шамана склонился *сынъ*, прикрывъ его отъ взоровъ толпы ровдужною пеленою.

— Пока тытэпэ *самъ не придетъ въ себя* [1]) трогать его нельзя ни въ какомъ случаѣ.

---

[1]) Интересно выраженіе: *приходить въ себя*; у шаманистовъ оно означаетъ возвратъ души въ тѣло послѣ временной ея отлучки.



СМЕРТЬ ШАМАНА.

Что Яртегинъ?“ — „Плачетъ“... — „Какъ, съ тѣхъ поръ“?!.. „Все время; и ночью не спитъ... не ѣстъ... сегодня, однако, умирать будетъ“... — Этими отрывочными фразами обмѣнивались подъѣхавшіе къ берегу въ большой крытой лодкѣ остяки со стоящимъ у самой воды инородцемъ. На песчаной отмели, тянущейся безъ границъ подъ лѣвымъ, пологимъ берегомъ Енисея, уже много виднѣлось такихъ лодокъ. Вновь прибывшіе торопливо отвязали впряженныхъ въ бичеву собакъ, наскоро поддернули на песокъ свою нагруженную кочевымъ скарбомъ лодку и тѣсною кучкою въ

шесть человѣкъ побѣжали къ бѣлѣющимся на отмели юртамъ.

Сѣрый денекъ; холодно, мозгло, безпріютно! Помутнѣли чистыя воды великой сибирской рѣки, отражая въ себѣ заволоченное дождевыми тучами небо, и тяжелыми рѣдкими волнами расплываются по береговому песку. Стонетъ пожелтѣвшая, рѣдкая тайга подъ порывами осенняго вѣтра, стонетъ и сбрасываетъ свою дряблую листву, а изъ-за обнажающихся вѣтвей ея виднѣется сѣрая тундра, уходящая куда-то далеко въ глубину берега. — Эхъ, осень, осень; всегда-то ты непріглядна и ужъ куда какъ тосклива въ далекой странѣ, лежащей къ полуночи, за полярнымъ кругомъ, по берегамъ неизвѣданнаго Енисея!

Все живое къ этому времени расползается въ стороны отъ могучей рѣки, ища вдали отъ нея пріюта и защиты отъ стужи, а на глади широко раздвинувшихся береговъ гуляютъ съ этого времени одни только вѣтры. Давно отлетѣли на полдень, стабунившись въ несмѣтныя стаи, гуси, прошла уже самая запоздавшая рыба, и въ предразсвѣтномъ сумракѣ утра начинаетъ мелькать на берегу у самой воды бѣлая шуба песца, пробирающагося изъ тундры, — вѣрный признакъ подходящихъ морозовъ. Давно нужно бы убраться и человѣку, а между тѣмъ къ отмели, гдѣ виднѣются юрты, вотъ уже третій день одна за другой подъѣзжаютъ все новыя и новыя лодки.

И лодки эти скопились сюда, видимо, не случайно: это не маленькія ѣздовыя лодки, а большія „оргишевыя“ [1]), — значитъ хозяева ихъ перебрались на отмель на-долго, со всѣмъ своимъ скарбомъ. — Собралъ ихъ сюда промыселъ? — Нѣтъ; всѣ промыслы уже кончены, и давно пора убирать

---

[1]) Оргишевый — грузовой, обозный.

лодки на зиму, заведя ихъ куда-нибудь въ рѣчку и поднявъ заблаговременно на берегъ. — Что же принудило дикарей нарушить существующій споконъ вѣка обычай и ждать мороза на берегу Енисея? — Отвѣтъ на это кроется въ неизмѣнномъ вопросѣ, который раздается съ каждой вновь подъѣхавшей лодки: — „Что Яртегинъ?“

Страшная вѣсть пронеслась по Енисею, приводя въ ужасъ истерзанный, порабощенный русскими остятскій народъ. „Яртегинъ собрался умирать!“ — несетъ крылатая молва во всѣ стороны съ быстротою вѣтра. Несется страшная вѣсть по Курейкѣ, несется по Нижней Тунгускѣ, охватываетъ всю область кочевій остяковъ и, перейдя за Камень, расходится въ островахъ и въ тайгѣ. Вездѣ, гдѣ коснулись слуха остяка роковыя слова, — дѣйствіе ихъ одинаково; быстро снимается берестяный чумъ, грузится на лодку весь легковѣсный скарбъ кочевника, сюда же забираются, кто какъ смогъ, женщины, дѣти, собаки, и только-что, кажется, пришла вѣсть, а уже внизъ по Енисею торопливо скользитъ *оргишъ* — большая, крытая берестою, лодка съ подвязанными позади ея маленькими и челноками: остякъ пошелъ къ Яртегину всѣмъ своимъ чумомъ.

— Кто такой Яртегинъ? Что такое съ нимъ приключилось?

— Яртегинъ — большой шаманъ остяковъ, послѣдній шаманъ, который остался у нихъ на Енисеѣ, а приключилось съ нимъ страшное дѣло, какъ наскоро передалъ приплывшій съ низовья остякъ.

— „Батька отнялъ у Яртегина *все*...“ — говоритъ пріѣзжій, едва произнося слова отъ подступившихъ къ горлу рыданій. — „Никто его не ждалъ... Думали, что батька на пароходѣ въ Дудинку уже проплылъ, чтобы идти зимою за тундру... Яртегинъ *сидѣлъ* [1]) на Денижкинскомъ пескѣ. Послѣднюю

[1]) Сидѣлъ — расположился чумомъ

рыбу добиралъ... Оргишить [1]) на зиму собирался... Ну, значитъ, все у него съ собою въ чумѣ и было: и лосэльмы [2]), и шумбульпорко [3]), и костыль [4]), и бубенъ, — все, какъ-есть все... Онъ съ *сыномъ* [5]) неводилъ, а старуха въ чумѣ *порсу* [6]) готовила. Слышитъ она: собаки затявкали, да думаетъ — свои: кому чужому теперь быть, — смотрѣть то и не пошла, пожалѣла порсу стравить. Извѣстное дѣло — баба. Только слышитъ: русскіе говорятъ; она къ двери, а въ дверь уже самъ батька лѣзетъ... Какъ увидѣла его старуха, такъ и про порсу забыла: метнулась въ уголъ чума, порсу всю на огонь опрокинула, а сама повалилась на мѣшки, гдѣ у Яртегина вся лопать [7]) была, прикрываетъ ихъ собою и воетъ, воетъ такъ, что душу вонъ вынимаетъ.

Смекнулъ сразу батька, что такое старуха подъ собой хоронитъ — давно добирался онъ до Яртегина, да боялся его, а тутъ, видитъ, — старуха; кинулся на нее какъ волкъ на ушкана [8]) и давай изъ-подъ ней мѣшки выдергивать. Бьется старуха, вцѣпилась въ мѣшки, не даетъ, кусаться даже стала, а зубовъ то и нѣтъ. Собаки подсоблять ей взялись — треплютъ шубу на батькѣ — да прибѣжали на шумъ батькины ямщики, палками отогнали собакъ, и старухѣ попало... Отняли у ней мѣшки и вмѣстѣ съ батькой тащатъ ихъ скорѣй къ лодкѣ, а у старухи и память отшибло: пластомъ

---

[1]) Оргишить — предпринимать большой переѣздъ со всѣмъ имуществомъ.

[2]) Лосэ — идолъ (собственно — божество, а также и его изображеніе). Лосэльмы — множ. ч. отъ лосэ.

[3]) Шумбуль-порко — священная одежда шамана.

[4]) Костыль — жезлъ, знакъ священнаго достоинства.

[5]) Сынъ — ученикъ.

[6]) Порса — прокопченая, поджареная рыба, перетертая въ муку; перетираютъ ее ложкой въ котлѣ надъ огнемъ.

[7]) Лопать — платье, часто въ смыслѣ — принадлежность чего-либо

[8]) Ушканъ — заяцъ.

лежитъ... Вышли только они изъ чума, видятъ, далеко по берегу бѣжитъ къ нимъ человѣкъ... Вздрогнули всѣ: узнали кто бѣжитъ... Толкутся на мѣстѣ... А Яртегинъ летитъ, летитъ какъ буря по Енисею; сѣдые волосы вьются по вѣтру, крѣпко бьютъ по песку старыя ноги, оленю не угнаться за нимъ... Чуетъ шаманъ бѣду: ему вѣдь говорить не надо,— сердцемъ узнаетъ. Увидѣлъ онъ русскихъ у чума, еще быстрѣе рванулся впередъ, но вдругъ остановился... зашатался... и рухнулся, какъ кедръ подъ стрѣлою Нома [1]),— на землю: увидѣлъ шаманъ, *что* тащилъ батька...

А батька и русскіе ужъ бѣгомъ бѣгутъ къ лодкѣ, кидаютъ туда мѣшки и толкаютъ ее скорѣй въ рѣку, со страхомъ оглядываясь на лежащаго Яртегина. Руки у нихъ дрожатъ, одинъ тянетъ — туда, другой — сюда, мѣшаютъ другъ другу, не сдвинуть лодки! Оглянулся снова одинъ — да такъ и остался; только глаза у него точно вылѣзть хотятъ... Глянулъ назадъ батька, шарахнулся въ лодку и давай весломъ по-суху грести: испугался очень; а другіе и рукой двинуть не могутъ, какъ изъ дерева стали...

Къ нимъ идетъ Яртегинъ.

Но какъ идетъ?..

Поднимется чуть на рукахъ отъ земли, опять упадетъ, ногами уже двигать не можетъ, а самъ ползетъ, руками скребетъ по песку и ползетъ, ползетъ ближе и ближе, уставивъ глаза на батьку.

Заметался батька, не смѣетъ въ глаза взглянуть шаману вьется какъ вьюнъ на огнѣ, а Яртегинъ уже у лодки. Смотритъ на батьку, не плачетъ, не воетъ, а у самаго по лицу слезы такъ и льются, и льются, какъ вода въ Енисеѣ — безъ удержу. Шепчетъ чуть слышно:

---

[1]) Стрѣла Нома — молнія; Номъ — верховное божество.

— „Отдай... Отдай, батька... Боги сами ко мнѣ пришли... Сами и уйдутъ... Нельзя силой брать... Худо мнѣ будетъ...“

— Приходить въ себя началъ батька: видитъ, что это уже не тотъ Яртегинъ, какимъ онъ былъ прежде: тотъ не зналъ просьбъ, не зналъ слезъ. Прежній Яртегинъ былъ грозенъ не для одного только батьки, а и для всѣхъ русскихъ понизовыхъ торгашей. Онъ громилъ ихъ своимъ словомъ вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ, за горе и бѣды остятскаго народа. И вдругъ этотъ грозный шаманъ со слезами, валяясь въ ногахъ, молитъ батьку! Совсѣмъ оправился батька:

Лѐсэ.

— „Эй, вы, чего стали!“ — прикрикнулъ онъ на своихъ ямщиковъ. — „Долго ли еще здѣсь валандаться будемъ?! Стаскивай живѣй лодку!“ — и, не взглянувъ на Яртегина, полѣзъ сновя на берегъ.

А Яртегинъ опять ползетъ къ батькѣ, хватаетъ его за ноги, снова шепчетъ:

„Батька... Отдай!.. Все, что есть у меня,— возьми... Возьми чумъ, лодку, меня самого возьми... Возьми старуху... До самой смерти работать тебѣ будемъ... Отдай лосельмы!..“

Выдернулъ ногу батька, пнулъ Яртегина; сунулся старый лицомъ въ мокрый песокъ, а батька хохочетъ:

— „Хорошъ работникъ, червемъ по землѣ ползаетъ!.. Знаешь, что въ писаніи про бѣса, твоего бога, сказано: *будешь присмыкаться во прахъ*, — вотъ, надъ тобой слово Божіе и сбывается...“

„Батька... Отдай!..“ — твердитъ Яртегинъ. — „И мнѣ, и тебѣ худо будетъ !..“

— „А, ты еще грозить мнѣ, гадина, вздумалъ, думаешь, я испугаюсь твоего бога!? — взревѣлъ, какъ взбѣсившійся,

батька. — „На, на, смотри!“ — и давай кидать изъ лодки на берегъ все барахло [1]) Яртегина, яростно топча его ногами.

Летятъ въ грязь и трещатъ подъ ногами у батьки священныя лосэльмы, рвется въклочки многолѣтняя парка, которую еще до Яртегина носилъ не одинъ вэрга тытэпэ...

Стонетъ и бьется головою о землю шаманъ, видя все это:

— „Я, я сгубилъ все!.. Я прогнѣвилъ свѣтлаго Нома!..“

Но вотъ на берегъ со звономъ летитъ изъ лодки бубенъ шамана и мощно гудитъ ударясь о землю. Вздрогнулъ шаманъ, услыша призывъ своего неизмѣннаго друга, вздрогнулъ и чутко прислушался, а бубенъ снова гудитъ и ахнувъ смолкаетъ, пробитый ногой озвѣрѣлаго батьки...

Страшное тутъ случилось...

Тихо сталъ подниматься съ земли Яртегинъ.

Снова смотритъ шаманъ на батьку — да ужъ другими глазами; не бѣгутъ теперь изъ нихъ слезы: страшный огнь, что сверкнулъ вдругъ изъ-подъ нависшихъ бровей,— высушилъ ихъ. Жжетъ очами своими батьку шаманъ. Съежился тотъ, даже рукой заслонился и пятится, пятится къ лодкѣ: корежитъ его, какъ бересту въ огнѣ... А шаманъ все стоитъ. Высоко поднялъ старую голову и самъ вдругъ будто выше сталъ. Грозно свѣтятся очи изъ-подъ всклокоченныхъ бѣлыхъ волосъ, тихо подымается вверхъ рука шамана и, какъ громъ въ непогоду, гремитъ его голосъ:

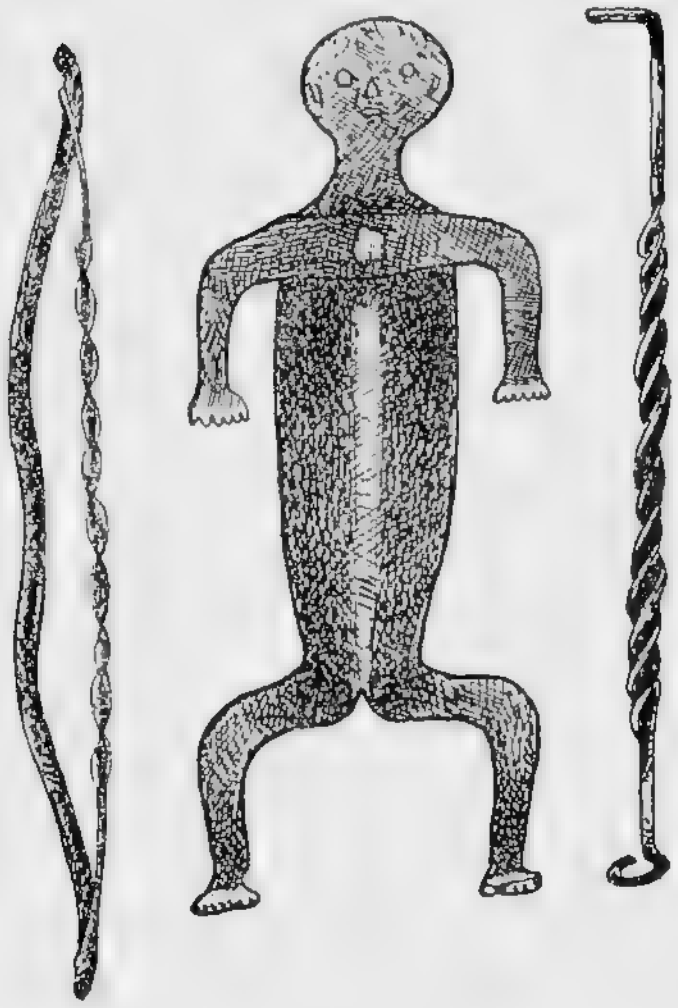
— „Батька, Номъ все видитъ, все слышитъ! — Сказалъ мнѣ сейчасъ мой бубенъ, что тытэпэ [2]) отходилъ свой вѣкъ на землѣ... Что-жъ — я готовъ... Старый шаманъ не боится идти на судъ къ свѣтлому Ному. Но помни, батька, что и тебѣ когда-нибудь будетъ конецъ; что то ты отвѣтишь

---

[1]) Барахло — хламъ, имущество.

[2]) Тытэпэ — шаманъ (по говору тазовскихъ остяковъ); вэрга-тытэпэ — большой шаманъ, т. е. дѣйствительный, профессіональный.

тогда своему богу?!. Ты разорвалъ мою парку, затопталъ ногами въ песокъ моихъ лосэльмы... Я видѣлъ все это... и живъ: значитъ этого хотѣлъ самъ свѣтлый Номъ!.. Онъ хотѣлъ, чтобы я видѣлъ то, что для шамана страшнѣй самой смерти... Я видѣлъ это... и теперь умру! Номъ попустилъ тебя посмѣяться надъ моими богами,—*значитъ я не нуженъ ему*. Вотъ что мнѣ тяжело, батька, вотъ что рветъ мою душу!.." тихо кончилъ шаманъ, опуская на грудь свою голову.



Лòсэ.

— „Не заговоритъ уже больше мой бубенъ, не соберется ко мнѣ орда просить помощи Нома... Номъ, свѣтлый Номъ, чѣмъ прогнѣвилъ тебя старый шаманъ!"— зарыдалъ Яртегинъ, опускаясь на землю и ухвативъ руками свою посѣдѣлую голову.

Стонетъ, рыдаетъ шаманъ, рветъ свои бѣлые волосы, моетъ слезами лицо, а батька, косясь на него, торопливо подбираетъ раскиданное по берегу барахло и передаетъ его въ лодку.

Не видитъ ничего Яртегинъ, закрылъ руками лицо и плачетъ. Не видитъ, не слышитъ; а батька ужъ въ лодкѣ и, спѣшно понукая своихъ ямщиковъ, плыветъ на средину рѣки, уходя отъ ограбленнаго, истерзаннаго старика Яртегина.

— „Такъ и плачетъ съ тѣхъ поръ Яртегинъ", — закончилъ разсказчикъ, — „плачетъ и смерти ждетъ: жить больше не хочетъ. Съ Курейки ужъ вся орда къ нему собралась. Плылъ сюда, видѣлъ: — съ Тунгузски оргишить стали"!

Вотъ что собрало въ неурочное время десятки остятскихъ чумовъ на берегу Енисея. Здѣсь сидитъ Яртегинъ—это Денижкинскій песокъ,—здѣсь его ограбилъ батька и здѣсь же старый шаманъ ждетъ своей смерти.

Много къ нему собралось народа; чуть-ли не вся орда соргишила на Денижкинскій песокъ раздѣлить горе своего большого шамана. Но не видитъ ничего Яртегинъ, третьи сутки плачетъ старикъ, не зная ни сна, ни покоя; крѣпко прижалъ онъ руки къ лицу, оперся локтями о сдвинутыя колѣни и сидитъ, сидитъ и не двинется, только вздрагивающія плечи, да безъ-удержу льющіяся между пальцами на землю слезы — показываютъ, что живъ еще старый шаманъ.

Сколько народа перебывало въ его чумѣ, народа, съѣхавшагося къ нему за большія сотни верстъ, и никто не дерзнулъ нарушить словомъ горе шамана: что скажешь ему, чѣмъ утѣшишь великую скорбь, которой на землѣ уже нѣтъ утѣшенія?! Боязливо ступая входитъ въ чумъ Яртегина каждый, вновь прибывшій дикарь, отвѣшиваетъ въ поясъ поклонъ шаману и молча садится у огня, погружаясь въ горькія думы.

Да, не радостны эти думы! Немного и прежде было отрады въ жизни у остяка, но все же какъ-будто была еще надежда на нѣчто возможное, лучшее, а теперь... бѣда Яртегина придавила и всѣхъ остяковъ: была у нихъ опора, была защита — большой шаманъ Яртегинъ, но и его доканали русскіе... На что же надѣяться порабощенному, затравленному русскими, дикарю, когда самъ вэрга тытэпэ не смогъ оборонить себя отъ русскаго батьки?! Не былъ-ли силенъ и грозенъ старикъ Яртегинъ, не боялись-ли его русскіе торгаши, не боялся ли его и самъ батька? Что, кажется, они могли сдѣлать съ нимъ?! Вина онъ не пилъ, ни-

чего не хотѣлъ брать у русскихъ, говоря, что все, полученное отъ нихъ, идетъ только на вредъ остяку, — а между тѣмъ сгубилъ же его русскій. „Вонъ онъ, сильный и крѣпкій нѣсколько дней тому назадъ, — теперь слабѣй и беззащитнѣй ребенка! Кто же угоденъ свѣтлому Ному, если не угодилъ ему и Яртегинъ? Кто же теперь заступится за насъ, кто отстоитъ отъ русскихъ и Кысэ [1])?!“ и невольно, неудержимо льются слезы у остяка: нѣтъ у него больше надеждъ, нѣтъ исхода... Оплакиваетъ онъ и горе шамана, и вмѣстѣ свою грядущую гибель. Невидно для него просвѣта въ будущемъ: тамъ такъ же темно, какъ темно и безпріютно теперь за стѣнкою чума, гдѣ во мглѣ надвинувшейся ночи свиститъ и воетъ разгулявшійся вѣтеръ, обдавая ледяными брызгами дождя все, что только встрѣтится ему на пути.

Жутко теперь на берегу; да не легче—и въ чумѣ: кончаетъ свою жизнь Яртегинъ! Уже не могутъ поддержать сѣдой головы ослабѣвшія руки, клонится она безсильно на грудь и вотъ-вотъ, кажется, упадетъ совсѣмъ на землю и все согбенное, истерзанное горемъ тѣло, а духъ большого шамана остяковъ вознесется на судъ къ пресвѣтлому Ному.

Но нѣтъ! Не можетъ такъ умереть Яртегинъ. Онъ всю жизнь боролся съ ненавистными русскими за свой несчастный народъ, неужели же, покидая его навсегда, онъ не дастъ остякамъ своего послѣдняго предсмертнаго совѣта? Нѣтъ, не таковъ Яртегинъ! Холодъ бѣжитъ у него по жиламъ, смертный туманъ застилаетъ глаза, клонится къ землѣ безсильное тѣло, но слышитъ шаманъ призывъ своего народа, воплемъ вырвавшійся изъ сотни истерзанныхъ тоскою гру-

---

[1]) Кысэ—злой духъ.

дей: „Эссэ, эссэ [1]) — на кого насъ оставляешь!“ — и, пересиливъ оцѣпенѣніе смерти, костенѣющимъ языкомъ шаманъ роняетъ свое послѣднее слово:

— „Берегитесь... русскихъ... не вѣрьте... русскимъ... вся погибель... отъ нихъ“...

Силится еще говорить Яртегинъ, да нѣтъ уже голоса, только въ горлѣ что-то журчитъ и смѣшивается съ хриплымъ, рѣдкимъ дыханіемъ. Рѣже и рѣже поднимается судорожными порывами грудь, тихо валится на землю и вытягивается изможденное тѣло, бурной волной еще разъ встряхиваетъ его отлетающая жизнь и... и не стало у остяковъ ихъ послѣдняго вэрга тытэпэ...

Какъ одинъ человѣкъ зарыдала толпа дикарей, набившихся въ чумъ и плотной стѣной окружавшихъ его,—точно сразу прорвалась преграда и горе, безысходное горе, сдерживаемое ею, хлынувъ неудержимой волной, захватило всѣхъ отъ мала до велика. Плачетъ сѣдой старикъ, плачетъ его внукъ малолѣтокъ, плачетъ изнуренная трудомъ и невзгодами женщина: „оставилъ насъ тытэпэ!“—а тытэпэ, впервые безучастный къ горю своего народа,—лежитъ на землѣ холодный и неподвижный, уставивъ безстрастный взоръ мертвеца въ темное небо, виднѣющееся чрезъ дымовое отверстіе чума. Что видитъ тамъ шаманъ? — этого теперь не узнаетъ орда: навсегда умолкъ вэрга тытэпэ; не скажетъ онъ уже больше ордѣ своего правдиваго слова, не дастъ совѣта въ бѣдѣ, не утѣшитъ въ печали...

А около чума, гдѣ лежитъ Яртегинъ, уже вездѣ по берегу пылаютъ костры, выступая красными пятнами во мглѣ темной ночи; порывы вѣтра вздымаютъ съ нихъ яркіе столбы искръ, въ отсвѣтѣ которыхъ выдѣляются темными

---

[1]) Эссэ—отецъ.

силуэтами копошащіеся у костровъ люди. Сегодняшнюю ночь никто не заснетъ на Денижкинскомъ пескѣ:—мертвецъ въ кочевьѣ!

Спѣшно раскидана берестяная покрышка надъ чумомъ шамана; не мѣшаетъ она теперь тытэпэ глядѣть на небо; ярко пылаетъ около него громадный костеръ, разгоняя своимъ сіяніемъ сгустившіійся сумракъ. Справляютъ остяки въ послѣднюю кочевку своего Яртегина. Хлопочутъ около него старики; раздобыли у обезсилѣвшей отъ горя старухи-жены припасенный Яртегиномъ къ смерти нарядъ, одѣли его, положили на парку [1]) и молча разступились въ стороны, смѣшавшись съ остальною ордой, широкимъ кольцомъ охватившей раскрытый чумъ Яртегина.

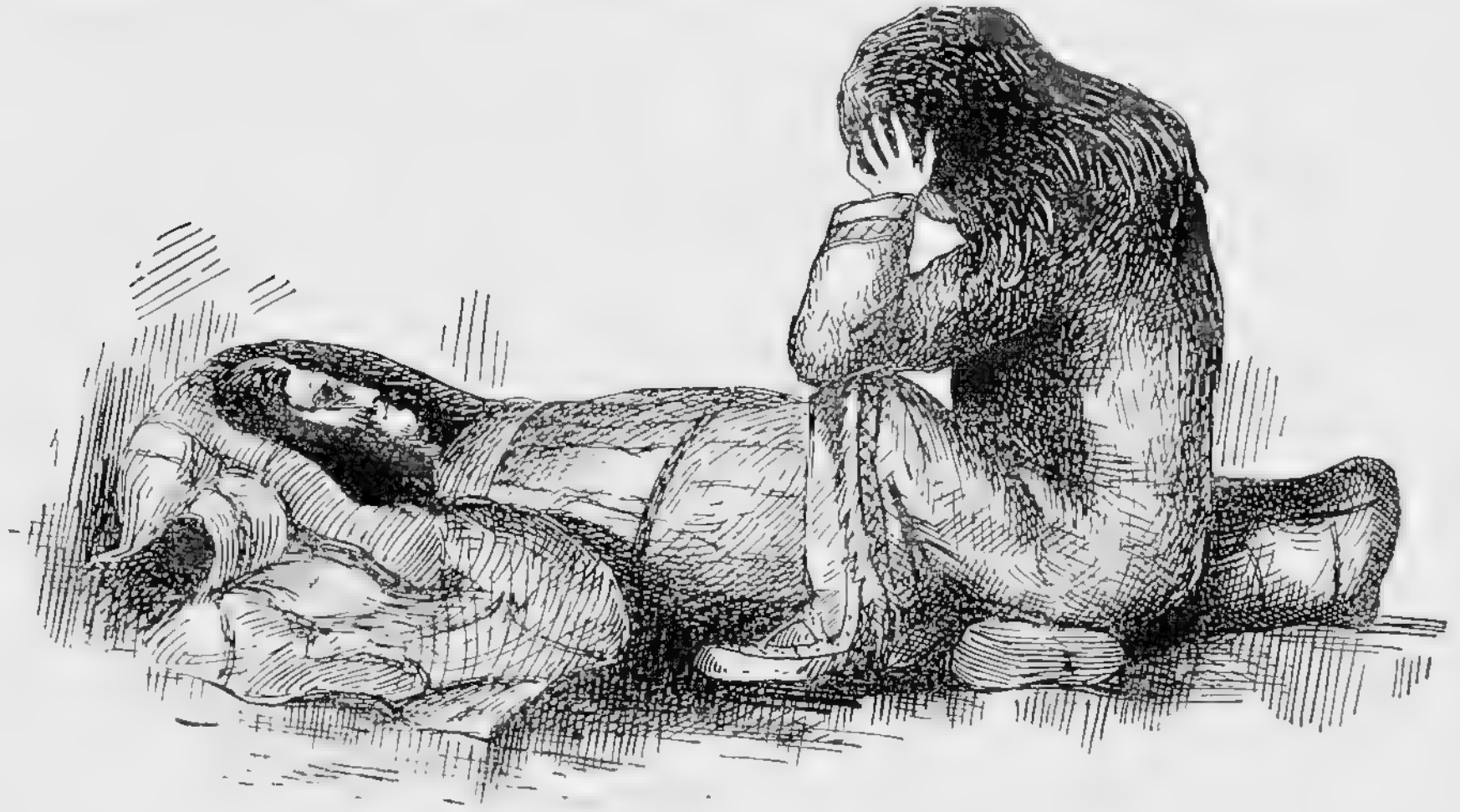
Теперь надъ мертвымъ долженъ дѣлать свое дѣло шаманъ... Но кто выступитъ шаманить надъ Яртегиномъ?!. Положимъ, не у одного изъ сидящей кругомъ Яртегина орды найдется въ чумѣ и бубенъ, и парка; положимъ, каждый старикъ знаетъ, что надо дѣлать надъ мертвымъ, но вѣдь мертвый-то этотъ — самъ вэрга тытэпэ! Кто же дерзнетъ ударить въ бубенъ надъ нимъ, кто дерзнетъ — пока вэрга тытэпэ еще на землѣ — заступить здѣсь его мѣсто!.. Недоумѣвая переглядываются остяки между собой не зная, что дѣлать. Снова сходятся старики на средину и долго тихо бесѣдуютъ. „Сень Большой,—говоритъ послѣ переговоровъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ ордѣ, — ты будешь справлять Яртегина“! Изъ сидящей толпы молча поднялся сгорбленный, малорослый старикъ, прозванный за свой ростъ въ шутку большимъ и подошелъ къ трупу. Старики разступились и около Яртегина остался только одинъ Сень Большой, сѣвшій на землю въ ногахъ у тытэпэ.

---

[1]) Парка — обыкновенная одежда остяка, приготовляемая изъ оленьей замши.

Морозитъ... Вѣтеръ утихъ. Пламя костровъ длинными огненными языками поднимается кверху, обливая трепетнымъ свѣтомъ то берестяныя покрышки чумовъ, то группу лодокъ на берегу, то суровыя, сосредоточенныя лица орды, сплотившейся около Яртегина и Сеня.

Тихо-тихо кругомъ; какъ будто вымерло все, ни звука не проронитъ многолюдная толпа, и только трескъ разгорѣвшихся костровъ да всплески рѣки нарушаютъ безмолвіе



Сень Большой отпѣваетъ Яртегина.

ночи... Закутываетъ въ парку Сень Яртегина; плотно запеленалъ онъ его, только лицо еще оставилъ открытымъ и, помѣстясь снова у ногъ, начинаетъ сшивать длиннымъ ремнемъ края погребальной одежды...

— „Былъ у остятскаго народа большой шаманъ, Яртегинъ“,— какъ тихій, чуть слышный стонъ донеслось до орды— запѣлъ Сень Большой свою прощальную пѣснь надъ умершимъ; и какъ рокотъ прибоя на Енисеѣ, какъ ропотъ тайги въ непогоду—отвѣтила ему орда мощнымъ шепотомъ:

— „Былъ“!..

„Много горя онъ принялъ отъ русскихъ за свой несчастный народъ“...—снова звенитъ одинокій старческій голосъ по воздуху.

— „Много, много“... гудитъ изъ мрака толпа.

— „Но не боялся Яртегинъ своего горя, а боялся горя орды“...

— „Не боялся“...

— „И стоялъ Яртегинъ за орду предъ Номомъ“...

— „Стоялъ, крѣпко стоялъ“...—воплемъ отвѣчаетъ орда.

— „И боялся при немъ русскій приходить къ ордѣ“...

— „Не шелъ, не шелъ: боялся“...—какъ раскатъ отдаленнаго грома рокочетъ повсюду кругомъ.

— „Но прогнѣвала орда свѣтлаго Нома“...—звонко поетъ Сень Большой, и съ рыданьемъ, со стономъ несетъ ему орда свой отвѣтъ: „Прогнѣвила; охъ прогнѣвила“...

Не жалко Сеню орды, не видитъ онъ ея горя, не отъ себя ужъ онъ говоритъ; бросилъ ремень, поднялся на ноги и, грозно гляда на орду, поетъ громкимъ голосомъ: „И взялъ Номъ у орды Яртегина“...

— „Взялъ, взялъ“...

— „И горе будетъ на всю орду“...

— „На всю горе... Всѣмъ горе“...

— „Если орда не исполнитъ послѣдняго завѣта Яртегина“...

— „Исполнимъ... Исполнимъ“...

— „Берегитесь русскихъ!.. Не вѣрьте русскимъ!.. Все зло отъ нихъ“... — высокимъ звенящимъ голосомъ кончаетъ свою пѣснь Сень Большой и валится въ судорогахъ на трупъ Яртегина. Корчитъ и бьетъ его по землѣ, кровь и пѣна струятся изъ стиснутыхъ губъ, но не чувствуетъ ничего старый Сень: онъ свое дѣло сдѣлалъ!..

А возбужденная, взволнованная орда уже давно повскакала со своихъ мѣстъ и ея возгласы, крики и плачъ далеко несутся надъ Енисеемъ.

Никогда не забудутъ остяки этой ночи!..

. . . . . .

Слабо вспыхиваютъ прогорѣвшіе костры. Чуть замѣтно алѣетъ востокъ. Спѣшно заканчиваетъ, пришедшій въ себя Сень Большой, не дошитый край парки, укрывающей Яртегина: „Свѣтаетъ; надо скорѣй кончать дѣло пока не проснулся русскій поселокъ на томъ берегу Енисея;—увидятъ“!

Стоятъ около Сеня старики, глядятъ на его работу и въ полголоса о чемъ-то совѣщаются. Плотно столпилась вокругъ стариковъ, пріутихнувъ орда, и чутко слушаетъ ихъ бесѣду. Трудное дѣло рѣшаютъ старики: надо такъ схоронить Яртегина, чтобы не провѣдалъ какъ-нибудь русскій, гдѣ будетъ лежать вэрга тытэпэ.

— „Надо гробъ брать у русскихъ, такъ нельзя: узнавать будутъ. И ордѣ всей идти тоже нельзя; курейскіе и низовые пусть остаются и съ гробомъ къ русскимъ на кладбище идутъ“...

— „А какъ русскіе сами придутъ сюда да увидятъ, что Яртегина уже увезли“?!.

— „Нѣтъ, не пойдутъ: орды много,—побоятся“!

— „Гдѣ класть будемъ“?

— „На Курейкѣ,—извѣстно гдѣ: Яртегинъ, вѣдь съ Курейки былъ“!

— „Русскій бы только не увидалъ“...

— „Зачѣмъ увидитъ?! Надо дѣло съ умомъ дѣлать: не давать же батькѣ еще потѣшаться надъ Яртегиномъ“!

— „Зачѣмъ давать. Не надо давать... Худо Яртегину будемъ“, — возбужденно заговорили въ толпѣ въ отвѣтъ на послѣднюю фразу, сказанную однимъ старикомъ.

— „Скорѣй Яртегина увозить надо, а съ гробомъ мы устроимъ: свеземъ его и закопаемъ у русскихъ. Пусть тогда батька надъ пустымъ мѣстомъ шаманитъ: Яртегину отъ этого худо не будетъ“!

. . . . . .

Востокъ свѣтлѣй и свѣтлѣй... Бѣлой пеленой стелется водная гладь Енисея. Неясными контурами прокладываются на свѣтлѣющемъ небѣ очертанія праваго берега... Хруститъ подъ ногами промерзшій песокъ, подернутый легкимъ инеемъ. Тихо движутся всей толпой остяки, приближаясь къ лодкамъ. Несутъ Яртегина...

Безъ обычнаго крика, безъ шума сдвигаются одна за другой въ воду тяжелыя лодки. Дружно натягиваютъ впряженныя собаки бичеву, и вверхъ по Енисею вытягивается длинная вереница судовъ, провожающихъ Яртегина. А по берегу за передней лодкой бѣжитъ остающаяся орда и сдержанными возгласами „прощай!.. прощай!—отдаетъ послѣдній долгъ тѣлу своего вэрга тытэпэ.

. . . . . .

И похоронили умершаго Яртегина на высокомъ, обрывистомъ берегу Курейки у самого ея устья. Положить его здѣсь настояли енисейскіе остяки: „Хотя родился Яртегинъ на Курейкѣ,—говорили они,—но всю жизнь свою прожилъ на Енисеѣ и былъ вэрга тытэпэ для всѣхъ остяковъ; такъ пусть же тѣло его лежитъ на Курейкѣ, но лежитъ такъ, чтобы виденъ былъ Яртегину и Енисей“!

Завидное мѣсто выбрали ему остяки: высокимъ, высокимъ обрывомъ поднимается здѣсь берегъ Курейки; низкорослая, но все еще величественная таёга надвинулась на самую рѣку и среди нея, среди мелкой поросли олешника и рябины, среди темной зелени пихтъ и кудряваго кедра—лежитъ Яртегинъ. Хорошо ему видны сверху и родимая

Курейка, и широкій могучій Енисей, по которымъ далеко-далеко во всѣ стороны разнеслась слава вэрга тытэпэ Яртегина, послѣдняго борца за гибнущій остятскій народъ!..

. . . . . .

Прошла долгая полярная зима. Миновали пурги и морозы. Снова надъ Енисеемъ сіяетъ солнце и обливаетъ горячими лучами занесенный снѣгомъ русскій поселокъ. Хотя крѣпки еще утренники, хоть еще нигдѣ не видно проталинъ, но какъ-то во всемъ: и въ воздухѣ, и въ сіяніи снѣга, и въ лучахъ яркаго солнца—чувствуется, что суровая, долгая зима отошла уже въ прошлое.

Появились на Енисеѣ и видимые признаки весны: нѣсколько дней тому назадъ на бѣлой пеленѣ снѣжной равнины около русскаго поселка зачернѣлись инородческіе юрты.

— „Ну значитъ и впрямь весна на дворѣ: орда изъ тайги вышла! — говоритъ русскій, потирая самодовольно руки.— „Пушнинкой, значитъ, теперь разживемся“!

Весенній выходъ на Енисеи инородцевъ, перезимовавшихъ на звѣриномъ промыслѣ въ тайгѣ, — всегда ожидается русскими съ большимъ нетерпѣніемъ: инородецъ въ это время выноситъ съ собою добытые мѣха, которые и служатъ главнымъ предметомъ вожделѣнія для русскаго. Къ этому времени обыкновенно пріурочиваютъ свой проѣздъ по Енисею и миссіонеры. И точно: на другой же день послѣ появленія орды прикатилъ на оленяхъ въ поселокъ и русскій батька, возвращаясь изъ зимней поѣздки за тундру. Не очень-то обрадовались пріѣзду его въ душѣ русскіе:

— „Ишь-ты, точно нюхомъ узналъ, что орда пришла; мало ему пушнины, что за тундрой набралъ:— на трехъ санкахъ везетъ—еще у насъ отбивать притащился. Унесло бы его только скорѣй!“—подумалъ каждый изъ нихъ, но высказать

своего неудовольствія не посмѣли: „Все же духовная особа, хоть и торгашъ“!

А батька будто и не замѣчаетъ:

— „Я у васъ нынче денекъ-другой погощу, говоритъ, Богу помолимся, требы справимъ, да и орда вотъ кстати подошла—нужно и ее просвѣтить словомъ Божіемъ“...

Скрипнули зубами съ досады русскіе;—да что возьмешь?

„Пойдетъ тебѣ первая,—думаютъ—значитъ доля батька“.

И отдыхать не сталъ батька: прямо къ юртамъ пошелъ... Столпилась въ кучку орда; боязливо твердятъ свое „здравствуй, здравствуй“ на привѣтствіе батьки и жмутся отъ него въ стороны. Но батьку, вѣдь, этимъ не смутишь! Смѣло входитъ онъ въ первый чумъ и садится на почетное мѣсто.

„Ну что, какъ живете? Теперь я пріѣхалъ — молиться будемъ, ребятъ крестить, мертвыхъ отпѣвать. Яртегинъ, слышалъ я, умеръ у васъ? И съ чего бы, кажется; крѣпкій былъ старикъ; жить бы ему да жить!.. Ну, да на все воля Божія. Царство ему небесное!—перекрестился батька.—Молиться за него много надо: шаманъ былъ... Вѣдь еще дитею крещенъ, а все шаманилъ! Вы гдѣ положили его?“ — обратился батька къ ордѣ.

„У русскихъ... на кладбищѣ“...

„Потомъ вы сводите меня къ нему на могилку; я отпою его. Я зла противъ него не держу; хоть и много мнѣ огорченія приносилъ покойникъ, да Богъ нашъ велитъ прощать мертвыхъ“!..

И ходилъ батька съ ордой „на могилку“ къ Яртегину и долго шаманилъ по своему „надъ пустымъ мѣстомъ“: молился все, чтобы русскій Богъ отпустилъ грѣхи Яртегину“...

Отпустится-ли только тебѣ твой грѣхъ, батька?!

САВОСЬКА ОВДОВѢЛЪ.

Савоська—овдовѣлъ. Тщедушный, заморенный енисейскій остякъ, старикъ Савоська потерялъ свою, такую же, какъ и онъ самъ, невзрачную старуху жену и теперь, свѣся кудлатую голову, сидитъ надъ ея трупомъ...

Мглистая знойная ночь. Пологій, совершенно ровный берегъ на десятки верстъ песчаной полосой обрамляетъ съ лѣвой стороны мощный просторъ Енисея. Рѣдкая, тяжелая зыбь набѣгаетъ во тьмѣ на берегъ и, мелькнувъ бѣлымъ гребнемъ, съ шорохомъ расползается по песку... Тихо... Ничто, кромѣ равномѣрнаго рѣдкаго шороха волнъ и по-

трескиванья разведеннаго около трупа костра, не нарушаетъ думы Савоськи...

Умерла старуха. Оплакали ее бабы, зашили въ новую парку [1]), завернули всю, — только лицо осталось открытымъ,—разобрали юрту надъ неи, чтобы ничто не мѣшало ей „видѣть небо“, и цѣлый день все кочевье толпилось вокругъ, охая, вздыхая и жалѣя, оставшагося бобылемъ Савоську. Къ вечеру всѣ обитатели пяти юртъ, расположенныхъ на берегу, какъ только стало смеркаться, попрятались по своимъ угламъ и хоть не спятъ,—гдѣ ужъ спать, когда мертвецъ въ кочевьѣ,—но ни звукомъ, ни движеніемъ не выдаютъ своего присутствія и, чутко хоронясь за берестяною покрышкою юртъ, боязливо прислушиваются къ каждому шороху, доходящему до ихъ болѣзненно обострившагося слуха...

Тихо въ кочевьѣ.

Яркимъ ровнымъ пламенемъ, вскидывая къ небесамъ огненные языки, горитъ на берегу костеръ, желтымъ пятномъ выступая во мракѣ. Свѣтъ его чуть обрисовываетъ на темномъ фонѣ ночного неба конусообразныя берестяныя покрышки ближайшихъ двухъ юртъ, еще больше сгущая сумракъ за ними. Въ свѣтломъ кругу, на пескѣ, рѣзко освѣщенномъ костромъ, лежитъ трупъ старухи, зашитый въ погребальную парку, а надъ нимъ, уронивъ голову на руки, сидитъ Савоська, проводя вмѣстѣ со своею старухою послѣднюю ночь на землѣ. Завтра по утру ее надо будетъ отдать хоронить русскимъ: крещеная!

— Эхъ, Окулька, Окулька,—зачѣмъ ушла?! Зачѣмъ бросила меня здѣсь одного?! Худо мнѣ будетъ... Худо было съ тобой, а безъ тебя и совсѣмъ не живи. Не долго уже осталось мнѣ ждать, когда зашьютъ меня въ парку..

---

[1]) Парка—кожанный полукафтанъ, обычная одежда остяковъ.

Поднялся старикъ, смахнулъ назойливую слезу съ глазъ, подбросилъ въ костеръ новыхъ дровъ и снова сѣлъ въ головахъ у старухи, оберегая своимъ присутствіемъ и огнемъ покой ея отъ затѣй злого Кысэ [1]).

Худое, все изборожденное морщинами лицо глядитъ на Савоську изъ парки. Пряди сѣдыхъ волосъ спустились на лобъ, плотно сжатыя губы и обострившійся носъ придаютъ лицу какое-то чуждое для Савоськи выраженіе, но и при этихъ чуждыхъ чертахъ это все-же лицо Окульки, вѣрной его спутницы по жизненному пути, полному горя, труда и лишеній.

— Охъ, Окулька, какъ жизнь то тебя измѣнила!

Вспоминается невольно Савоськѣ далекое прошлое, другая Окулька...

Семья у отца Савоськи большая была, да все еще малыши; большихъ только двое было: онъ да братъ. Отецъ все съ русскими дѣло велъ, водку пилъ, все имъ отдавалъ, а семья, не смотря на постоянный безъ отдыха трудъ, едва-едва кое-какъ перебивалась. Жили рыбой да промысломъ пушного звѣря. Оленей у нихъ давно уже не было. Помнитъ Савоська, какъ онъ еще махонькимъ съ маткой ревѣлъ, когда отецъ послѣднюю оленуху свелъ къ русскимъ. Свелъ и пропилъ, а въ нарты зимой впрягъ собакъ, точно карасинецъ [2]), и, когда собакамъ было не въ силу тянуть тяжелую санку, припрягался къ нимъ самъ, увязая по поясъ въ снѣгу и браня, какъ только могъ, и себя, и водку, и русскихъ...

Тяжело жить въ тайгѣ безъ оленей!

---

[1]) Кысэ—злой духъ.

[2]) Карасинцы, или карасинскіе самоѣды, ближайшіе сѣверные сосѣди остяковъ на Енисеѣ, употребляютъ для ѣзды исключительно собакъ.

Голодно и холодно жилось безъ оленей семьѣ. Вмѣсто привычныхъ оленьихъ кожъ на лòпать [1]), пришлось добывать у русскихъ обноски изъ сукна и холстины, да и то старые, рваные, въ тридорога вымѣнивая все на мѣха. Когда изъ-за недостатка свѣжаго мяса и постояннаго питанія сушеною рыбою въ юрту заглядывала зимою цынга,—приходилось ѣсть бѣличьи тушки, да, изрѣдка, ушкана (зайца), а свѣжаго сочнаго оленьяго мяса, при которомъ цынга не смѣла и заглянуть въ юрту,—не было и въ поминѣ. Такъ изъ-за цынги и потерялъ Савоська въ тайгѣ не одного братишку и сестренку, а изъ большой семьи, когда онъ подросъ, осталось ихъ у отца съ матерью всего только двое старшихъ—онъ да братъ: постарше были, выдержали, а вся мелкота перемерла.

Савоська и братъ подросли, стали ловкими промышленниками и за рыбой, и по звѣрю. Семья могла бы и поправиться, да батька все съ русскими никакъ не могъ расплатиться. Сколько ни добывали, сколько ни носили къ русскимъ—долгъ все не сбавлялся. Такъ и работали все время на другихъ, а сами во всемъ нуждались. А перестать носить къ русскимъ мѣха нельзя: долгъ есть. Да и гдѣ же теперь, кромѣ русскихъ, достать и лопать къ зимѣ, и муку, и сухарь, и запасъ табаку и чаю: оленей нѣтъ—такъ безъ муки и сухарей въ тайгѣ теперь не прожить.

Жили и бѣдствовали.

Вышла какъ-то семья весной изъ тайги на Енисей и поставила на прибрежной отмели юрту, ожидая перваго хода рыбы. Къ вечеру бичевой на собакахъ къ той же отмели подошло снизу еще нѣсколько лодокъ и стало здѣсь на ночевку сажень за двадцать отъ Савоськиной юрты.

---

[1]) Лопать—платье, одежда.

Какъ ни приглядывались Савоська и братъ къ гостямъ, а признать не могли ни по лодкамъ, ни по собакамъ: „чужая орда!“—Сказали батькѣ. Вылѣзъ тотъ изъ юрты; посмотрѣлъ, посмотрѣлъ,—не призналъ и пошелъ узнавать: „чужіе пришли, можетъ, водка есть“,—думалъ онъ про себя.

Ушелъ батька, да такъ и застрялъ.

Пошелъ къ гостямъ и Савоська съ братомъ: народу много, какъ не посмотрѣть!

Сидитъ батька съ чужимъ старикомъ у костра, пьютъ чай изъ фарфоровыхъ чашекъ, да и съ блюдечкомъ, а на тискѣ [1]) рядомъ положены сахаръ и баранки: богатый значитъ, народъ!—Подошелъ Савоська. Какъ бывалый, за руку со старикомъ поздоровался и сѣлъ у костра, а братъ бочкомъ за спиной у него притулился. Батька такой веселый сидитъ, старика по плечу хлопаетъ, землякомъ называетъ. Слушаетъ Савоська. Съ Елогуя орда вышла, одна семья, богатые, торгуютъ, у старика оленей много, отъ падежа съ ними съ Елогуя на Енисей и ушелъ, а то лѣтъ десять здѣсь не былъ, все по Елогую кочевалъ и зиму, и лѣто. Своихъ парней большихъ нѣтъ, а живутъ за работниковъ мужья двухъ дочерей, отработывая калымъ [2]), да еще двухъ мужиковъ съ женами да ребятами старикъ за долгъ кормитъ такъ въ пять семей и живутъ вмѣстѣ. У старика еще есть одна дочь, дѣвка на возрастѣ, да ребятъ двое подростковъ. Старикъ богатый: самоваръ есть, да еше лопати разной сколько.

Напились чаю. Бабы съ лодокъ юкколу [3]) принесли. А батька старику за угощенье отплатить хочетъ. Велитъ Са-

---

[1]) Тиска — вываренная въ кипяткѣ береста, служащая для покрышки юртъ и замѣняющая въ быту остяковъ часто столъ, подносъ, скатерть и т. д.

[2]) Калымъ—плата за жену, вносимая ея отцу мужемъ.

[3]) Юккола—вяленая рыба.

воськѣ стерлядей принести, что утромъ на самоловъ къ нимъ попали. Принесъ Савоська рыбу, бросилъ ее бабамъ, а самъ снова сѣлъ у костра, слушая, что говорятъ старики.

Сидитъ батька, вретъ, разсказываетъ, какъ его русскіе всегда водкой поятъ и уважаютъ; говоритъ, что и у него тоже самоваръ есть, только не здѣсь, а на зимовьѣ въ тайгѣ остался, что оленей у него хотя и нѣтъ, да ихъ ему и не надо, такъ какъ русскіе ему на лопать сколько угодно постелей [1]) даютъ... А чужой старикъ только смѣется, да на рваную рубаху на Савоськиномъ батькѣ глядитъ: больно она уже неказиста. А тутъ еще къ костру Савоськина матка идетъ, тоже народъ и ей хочется посмотрѣть,—рваная бредетъ такая, да заморенная. За ней собаки плетутся ихъ, худыя, кудлатыя, всѣ ребра видны, носомъ поводятъ, свѣжую рыбу почуяли...

Замолчалъ батька...

Тоскливо стало на душѣ у Савоськи: бѣдняки они голые, а тутъ еще батька бѣдность ихъ на смѣхъ даетъ богачамъ своимъ хвастливымъ враньемъ...— „Худо; уйду; не нужны мы имъ; пусть безъ меня смѣются!“ — рѣшилъ Савоська и поднялся съ мѣста. Но уйти ему такъ и не пришлось. И не важное приключилось, кажется, дѣло, а перевернуло оно всю душу Савоськѣ, перевернуло всю его жизнь и направило ее совсѣмъ въ иную отъ прежней сторону.

Поднялся Савоська, раскрылъ ротъ, чтобы сказать свое „прощай“ надменнымъ, какъ онъ думалъ, хозяевамъ. Раскрылъ ротъ, а слова не вымолвилъ, поперхнулся: въ ротъ вдругъ что-то попало. Чувствуетъ Савоська, что во рту у него стерляжья печенка. А откуда она? Оглянулся. Сзади него стоитъ стариковская дочь — дѣвка. Чищеную рыбу на

[1]) Постель—невыдѣланная кожа оленья.

тискѣ принесла съ берега. Передъ отцомъ и гостями на землю у костра кладетъ, а сама, не взглянувъ ни на кого, идетъ въ сторону. Извѣстное дѣло — дѣвка: ни глядѣть на мужчинъ, ни говорить съ ними ей не полагается!

Такъ радостно, такъ спокойно — стало вдругъ на душѣ у Савоськи, какъ будто бы все вокругъ просвѣтлѣло. И старикъ то пріѣзжій показался ему теперь добрымъ да ласковымъ, и матка, что у костра притулилась, уже не такой заморенной выглядѣть стала, а собаки ихъ, такъ и совсѣмъ хорошія: рослыя, злыя; вонъ какого страха чужимъ собакамъ нагнали...

И все изъ-за печенки!.. Экая, подумаешь, въ ней сила!

Чего же на самомъ дѣлѣ — такъ возрадовался, возликовалъ Савоська; вѣдь не изъ-за того-же и впрямь, что лакомый кусокъ попалъ ему въ ротъ?!—А, пожалуй, и такъ!..

Стерляжья печенка вещь, дѣйствительно, вкусная, и потому баба у остяковъ, когда чиститъ рыбу, сама печенки не съѣстъ, а прибережетъ ее для мужа и, если хочетъ выказать ему свое особое вниманіе, собственноручно суетъ мужу лакомый кусокъ въ ротъ, не спрашивая его согласія. Баба — одно, а дѣвка — другое. Дѣвка — человѣкъ вольный. Хочетъ--сама съѣстъ печенку, хочетъ—отдастъ тому, кто больше ей по душѣ. А задумаетъ посмѣяться — мазнетъ кого лакомымъ кускомъ по губамъ и скорѣй его себѣ въ ротъ, а тотъ только облизывайся; и тутъ съ дѣвкой ничего не подѣлаешь: такова у ней воля.

Вотъ почему такъ и возликовалъ Савоська.

Первый разъ въ жизни показали ему, что онъ для кого-нибудь можетъ быть лучше другихъ—что его бѣдность, его рваная парка еще не низводитъ его въ ничтожество, что, если, можетъ быть, богатый старикъ надъ нимъ и смѣется, зато дочка его смотритъ на молодого гостя другими глазами...

Совсѣмъ ободрился, ожилъ Савоська. Взглянулъ еще разъ на дѣвку, крикнулъ на своихъ собакъ, чтобы бросили огрызаться и, присѣвъ къ мужикамъ у костра, потянулся къ приготовленной стерляди. Живо, кусокъ за кускомъ, исчезала нарѣзанная длинными полосами сырая рыба. Подхвативъ полосу рыбы рукою за одинъ конецъ и, закинувъ голову, пирующій за другой конецъ ухватывалъ зубами и ловкимъ взмахомъ ножа, около самыхъ губъ, отрѣзывалъ нужную долю, какимъ-то чудодѣйствен-

„Чужая орда“.

нымъ для непривычнаго человѣка образомъ не отхватывая себѣ ножемъ при этомъ ни губъ, ни носа. Только и видно было, какъ мелькали по воздуху ножи и полосы рыбы, и въ пять минутъ трехъ аршинныхъ стерлядей какъ не бывало.

Батька Савоськи давно умильно косился на плоскій боченокъ, который старикъ велѣлъ своей бабѣ принести съ

лодки и положилъ на землю около себя. Батькѣ не зачѣмъ было говорить, что было въ боченкѣ: давно, охъ, давно, зналъ онъ, что въ такихъ боченкахъ русскіе продаютъ водку! Бывало, батька весной выйдетъ съ мѣхами изъ тайги и сейчасъ со всѣмъ, что напромыслилъ за зиму, бѣжитъ въ русскій поселокъ. Вернется оттуда назадъ въ кочевье не ранѣе сутокъ. Придетъ домой пьяный и безо всего, ни сухарей, ни муки не достанетъ, а плоскій боченокъ съ собою принесетъ навѣрное. Ужъ и возится же онъ съ нимъ! Такъ изъ рукъ и не выпускаетъ. Ототкнетъ обмотанный тряпкой колышекъ, которымъ заткнутъ боченокъ, припадетъ къ дыркѣ губами, зажмуритъ глаза и пьетъ, пьетъ, пока духу хватитъ. Опуститъ потомъ боченокъ, заткнетъ его, а изъ рукъ не выпуститъ. Отдышется. Пѣсни пѣть начнетъ, плясать, врать. Веселый такой станетъ. Попляшетъ, попляшетъ съ боченкомъ да и опять тянуть изъ него и тянетъ, пока не свалится вмѣстѣ съ боченкомъ. Иной разъ и заткнуть не успѣетъ; такъ и выльетъ всю водку, когда упадетъ. Лежитъ, спитъ, ничего не слышитъ, а боченокъ все крѣпко-крѣпко къ себѣ прижимаетъ, такъ что и рукъ не разнять.

Долго спитъ батька, напившись. Иной разъ цѣлыя сутки. Проснется и сейчасъ за боченокъ. А водки то и нѣтъ...

Вотъ тутъ то и пойдетъ потѣха.

Схватитъ батька боченокъ, подыметъ кверху, закинетъ голову и начнетъ надъ раскрытымъ ртомъ боченокъ трясти. Ногами перебираетъ, губами чмокаетъ; все капельку хочетъ поймать... Нюхаетъ... Нѣтъ водки да и только! Сядетъ батька, наконецъ, на землю, положитъ боченокъ около себя, а самъ такой скучный, скучный. Долго сидитъ... Вскочитъ вдругъ. Схватитъ боченокъ и побѣжитъ къ рѣкѣ. Зачерп-

нетъ воды, скоро-скоро поболтаетъ ее въ боченкѣ и даваї пить. Выпьетъ, постоитъ, плюнетъ, да какъ хватитъ боченокъ объ землю, такъ онъ эва куда укатится. Батька его и поднимать не пойдетъ, а уйдетъ прочь отъ него злой-презлой. Сядетъ гдѣ-нибудь, чтобы и не видѣть боченка, бормочетъ что-то про себя, а самъ все отплевывается.

Долго сидитъ батька. Успокоился. — „Ну, думаемъ, бросилъ дурить!“ — А онъ вдругъ вскочитъ, побѣжитъ въ юрту, схватитъ топоръ и опять къ боченку. Треснетъ его топоромъ такъ, что всѣ обручи сразу долой: — „со зла думаемъ, разрубилъ!“ — а у батьки не то на умѣ. Разсыпался боченокъ по дощечкамъ, схватилъ батька одну и ну ее скрести внутри топоромъ; настрогалъ, цапъ горсть стружекъ да и въ ротъ... Жуетъ; все же значитъ, водкой отзываетъ! Отзываетъ, да вѣрно не очень; потому батька сразу всѣ стружки изо рта вонъ. Взреветъ, какъ ошалѣлый. Давай, какъ попало, по обломкамъ топоромъ бить, топтать ихъ ногами, швырять... Разшвыряетъ все, броситъ подъ конецъ и топоръ и убѣжитъ въ тайгу. Теперь скоро его не жди, не придетъ, пока совсѣмъ не угомонится.

Такъ и чудитъ всякій разъ, какъ водку добудетъ. Всякій разъ новый боченокъ у русскихъ ему приходится брать, а старый всегда исковеркаетъ. Вотъ она, водка, что дѣлаетъ: и себя батька изведетъ, и вся пышнина [1]) пропала, да и къ зимѣ изъ-за той же водки всей семьѣ голодовка, потому, коли пышнина пропита, то ни сухаря, ни муки купить значитъ, ужъ не на что.

Да не всѣ видно остяки такъ падки на водку, какъ батька Савоськи. Видитъ Савоська, что старикъ, къ кото-

---

[1]) Пышнина — мѣха пушныхъ звѣрей.

рому они въ гости пришли, не чумѣетъ отъ водки: боченокъ лежитъ около него, а онъ на него и не глядитъ, съ гостями смѣется, говоритъ, про водку же точно и позабылъ. — „Знать, отъ того и богатъ онъ, — смекаетъ Савоська, — что на водку не зарится!“

Водка есть, угости! — не стерпѣлъ батька.

— Ладно, другъ, будемъ водку пить, — говоритъ старикъ. — Стаканъ давай! — крикнулъ онъ своей бабѣ. Баба принесла толстодонный винный стаканчикъ.

— Ну, и богачъ! Чего у него только нѣтъ! — дивится Савоська, смотря на стаканчикъ.

Ототкнулъ боченокъ старикъ, поставилъ стаканчикъ на землю и налилъ его до краевъ, затѣмъ взялъ въ руки и со словами: „Ахъ, хорошо!“ — поднесъ, зажмурясь, къ губамъ и, причмокивая, медленно сталъ тянуть водку. Пока старикъ пилъ, батька Савоськи прямо ошалѣлъ: привстанетъ, сядетъ, ногами перебираетъ, дрожитъ; старикъ понемногу запрокидываетъ стаканчикъ, а батька, какъ пришитый къ его дну, также понемногу съ земли поднимается, въ ротъ старику заглядываетъ. Выпилъ старикъ, поставилъ стаканчикъ и наливаетъ батькѣ. Мигнуть не успѣли, а у того стаканчикъ ужъ пустъ.

— Давай еще! — молодецки подставляетъ батька стаканчикъ хозяину.

Посмотрѣлъ на него хозяинъ. — „Изволь, другъ“, — и, наливъ еще, заткнулъ боченокъ.

— Что-жъ ты, а еще?.. — удивленно спросилъ батька, торопливо проглотивъ водку.

— Полно, другъ, пьяный будешь!

— Какъ пьяный?! На то и водка, чтобъ пьянымъ быть. Давай...

— Ну, нѣтъ; парню, пожалуй, дамъ, а тебѣ — полно! — сказалъ старикъ, поднимаясь и забирая боченокъ. — Пьешь, штоль? — подмигнулъ онъ Савоськѣ.

— Нѣтъ... заикнулся тотъ, а батька ужъ забѣжалъ впереди его:

— Нѣтъ, нѣтъ; зачѣмъ ему пить, не пьетъ. А я пью, давай еще, пожалуйста!

— Сказано: нѣтъ! — разсердился даже старикъ и понесъ боченокъ на лодку. Батька за нимъ:

— Давай, — говоритъ, — пьянымъ быть хочу, я гость у тебя...

Старикъ молчитъ и лѣзетъ съ боченкомъ на лодку. Батька не отстаетъ. Цапъ его за полу парки: „Давай, — говоритъ, — хоть немножко, пожалуйста". — Старикъ разсердился совсѣмъ, дрыгнулъ ногой, хотѣлъ батьку ей оттолкнуть, да оступился и чебурахъ черезъ бортъ въ лодку вмѣстѣ съ боченкомъ, такъ что и батьку за собою поддернулъ!

Ну, и смѣхъ!

Бортъ у лодки высокій. Старикъ упалъ, руками досталъ до дна, а ноги то у него на борту подоломъ парки прижало: батька хоть и не ждалъ, что тотъ кувырнется, а полу не выпустилъ. Такъ оба и висятъ: старикъ въ лодкѣ внизъ головой виситъ, ногами дрыгаетъ, ругается, а батька съ берега; на корточки сѣлъ, что есть силъ парку держитъ и одно оретъ — „водку давай!" — Всѣ вокругъ стоятъ, за бока взялись, хохочутъ, разнимать не идутъ, ждутъ: чѣмъ-то старики порѣшатъ, а тѣ такъ орутъ, что, пожалуй, за Енисей на ту сторону слышно.

Долго бы такъ тягались старики, да парка не выдержала: затрещалъ подолъ, и Савоськинъ батька съ обрывкомъ его въ рукахъ шлепнулся на песокъ, а пріѣзжій

старикъ вмѣстѣ со своимъ боченкомъ громыхнулъ въ лодку.

Сразу смолкнули оба...

И вдругъ батька Савоськи снова кинулся къ лодкѣ, а изъ-за борта появилась всклоченная съ расквашеннымъ носомъ голова старика. Не успѣли и ахнуть кругомъ, какъ старики, вцѣпясь другъ другу въ длинные волосы, въ молчанку, въ жестокой потасовкѣ покатились по песку. Всѣ бросились ихъ разнимать; потому, нельзя: драка. Закричали... Засуетились...

Сунулся разнимать и Савоська, да не сдѣлалъ и шагу,— самъ растянулся носомъ внизъ на пескѣ, запнувшись о что-то и чувствуетъ еще, что какъ падалъ, кто-то ему по загривку далъ; да и порядочно. Озлился Савоська, вскочилъ, кулаки сжалъ... Да сразу же и осѣлъ... Видитъ, опять та же дѣвка съ нимъ шутку сшутила: ногу подставила, въ шею дала и теперь, отбѣжавъ, кулакъ еще ему съ хохотомъ кажетъ. Прыгнулъ Савоська, схватилъ дѣвку въ охапку, что медвѣдь, и давай ей голову къ низу гнуть, приговаривая: „кланяйся, кланяйся!“ И такъ же имъ весело обоимъ, хорошо, хохочутъ... Будто и не чуетъ Савоська, что дѣвка его тузитъ такъ, что и доброму мужику въ пору, а у той отъ шутокъ гостя шея трещитъ... Не чувствуютъ... Весело... И про стариковскую драку забыли...

Первая дѣвка опомнилась. Хватила Савоську такъ кулакомъ подъ ребро, что у того и духъ захватило, вывернулась, какъ вьюнъ, у него изъ рукъ, ткнула еще, на-прощанье, въ загорбокъ и незамѣтно шмыгнула къ шумящему около стариковъ народу.

Перевелъ духъ Савоська. Оглянулся.

Стариковъ успѣли уже растащить. Теперь только держатъ, чтобы они не схватились снова. Послѣ потасовки и

пріѣзжій старикъ глядитъ не лучше Савоськинаго батьки. Носъ разбилъ, когда въ лодку валился, у парки весь задъ отъ самого пояса выдранъ, волосы свисли на лобъ, а отъ всей русской важности, съ которой вначалѣ держалъ онъ себя предъ гостями, не осталось и слѣда: кричитъ и ругается...

Подошелъ Савоська къ отцу, подхватилъ его подъ руку и потащилъ съ братомъ домой. Матка сзади подталкиваетъ, а батька нейдетъ, упирается: „Пустите, — кричитъ, — такіе-сякіе, я его научу, какъ остяку надо жить, а то онъ, возясь съ русскими, совсѣмъ позабылъ!.. Подрались, а пьяные не были... Нѣтъ, онъ пусть сначала пьянымъ напоитъ, а потомъ ужъ дерется!..“ Но всѣ крики батьки не повели ни къ чему, и его все-таки приволокли къ свой юртѣ. Въ юрту не повели: „Вылѣзетъ еще, да опять убѣжитъ драться“ — рѣшилъ съ маткой Савоська и посадилъ отца въ будку на лодкѣ, заперевъ дверь покрѣпче снаружи.

Постучалъ, побурлилъ старикъ и успокоился: спать, вѣрно, повалился. Пошли въ юрту спать тоже и матка съ братомъ: давно уже пора; а Савоська и не подумалъ идти за ними, точно спать вовсе и не нужно. Свистнулъ онъ собакъ, потрепалъ ихъ кудлатыя головы и пошелъ съ ними вверхъ по рѣкѣ, въ сторону отъ кочевья.

Луна поднялась уже высоко и заливала своимъ мечтательнымъ серебристымъ свѣтомъ прибрежный песокъ. Тихій-тихій, будто уснувшій глубокимъ сномъ, исполинъ Енисей всею своею темною ширью жмется къ берегамъ и не всплеснетъ, не пророкочетъ ни одною волною. Шумъ и гомонъ въ лодкахъ приплывшихъ гостей умолкъ, умолкли и отголоски тайги, въ полуверстѣ отъ берегового песка угрюмо подвинувшейся по скаламъ къ Енисею. Тихо все; только фыркнетъ иной разъ да скребнетъ по песку лапой

которая нибудь изъ собакъ Савоськи или съ дробнымъ шорохомъ промчится къ рѣкѣ, почуя уснувшаго около воды куличка. Свистнетъ тревожно тотъ, прозвенитъ чуть крылышками, и снова все тихо, все спитъ. Спитъ Енисей, спитъ тайга, спитъ весь голосистый рой крылатыхъ ея пѣвцовъ, и только одинъ сынъ тайги, Савоська, забылъ про урочное время отдыха и покоя и, волнуемый какимъ-то, новымъ для него чувствомъ, быстрымъ шагомъ идетъ все дальше и дальше отъ своей юрты.

Куда онъ идетъ, зачѣмъ? — эта же мысль невольно мелькнула и у самого Савоськи, когда онъ, запнувшись о какой-то кустикъ травы, нечаянно остановился и оглянулся. — „Ишь ты, чуть ни на цѣлый оргишъ [1]) отъ юрты ушелъ!“ — удивленно произнесъ онъ, узнавъ мѣстность, и еще съ большимъ удивленіемъ открылъ ротъ при звукахъ своего голоса: „Да съ кѣмъ же я говорю?!“ — подумалъ онъ.

Обѣ собаки примчались къ хозяину, заслышавъ его голосъ: „Чего тебѣ?“ такъ, кажется, и хотѣли спросить уставленныя на него двѣ пары умныхъ собачьихъ глазъ, а умильно прижатыя острыя ушки и вилянье кудлатыхъ хвостовъ какъ бы добавляло: „Мы рады, чѣмъ можемъ, тебѣ услужить!“ — Сѣлъ на песокъ Савоська, ухватилъ одного изъ своихъ молчаливыхъ собесѣдниковъ за пушистую шерсть на щекахъ и, повернувъ прямо къ себѣ его острую мордочку, задалъ псу совершенно неожиданный для того вопросъ: „А что, хороша дѣвка у старика?...“ — Песъ совершенно растерялся при такомъ нежданномъ вопросѣ и, быстро рванувшись впередъ, во весь языкъ лизнулъ по лицу Савоську. Другой песъ, не желая отстать отъ товарища,

---

[1]) Оргишъ — собственно, переѣздъ кочевья съ одного мѣста на другое; въ переносномъ значеніи, — время, нужное для такого переѣзда, а затѣмъ разстояніе, проходимое въ одинъ переходъ.

проворно мазнулъ языкомъ у хозяина за ухомъ и, когда тотъ вскрикнулъ отъ неожиданности, къ его голосу сейчасъ же присоединился дружный радостный лаи, и оба пса наперебой стали лизать по лицу и шеѣ хозяина, несмотря на все его сопротивленіе.

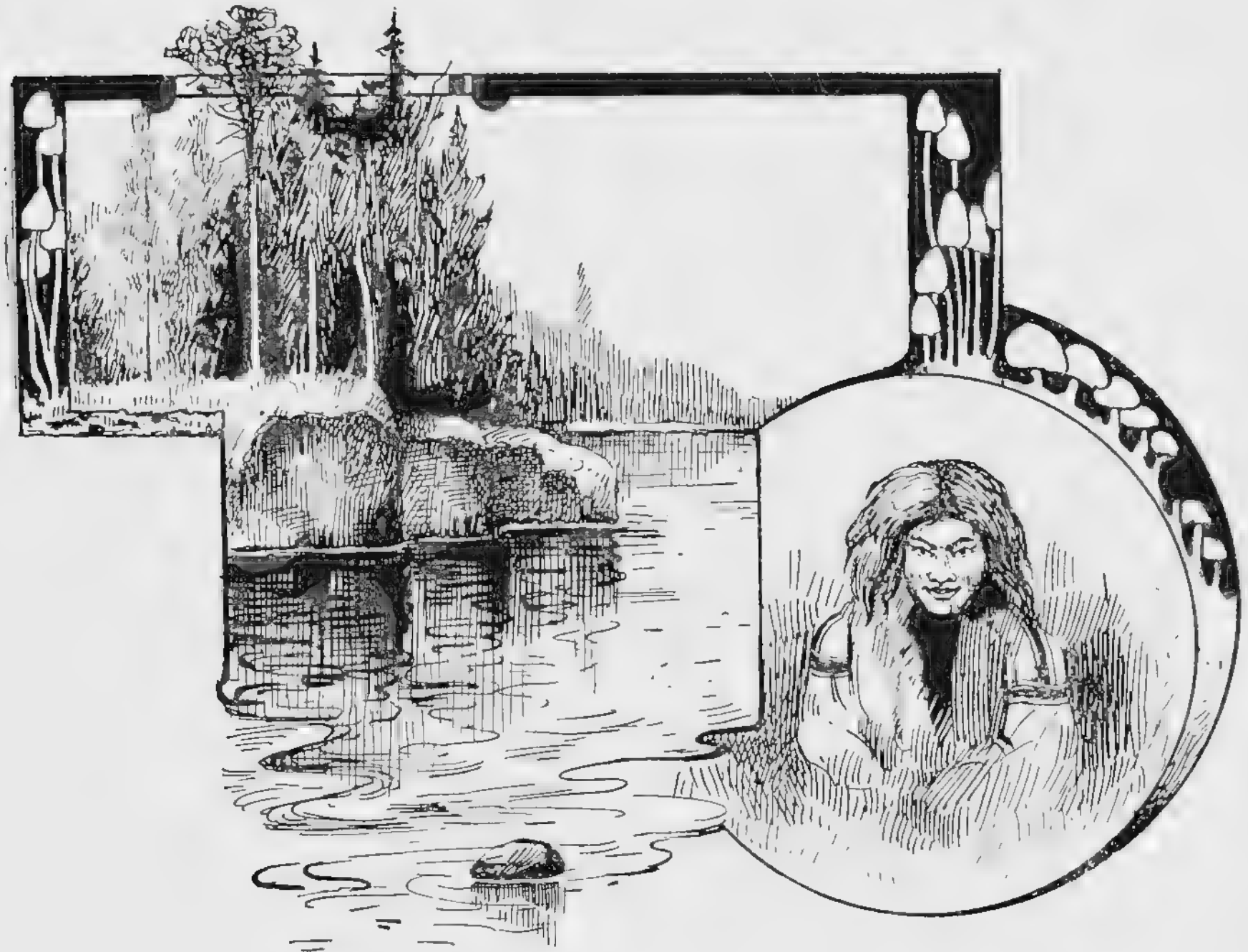
На пескѣ поднялась возня.

Псы, какъ ошалѣлые, носясь вокругъ остяка, налетали на него то съ той, то съ другой стороны. Савоська хохочетъ, отбивается, кричитъ на собакъ, а тѣ то съ громкимъ лаемъ мчатся во всю прыть, описывая кругъ по песку, то вдругъ смолкнутъ, припадутъ на переднія лапы... Прыжекъ... И среди снова раздавшагося гавканья, смѣха и крика хозяинъ и псы катятся въ вознѣ по песку, будя своимъ *гомономъ* таежное эхо.—„Никакъ звѣря собаки погнали“—думаютъ сквозь сонъ остяки, до слуха которыхъ донесетъ эхо далекіе отзвуки собачьяго лая.

Скажи Савоськѣ вчера кто-нибудь, что завтра онъ среди ночи съ собаками возню заведетъ,—не повѣрилъ бы ни-за-что: „Что я, пьяный чтоль буду“!—сказалъ бы. А теперь возится, хохочетъ, дуритъ и знаетъ, что все это глупо, а самъ между тѣмъ радуется, что ему глупости хочется дѣлать.—Такое ужъ, что-то съ нимъ приключилось!—А приключилась обычная вещь: влюбился Савоська.

Парень Савоська былъ уже на возрастѣ, а сердце заговорило у него впервые, да и не мудрено. Выросъ онъ въ бѣдности, въ тяжеломъ трудѣ. Зимою въ глуши таіги онъ только и зналъ свои ловушки на звѣря и постоянное рысканье по лѣснымъ трущобамъ на лыжахъ. По цѣлымъ недѣлямъ кромѣ двухъ своихъ псовъ здѣсь никого онъ и не видѣлъ. Пока кое-какъ брезжитъ еще день, осматриваетъ Савоська свои ловушки; наступитъ ночь или зашумитъ, застонетъ надъ таігою пурга—закопается онъ со своими псами,

укрывшись всѣмъ, что только есть съ собою, въ снѣгъ и отлеживается такъ, грѣя другъ друга, иногда не одни сутки. Наберетъ за недѣлю-другую промышленникъ шкурокъ и бѣжитъ съ ними къ отцовской землянкѣ, гдѣ зимуетъ матка-старуха; отдохнетъ день-другой, часто кромѣ матки никого и не увидитъ, если случайно батька и братъ



не подойдутъ въ то же время, — сдастъ мѣха и опять уйдетъ на недѣлю въ тайгу, впрягшись съ собаками въ свою промысловую санку. — Сколько разъ совсѣмъ умирать собирался Савоська, да все какъ-то цѣлъ выходилъ изъ разныхъ бѣдъ и напастей. И медвѣдь-то его мялъ, да подохъ, не успѣлъ заломать: ножъ-то ему Савоська подъ ребра по самую ручку всадилъ; только и смогъ „*таежный князь*“

промышленнику полъ спины да плечо ободрать и память отшибъ; раны зализали собаки, а память сама пришла, какъ въ снѣгу отлежался съ полъ сутокъ. Ползкомъ до землянки доползъ тогда Савоська да батьку послалъ, чтобы медвѣдя обрать. — То-то радости было! — Другой разъ пурга такая пошла, что костра никакъ развести не дала, налетѣла сразу въ лютый морозъ да и бушевала нѣсколько сутокъ, а Савоська въ то время на дальнихъ ловушкахъ былъ и безъ санки; такъ и отлеживался со псами безъ всего; обморозились и сголодались до того, что подъ конецъ парку кожаную ѣсть стали; уцѣлѣли; только у Савоськи потомъ всѣ пальцы на одной ногѣ отвалились.

При такой жизни, кромѣ себя, какъ живу быть, не о комъ и думать не будешь!

Лѣтомъ Савоськѣ жилось, конечно, куда легче, чѣмъ зимою, но и тутъ особо удобныхъ случаевъ для проявленія его сердечныхъ влеченій также до сихъ поръ еще не представлялось. Положимъ, лѣтомъ, при рыбномъ промыслѣ на отмеляхъ Енисея, онъ часто встрѣчался съ людьми, не рѣдко цѣлыя недѣли промышлялъ вмѣстѣ со своими единоплеменниками и проводилъ вечера въ разговорахъ у ихъ костерка, но, повторяемъ, сердце Савоськи до сихъ поръ еще не заговорило.—Почему, бы кажется?— Вѣдь встрѣчалъ же онъ дѣвушекъ и до сего дня, неужели только одна дочка старика съ Елогуя сумѣла привлечь его особое вниманіе своими какими-нибудь исключительными достоинствами?! Не въ достоинствахъ тутъ дѣло, читатели, а въ томъ, что, какъ это ни странно, а Савоська, дѣйствительно, до сихъ поръ дѣвушекъ своего племени почти не видалъ, а если и видѣлъ, то только страдающихъ какими-нибудь тяжкими недугами, которые настолько клали на нихъ свой пагубный отпечатокъ, что дѣвушки эти могли, въ лучшемъ случаѣ

вызвать въ Савоськѣ развѣ только чувство сожалѣнія къ нимъ. Видѣлъ Савоська молодыхъ остячекъ, изуродованныхъ цынгою и колтуномъ, видѣлъ лица, покрытыя страшными язвами, задернутые бѣльмами глаза, высохшія подъ болячками губы и вѣки, видѣлъ все это Савоська, но здороваго молодого женскаго лица до сихъ поръ въ средѣ своихъ земляковъ не встрѣчалъ.

Почему бы это, читатели?

По всему Енисею въ остяцкихъ кочевьяхъ здоровоїї молодой дѣвушки вы не встрѣтите: всѣхъ ихъ забралъ къ себѣ русскій поселокъ въ... работницы. Подросла дочка у остяка, каждая рабочая сила охъ какъ нужна ему самому, но русскій, съ которымъ обнищалый остякъ ведетъ свои дѣла и тѣмъ кормится, требуетъ эту силу къ себѣ, и что бы отецъ ни говорилъ, какъ бы ни отстаивалъ свое дѣтище, его дочка, въ концѣ-концовъ, все-таки очутится работницей русскаго, пропитая ли на водкѣ, проданная ли за товаръ, или просто отобранная при удобномъ случаѣ силою. Какъ бы ни какъ, но здоровоїї взрослоїї дѣвушки и не только взрослоїї, но даже подростка въ юртѣ остяковъ на побережьѣ Енисея теперь вы уже не встрѣтите: всѣ остяки здѣсь въ полноїї кабалѣ у русскаго поселенца и разсуждать имъ,— что лучше,— не приходится.

— Елогуйскій старикъ — ухъ, богатый! Оттого и дѣвку свою уберегъ; нашимъ бы — гдѣ! — разсуждалъ Савоська, возвращаясь уже на свѣту къ своей юртѣ.—Вотъ такую бы дѣвку да въ жены взять!—мечталъ онъ.—Уйти съ нею далеко-далеко, такъ чтобы русскій никогда ее и не видалъ. Завести оленей своихъ, лопати запасти разной. Я — мѣха буду добывать, а она—лопать шить. Такъ и жить все время въ тайгѣ и къ русскимъ никогда не выходить; говорятъ же что есть такая наша орда на Сухой Тунгускѣ!

Совсѣмъ размечтался Савоська.

—А вѣдь батька-то со старикомъ подрался!—вспомнилось вдругъ ему.—Поди, озлится старикъ и съ песку отъ насъ уйдетъ... Къ русскимъ пойдетъ...—замелькали тревожныя мысли въ умѣ у Савоськи, и онъ, остановившись, съ замираніемъ сердца сталъ вглядываться впередъ, гдѣ на чуть свѣтлѣющемъ небѣ обрисовывались темные контуры стариковскихъ лодокъ.

— Ну, такъ и есть, уѣзжать уже собираются! — болью отозвалось у него въ груди, а сердце такъ и биться перестало, когда онъ увидѣлъ движущіяся около лодокъ тѣни.—Не пущу!—шагнулъ онъ впередъ, да сейчасъ же и остановился: „такъ они тебя и послушаютъ!..“

У лодокъ пріѣзжихъ остяковъ дѣйствительно шевелился народъ, слышались сдержанные возгласы, стучали о борта лодокъ сбрасываемыя весла.

А Савоська стоялъ и ждалъ, когда же ему совсѣмъ конецъ будетъ, когда уйдетъ, наконецъ, къ русскимъ старикъ со своей дочкой... Холодно ему стало и спать вдругъ захотѣлось такъ, что легъ бы и сразу заснулъ и ни объ чемъ не думалъ бы...

Небо свѣтлѣло. Надъ Енисеемъ легкой дымкой заносился туманъ; плотныя бѣлыя волны его поползли къ рѣкѣ и съ берега отъ тайги, застилая своею влажною неуловимою пеленою отъ глазъ Савоськи лодки пріѣзжихъ, только еще отчетливѣе доносившаяся въ туманѣ суетня людей показывала, что сборы къ перекочевкѣ далеко не окончены.

— Дождусь, пока уйдутъ, и спать пойду,—думалъ сонливо Савоська, а въ душѣ у него какъ-то пусто стало, точно другой за него на берегу стоитъ и ждетъ, когда стариковская дочка уйдетъ къ русскимъ...

Въ туманѣ сталъ разноситься равномѣрный стукъ веселъ.

— Пошли!.. Чего-жъ они веслами, а не бичевой — идутъ?.. Вѣрно нашу лодку обойдутъ на веслахъ, а потомъ собакъ запрягутъ, — разсуждалъ Савоська, какой-то другой, чужой самому себѣ Савоська... — Спать хочется... Ушли!..

Русскій поселокъ.

Стукъ веселъ понемногу смолкалъ въ отдаленіи. Небо совсѣмъ побѣлѣло, и порывы утренняго вѣтерка стали перекатывать волнами туманъ, мало-по-малу приподнимая его надъ землею. То тамъ, то здѣсь подъ молочно-бѣлою густой пеленой тумана выглянетъ кусочекъ темной поверхности

рѣки, побѣлѣвшій отъ осѣвшей росы песокъ, часть неба съ меркнущей звѣздочкой...

А вѣтеръ все гонитъ и гонитъ туманъ...

Савоська стоялъ и сонливо смотрѣлъ, какъ перекатывались бѣлыя волны, и свѣтлѣло понемногу небо. Тѣло его вздрагивало на утреннемъ холодкѣ, а вѣтерокъ щекоталъ по щекѣ, перебирая его длинные, влажные отъ росы волосы. „Ушли!..“ — угнетенно думалъ Савоська. Взглядъ его безцѣльно перебѣгалъ по волнамъ тумана, клубящагося надъ рѣкою. Пусто, тоскливо было на душѣ у парня, не хотѣлось ни думать, ни двигаться — „ушли!..“ Вдругъ Савоська весь сразу какъ-то вздрогнулъ, качнулся впередъ, напряженно вглядываясь въ пелену тумана, затѣмъ рванувшись съ мѣста, парень заскакалъ, запрыгалъ по песку, оглашая воздухъ радостнымъ крикомъ.

— Самоловы ставятъ! Промышлять будутъ!.. Не ушли!.. Не уйдутъ къ русскимъ!..

Вдали, на глади Енисея, среди обрывковъ тумана виднѣлись двѣ маленькія лодки ловцовъ, а большія оргишевыя лодки елогуйскаго старика спокойно стояли на своемъ мѣстѣ...

— Чего орешь, дверь открывай, самоловъ смотрѣть время! — прервалъ радость Савоськи голосъ запертаго въ лодкѣ батьки. Ликующій Савоська однимъ прыжкомъ очутился у двери, освободилъ своего старика, и немного спустя оба они въ своей лодкѣ уже качались на волнахъ Енисея, осматривая рыболовныя снасти.

Уловъ былъ хорошій.

На самоловъ рыба шла ходко: вынули они штукъ пять стерлядей, да осетровъ пару, одного икряного пуда на три. — Солнце уже высоко поднялось на небѣ, когда наши рыбаки, нажививъ свои самоловы, вернулись съ уловомъ къ берегу. Вернулись къ своимъ лодкамъ и елогуйцы.

Въ душѣ у Савоськи все ликовало: и дочка у старика хорошая, и къ русскимъ онъ не уйдетъ, и рыба хорошо ловится, и вонъ елогуйцы ужъ юрты поставили, долго у нихъ на пескѣ пробудутъ, и онъ дочку опять непремѣнно- непремѣнно увидитъ!.. Какъ убитый, послѣ безсонной ночи, повалился теперь спать парень, но даже и во снѣ радостное чувство не оставляло его и заставляло дрожать въ немъ каждую жилку...

Савоська былъ счастливъ!..

Савоська проспалъ цѣлый день. Только къ вечеру, наконецъ, отоспавшись, вылѣзъ онъ изъ юрты и, зѣвая во весь ротъ, присѣлъ къ костру, гдѣ батька съ маткой и братъ сидѣли у кипящаго котелка съ только что заваренным кирпичнымъ чаемъ. Вдали, у юртъ елогуйцевъ, вился синеватый дымокъ: тоже, вѣрно, чай варятъ.

— А у елогуйцевъ самомоловы-то пусты! — усмѣхнулся Савоськинъ братъ, продолжая начатую до прихода Савоськи бесѣду. — Я все время смотрѣлъ, какъ они перебирали: хоть бы что! Надо быть, на соленую наживку ставятъ, а то какъ рыбѣ не быть! Вонъ у насъ опять осетръ, — обратился онъ къ Савоськѣ, — да костери [1]) съ десятокъ. То-то, поди, старикъ у нихъ злится: видѣлъ, какъ я осетровъ таскалъ, а онъ съ дочкой только наживку въ водѣ полощутъ!

— Съ дѣвкой штоль выѣзжалъ? — проронилъ сквозь зубы Савоська, а самъ про себя подумалъ: „вотъ проспалъ-то, колода!“

— Съ дѣвкой; въ веслахъ была да все на нашу лодку смотрѣла, тебя, видно, выглядывала, а ты проспалъ...

— Въ другой разъ увижу...

Увидишь! Жди! Живо уберутся отъ насъ, какъ смекнутъ, что живца, кромѣ какъ въ рѣчкѣ у нашей юрты,

---

[1]) *Костеля* — смѣшанная порода отъ стерляди и осетра.

нигдѣ нѣтъ. По пусту кому охота самоловомъ воду болтать! А къ намъ не поїдутъ: старикъ озлившись!

— А вѣдь и впрямь какъ бы не ушли, — подумалъ Савоська. — Надо какъ-нибудь живцовъ имъ достать, — раздумывалъ онъ, дуя на свою чашку чая. — Поїду караулить дѣвку, можетъ, поїмаю одну... За дровами, поди, на угоръ бабы ходятъ, здѣсь на берегу и прутика то вѣдь нѣтъ. Поїду — рѣшилъ онъ и, допивъ чашку, пошелъ по отмели рѣки къ кряжу, гдѣ темнѣлась таїга. Отъ своеї юрты онъ пошелъ прямо къ угору, а какъ только дошелъ до перваго кустовняка, сеїчасъ же свернулъ къ елогуйцамъ и, крадучись, точно по звѣрю шелъ, сталъ пробираться въ ихъ сторону.

Догадка Савоськи не обманула его: елогуйскія бабы дѣйствительно собирали на опушкѣ валежникъ, и голоса ихъ отчетливо разносились въ вечернемъ воздухѣ. Савоська поползъ. Только бы собакъ съ ними не было, — раздумывалъ онъ, — а то сеїчасъ прочуютъ! Собакъ на его счастье съ бабами не оказалось, и ловкій остякъ подползъ къ нимъ сажени на четыре. Подползти подползъ, а того, чего искалъ, — не нашелъ: дѣвки здѣсь не было. Ахъ, чтобъ ей!.. Вѣрно у юртъ толчется, — досадовалъ Савоська, лежа за кустомъ и наблюдая, какъ бабы собираютъ въ вязанки валежникъ. — И чего ей у лодокъ торчать, шла бы лучше сюда...

Бабы уже кончили свою работу и, набравъ по вязанкѣ, тараторили о домашнихъ дѣлахъ, не думая возвращаться къ лодкамъ. Разговоръ шелъ о томъ, что мужики ихъ никакъ наживки разыскать не могутъ, а на соленую рыба не беретъ. Всѣ заводи пересмотрѣли, а вьюновъ нигдѣ нѣтъ — какъ нѣтъ. Такъ безъ свѣжей рыбы весь день и пробыли. Старикъ злится, всѣхъ бранитъ, а на другоїї песокъ переходить не хочетъ: у здѣшнихъ — говоритъ — беретъ, такъ и у насъ рыба будетъ; только узнать надо, гдѣ живца они

достаютъ... А какъ узнаешь, коли старики подрались: тотъ къ намъ не пойдетъ и парней не пуститъ, а нашъ первый ни за что не покорится, самъ не пойдетъ и нашимъ никому не велѣлъ ходить...

— Гдѣ это Окулька запропастилась? — сказала одна баба. — Надо и къ лодкамъ идти. Окулька! — крикнула она на-распѣвъ, обернувшись къ лѣсу.

— Чаво-о-о!—донесся звучный молодой голосъ откуда-то издали, изъ тайги.

— Мы идемъ!..

— Идите... Приду! — принесся далекій отвѣтъ, и бабы начали подбирать свои вязанки.

При первомъ же окликѣ Савоська насторожилъ уши: какая Окулька, ужъ не дѣвка-ли? — пронеслось у него въ умѣ и, когда изъ тайги прозвучало отвѣтное „чаво!“ — онъ, забывъ про осторожность, шарахнулся на голосъ.

— Ишь ты, никакъ ушканъ [1]) стреканулъ! — перемолвились бабы, не разглядѣвъ за кустами Савоську, а двуногій ушканъ во всѣ лопатки припустилъ въ ту сторону, гдѣ прозвучалъ голосъ дѣвки.

— Окулькой зовутъ... Погоди-жъ... Изымаю!..—бормоталъ Савоська, скользя почти безъ шороха между кустами и все выше и выше поднимаясь по угору.—Ишь ты, куда забралась!..

Высоко, на скалистомъ уступѣ, противъ раскинутой на отмели савоськиной юрты, сидѣла Окулька, освѣщенная послѣднимъ отсвѣтомъ зари. Савоська издали примѣтилъ ея свѣтлую ровдужную парку, бѣлѣвшую на темномъ камнѣ.

— На нашу юрту смотритъ!..— забилось-замерло у него сердце. — Не меня-ли ужъ ждетъ?.. Испугаю! — и онъ началъ еще не слышнѣе красться къ задумавшейся дѣвушкѣ.

---

[1]) *Ушканъ* — заяцъ.

Подкрался Савоська, схватилъ сзади за плечи Окульку и ухнулъ ей надъ самымъ ухомъ. Но не на такую дѣвку напалъ, чтобы испугать. Какъ вьюнъ, скользнула у него дѣвка изъ рукъ, безъ крика, безъ звука прянула отъ него въ сторону, и не успѣлъ Савоська мигнуть, а ужъ дѣвка стояла на ногахъ, и въ рукахъ у нея сверкнулъ ножъ.

— Не бойся, это я! — произнесъ, растерявшись, Савоська.

— По рожѣ теперь вижу, что ты,—расхохоталась Окулька, пряча за пазуху ножъ. — А я подумала было что медвѣдь, какъ за плечи облапилъ!

— Испугалась?

— Я-то?! — и дѣвка захохотала еще громче. — У насъ на Елогуѣ дѣвушки не трусливы!

— И всегда такъ съ парнями говорятъ?..

— Ишь ты какой: *всегда*! — На людяхъ, конечно, молчи; у насъ, вѣдь, какъ и у васъ, дѣвкѣ и съ братомъ говорить не полагается. Ну, а коли безъ людей — такъ моя воля. Хочу — говорю, хочу — молчу, а захочу — такъ и совѣмъ уйду! — закончила неожиданно дѣвка, повернувъ въ кусты.

— Постой, куда ты! — кинулся догонять ее Савоська. — Погоди... Дѣло есть!..

— Ну, подожду. А ты чего весь день къ намъ глазъ не казалъ?

— Батька твой озлившись... Боялся..

— *Боялся*! А еще парень!

— Какъ же не бояться, вѣдь старики подрались, теперь къ вамъ и не суйся!

— А ты приходи, да отъ своего батьки рыбы принеси, мой и сердиться броситъ!

— Не поколотятъ меня?

— Надо поколотить за то, что ты дуракъ! Дѣвка его зоветъ приходить, а онъ боится, что поколотятъ!.. Дуракъ и есть!

— Не ругайся, приду...

— Самъ приходи, да и батьку своего уломай, чтобы послѣ тоже и самъ пришелъ, и моему батькѣ показалъ, гдѣ живца ловить; я-то и такъ знаю, что вы здѣсь вонъ въ этой рѣчкѣ ловите, да пусть батька-то твой самъ покажетъ!

— А ты почему знаешь; мы вечеромъ здѣсь вѣдь сегодня не ловили?

— Вечеромъ; — Я днемъ видѣла!

— Такъ ты и днемъ здѣсь была?.. Зачѣмъ?..

— Окулька-а-а! — донеслось издалека, отъ юртъ.

— Зовутъ! — указала рукой на юрты Окулька. — Идти надо! — Зачѣмъ была днемъ здѣсь?... — Знать хотѣла, гдѣ вы живца ловили! А ты думалъ зачѣмъ? — захохотала въ лицо Савоськѣ Окулька и, какъ тѣнь, скользнувъ по утесу, мелькнула внизу въ кустахъ, и не успѣлъ оглянуться Савоська, какъ ея громкое „*иду-у-у*“, раздавалось уже гдѣ-то далеко на отмели.

— Ну, и дѣвка!.. — чесалъ себѣ загривокъ Савоська. — Да неужели онѣ всѣ такія?

По утру Савоська долго возился со своими волосами; намочилъ ихъ, сплелъ въ тугую косу, пригладилъ на лбу и въ рѣчку даже посмотрѣлъ на себя.

— Ты куда собрался? — спросилъ батька.

— Къ елогуйцамъ. Мириться надо. Народъ богатый. Можетъ, рыбу у насъ забирать будутъ! — отвѣтилъ Савоська.

— Смотри: прогонятъ!

— Не прогонятъ, только такъ съ пустыми руками нельзя идти; осетра штоль подарить. Какъ по твоему?

— По мнѣ—неси; не жалѣю; рыба ходко пошла!

— А съ елогуйцами точно мириться надо: народъ богатый!—вздохнулъ батька.—Только вотъ водку жалѣютъ!

— Ты, слышь, коли я не приду сряду, самъ приходи: значитъ, дѣло налаживается! — подбивалъ батьку Савоська, заполучивъ разрѣшеніе подарить осетра. — Елогуйцы-то, вѣдь, поди, стосковались безъ свѣжей рыбы, такъ и старикъ долго ломаться не будетъ, а намъ это на руку!

— Ладно, приду; да осетра-то тащи икряного... Все равно ужъ... Другого достанемъ!

Савоськѣ только этого и надо было. Взвалилъ онъ на плечи самую крупную рыбину и зашагалъ съ нею по отмели къ елогуйцамъ.

Елогуйцамъ и нынче не повезло: и переметы, и самоловы оказались совершенно пустыми, такъ что опять пришлось приниматься за порсу и юкколу, всѣмъ надоѣвшую до тошноты и за зиму.

— Никакъ здѣшніе рыбу тащатъ къ намъ!—сказала одна изъ возившихся съ юкколой бабъ, примѣтя издали приближавшагося къ нимъ съ осетромъ Савоську.—Надо быть, торговать хотятъ; вѣрно чего не хватаетъ!

— Что жъ, придется купить: не сидѣть же и впрямь безъ рыбы!—досадливо проворчалъ старикъ, изъ-подъ руки вглядываясь въ подходившаго гостя.

— Старикъ, штоль, идетъ?

— Нѣтъ, похоже больше, что парень. Ишь ты, какого осетра претъ! Парень и есть!..

— А мнѣ все равно, старикъ ли, аль парень, рыбу купимъ, да и пусть проваливаетъ; не дружбу же съ ними, голышами, вести изъ-за того что знаютъ, гдѣ живца взять,— ворчалъ старикъ, вспоминая потасовку и обезкураженный тѣмъ, что обидчикъ не самъ несетъ рыбу:—Парня послалъ; самъ-то боится...

Савоська подошелъ, стряхнулъ съ плеча трехъ-пудоваго осетра на землю около старика и, переводя духъ, произнесъ:

— Батька дарить велѣлъ, пока своихъ не промыслите, у насъ рыба пошла!

— Дарить?—переспросилъ польщенный старикъ.—Ладно. Здравствуй! — протянулъ онъ руку Савоськѣ. — Рыбу-то сдаете, аль на себя запасаете?

— Никакъ здѣшніе рыбу тащатъ къ намъ!

— Гдѣ запасать!—вздохнулъ, присаживаясь къ старику, парень. — Русскимъ сдаемъ. Нынче даже бѣлую [1]) юкколу и порсу для собакъ забирать стали, а намъ сухарь даютъ!

— На водку берутъ?

---

[1]) т. е. изъ *бѣлой* рыбы.

— Нòровятъ то на водку, да мы все больше теперь товаромъ беремъ; за то и не любятъ, когда батьку къ нимъ одного не пускаемъ: онъ то, какъ выпьетъ, за водку все отдать радъ!

— А ты, штоль, не пьешь?

— Не пью!

— Врешь!

— Чего врать? Пилъ прежде малость, а теперь и совсѣмъ пить не буду: хочу такимъ же, какъ ты, богатымъ быть! — рѣшилъ вдругъ, совершенно неожиданно для себя, Савоська, замѣтивъ прошмыгнувшую мимо Окульку. — Разбогатѣю и возьму за себя дѣвку у старика! — твердо рѣшилъ онъ въ душѣ. — Не пью и не буду пить! — добавилъ онъ громко, дивясь, почему это раньше не приходило ему на умъ, а теперь стало вдругъ такъ понятно и ясно.

Елогуйскій старикъ смѣется, веселый такой сталъ.

— А что у тебя теперь есть?—спрашиваетъ.

— Ничего нѣтъ! — смѣло отвѣчаетъ Савоська, и не стыдно, не обидно ему, что у него ничего нѣтъ. — Теперь нѣтъ, потомъ будетъ!—думаетъ онъ.

А старикъ точно знаетъ, что у него на умѣ: по плечу его хлопаетъ. — Теперь нѣтъ, — за то потомъ будетъ! — говоритъ.—У меня тоже ничего не было, пока водку безъ ума пилъ. И у батьки твоего потому жъ ничего нѣтъ. А ты не пей, и все у тебя будетъ: и самъ хорошо жить будешь, и своимъ помогать сможешь!

— Не буду!—рѣшилъ громко Савоська и даже рукой по колѣнкѣ себя прихлопнулъ: „такъ, молъ, и будетъ!“

Пока Савоська бесѣдовалъ со старикомъ, къ нимъ подошелъ и батька.

— Вотъ этотъ пить не броситъ!—смѣется старикъ, протягивая руку нѣсколько смущенному гостю. — Ишь, изъ-за

двухъ стаканчиковъ въ прошлый разъ драку со мной завелъ и весь хвостъ отодралъ у парки. Дѣвка моя и то пытала ругать тебя, какъ заплаты ставила. Ну, да я добрый, зла не помню. Ты рыбой меня подарилъ,—хлопнулъ старикъ по плечу батьку,—а я тебя водкой угощу; всѣхъ угощу и самъ напьюсь, и бѣды изъ того не будетъ, потому я, значитъ, съ умомъ пью.—А ты, парень, не пей,—обернулся старикъ къ Савоськѣ,—и тоже съ умомъ будешь... А, впрочемъ, какъ знаешь: водки мнѣ не жалко. Сегодня я веселый, всѣ пьяны будемъ!

И старикъ сдержалъ свое слово: къ вечеру всѣ были и сыты, и пьяны. И икру съѣли, и самого осетра съѣли, и все не скупо спрыснули водкой; такъ не скупо, что Савоськинаго батьку къ вечеру даже слеза прошибла. Сидитъ на пескѣ, подперъ голову руками, а у самого слезы такъ и капаютъ.—Такой человѣкъ хорошій, а я его вчера поколотилъ!—и давай того пуще плакать. А хорошій человѣкъ рядомъ съ нимъ сидитъ, обнялъ Савоськинаго батьку рукою и, глядя на него, тоже плачетъ, рѣкой разливается.—Зато я тебя и люблю,—говоритъ,—что ты мнѣ вчера таску далъ! Богатъ я, теперь никто тронутъ меня не смѣетъ. Сколько лѣтъ ужъ меня не колотили... Давай поцѣлуемся: другъ ты мнѣ!

Вотъ, поди-жъ ты и разбери пьяныхъ!

— Ты думаешь, пьянъ я, такъ и говорю потому?—опять ведетъ свою рѣчь елогуйскій старикъ.—Нѣтъ! Пьянъ-то я пьянъ, да ума не пропилъ еще: что теперь говорю, то и завтра скажу. Такъ говорю?—обернулся онъ къ своимъ мужикамъ, а тѣ сидятъ кругомъ да только икаютъ, слова сказать не могутъ, больно ужъ на осетра да на водку приналегли.—Колоды вы!..—плюнулъ на нихъ съ досадой старикъ.

— Вотъ мы пьяны съ тобой,—опять обернулся старикъ къ безутѣшному своему собесѣднику,—а парень-то твой

вина въ ротъ капли не взялъ, я все примѣчалъ, изъ него будетъ толкъ! Поживемъ здѣсь вмѣстѣ, посмотрю, что у тебя за парень, и, коли увижу, что ладный, — дѣвку свою за него отдамъ! Ладно, штоль?!

А батька все свою пѣсню тянетъ: — Такому человѣку я потасовку далъ! Дуй меня по рожѣ, коль ты мнѣ другъ... Такому... человѣку... я!.. Давай еще водку пить!..

Еще выпили, еще поплакали, да такъ, рядкомъ, на пескѣ и заснули.

Савоська, дѣйствительно, водки не пилъ, да онъ объ ней и не думалъ: новыя думы, новыя чувства нахлынули на таежника-дикаря.—А что, если и на самомъ дѣлѣ богатъ я буду, тогда, вѣдь, и старикъ, пожалуй, за меня свою дѣвку отдастъ, а коли Окулька моей женой будетъ, помогать на промыслѣ станетъ, — такъ, вѣдь, тогда только и знай работай, работай и не отдыхай, такъ хорошо, какъ только можетъ хорошо человѣку быть! — даже зажмурился въ своихъ новыхъ мечтахъ Савоська.—Нѣтъ, гдѣ ужъ...— къ сладкимъ мечтамъ парня примѣшалась мысль о дѣйствительности,—пока я разбогатѣю, старикъ ее три раза успѣетъ замужъ отдать. А коли Окульки не будетъ, такъ зачѣмъ и жить? — являлся другой, вполнѣ ясный для Савоськи вопросъ, — тогда и богатѣть не для кого... Пойду спрошу, будетъ ли она меня ждать, пока я разбогатѣю; дѣвка смѣлая, она и старика своего не побоится! Гдѣ только она теперь?

Савоська оглянулся.

Его батька, обнявшись съ елогуйскимъ старикомъ, горько плакали, утѣшая другъ друга. Подкутившія бабы кричали и бранились у лодокъ, сводя свои постоянные, никогда не разрѣшимые счеты. Мужики — кто дремалъ, покачиваясь, у костра, а кто уже и позаснулъ на берегу, гдѣ кого сномъ

захватило. Ребята съ собаками возились на берегу, гоняясь за присаживающимися на ночевку чайками.—Окульки ни съ бабами, ни съ ребятами—не было.

— Пойду, поищу! — поднялся Савоська. Но искать ему и не пришлось: Окулька сидѣла и гнула берестяной *туясъ* [1]) съ другой стороны юрты, около которой бесѣдовали старики.

— Окулька, дѣло до тебя есть! — присѣлъ къ ней Савоська.

— У меня тоже дѣло есть, да только не къ тебѣ!

— Подождешь зимы двѣ, пока я на калымъ соберу?

— На калымъ?!. Ахъ, ты дурень большой, да пойду ли я еще за тебя?! Мнѣ и въ дѣвкахъ хорошо!

— Иди, Окулька, я тебя беречь буду!

— Беречь?! Всѣ вы, мужики, одинаково бабъ бережете. Первое время, точно побережешь, а потомъ, пожалуй, и колотить будешь?

— Колотить?.. Никогда колотить тебя не буду; ты тогда сама, чѣмъ знаешь, меня колоти, коли я когда тебя трону!

— Да я и теперь, коли хочешь, тебя поколочу!—не мигнувъ глазомъ, молвила дѣвка, со всего плеча запустивъ туясомъ въ парня, а сама, точно и дѣло сдѣлала, не торопясь стала собирать обрѣзки бересты.

— Да неужто у васъ всѣ дѣвки такія?!.—спросилъ совершенно опѣшивъ, Савоська.

— Такія?!. Нѣтъ: хуже бываютъ; я еще тихая, меня всякій обидитъ, потому я и замужъ идти боюсь!—скромно, опустивъ глазки, говорила Окулька, перебирая обрѣзки бересты.

— Не бойся, иди, я тоже тихій: водки не пью, съ русскими не вожусь...—убѣдительно, торопливо заговорилъ

---

[1]) Бурачекъ.

Савоська, довѣрчиво забывая при послѣднихъ словахъ дѣвки затрещину туясомъ.—Я добрый буду, иди!..

— Я бы, пожалуй, и пошла... Все-равно, вѣдь, вѣкъ въ дѣвкахъ не просидишь... Ты, говоришь, добрый будешь? Ну, и я тоже добрая буду и колотить тебя буду не очень...— говорила дѣвка, все ниже и ниже опуская голову, чтобы ея смѣющееся лицо не было видно парню.—Только вотъ... Двѣ зимы долго ждать!—расхохоталась она, не выдержавъ.—Ты ужъ что-нибудь другое смекни!—крикнула она ему въ самое ухо и, вскочивъ на ноги, помчалась къ бранившимся у лодокъ бабамъ.

— Другое смекни?!.—ворчалъ озадаченный Савоська.—Что тутъ другое смекнешь, коли она чертъ, а не дѣвка?! Опять ничего не договоривъ, убѣжала... Вотъ тутъ и смекни?!

И не смекнулъ Савоська, что съ нимъ дѣвка такія шутки шутитъ потому, что прекрасно слышала весь разговоръ стариковъ, притулившись за юртой, и что парень ей самой приглянулся съ перваго раза.—Да не говорить же про это ему!—думала шустрая дѣвка.—Все равно, кромѣ него, ни за кого не пойду, такъ хоть потѣшусь надъ нимъ пока; пусть онъ, таежный медвѣдь, Окулькѣ покланяется, какъ онъ самъ въ первый разъ меня кланяться себѣ заставлялъ!.. Ишь ты, какой прыткій, такъ и скажи ему, что я его ждать буду!

И точно, поставила на своемъ дѣвка!

Послѣ мировой, сношенія между обоими кочевьями установились постоянныя. Елогуйцы, раздобывъ живцовъ въ рѣчкѣ около савоськиной юрты,—старательно занялись рыболовствомъ. Рыба шла ходко, и удачный совмѣстный промыселъ тѣсно сблизилъ хозяевъ съ гостями. Савоська неоднократно видѣлъ Окульку, но только на людяхъ; чего ни

предпринималъ парень, какъ ни караулилъ дѣвку, а встрѣтить ее съ глазу на глазъ такъ и не удалось. Прячется отъ него дѣвка да и только! Савоська за недѣлю даже съ лица спалъ, продѣлывая все то, что въ его положеніи одинаково продѣлываютъ люди подъ всѣми широтами: не спалъ ночей, терзался сомнѣніями, десятки разъ зарекался позабыть Окульку, коли она его знать не хочетъ, и, въ концѣ-концовъ, пошелъ къ елогуйскому старику просить его отдать ему въ жены дочку.

— Прогонитъ онъ меня, это ужъ вѣрно!—размышлялъ Савоська, шагая по отмели.—Такъ хоть въ тайгу знаю, съ чѣмъ пойду, а здѣсь оставаться не буду, хоть всѣ самоловы рыбой набейся. Тутъ прямо съ одной тоски сдохнешь! Отдастъ старикъ дочку — хорошо, не отдастъ — еще лучше, потому съ такой дѣвкой все равно ладу не будетъ; лучше даже, если бы и не отдалъ!.. думалъ такъ Савоська да и самъ себѣ не вѣрилъ.—Коли съ дѣвкой ладу не ждешь, такъ за чѣмъ же идешь къ старику?—говорилъ Савоськѣ другой какой-то Савоська.—А вотъ хочу и иду!—отвѣчалъ первый Савоська. И пришелъ. И упросилъ-умолилъ старика отдать за себя дѣвку, обязался въ работникахъ жить у окулькинаго отца, пока не отработаетъ ему калыма, и даже батьку своего уговорилъ примкнуться къ елогуйскому кочевью и одной общей семьей кочевать по Енисею.

И все, подумаешь, сдѣлала одна дѣвка!

Помощница мужу Окулька вышла хорошая. Все спорилось въ рукахъ у проворной бабы. Отдѣльной юрты завести имъ старикъ не позволилъ, а жили они вмѣстѣ съ нимъ и семьею его въ одной общей. Погоди, поживи прежде такъ, — говорилъ старикъ, — а потомъ и отдѣльную юрту поставь, какъ наживешь себя хозяйство. Такъ старшихъ дочекъ велъ, такъ пусть живетъ и Окулька!

И жили. И даже очень хорошо жили, работая на старика и въ то же время справляя свое хозяйство. Старикъ былъ умный. Гулять безъ толку не давалъ, но не морилъ и работой, а такъ исподволь, заставлялъ справлять все, что нужно, и для себя самого, и для будущаго хозяйства Савоськи съ Окулькой.

Проработали лѣто, запаслись рыбой и къ осени, не заглядывая въ русскій поселокъ, стали собираться въ тайгу.

Передъ перекочевкой елогуйскій старикъ долго бесѣдовалъ съ савоськинымъ батькой и, потолковавъ, велѣлъ собираться въ дорогу. Разобрали юрты, все имущество уложили въ лодки и бичевой на собакахъ пошли на рѣку Курейку. Здѣсь лодки подняли на кряжъ на зимовку, на-скоро поставили на всѣхъ одну юрту, а оба старика, прихвативъ Савоську, въ тотъ же день отправились въ тайгу разыскивать елогуйскихъ оленей. Оленей нашли скоро, такъ какъ пастухамъ велѣно было къ осени выходить къ Енисею. Въ первый разъ здѣсь въ тайгѣ Савоська увидѣлъ настоящее оленное хозяйство. Оленей у елогуйцевъ было около двухсотъ головъ, и все лѣто подъ надзоромъ семьи самой старшей дочери старика стадо спокойно пропаслось въ тайгѣ и все уцѣлѣло. Савоська и прежде дивился богатству окулькинаго батьки, а здѣсь, какъ увидѣлъ два десятка нартъ, нагруженныхъ всякимъ добромъ,—прямо и ротъ разинулъ: „Ну, и старикъ!..“

Забрали оленей, запрягли въ нарты и большимъ оргишемъ пошли назадъ къ лодкамъ, чтобы забрать съ собой всю орду и уходить на зимовку въ тайгу промышлять звѣря. Савоська не зналъ, какъ и на нартѣ сидѣть, не только оленями править; и смѣху же было надъ нимъ, когда онъ хареемъ [1]) вздумалъ оленями управлять: весь оргишъ съ толку

---

[1]) *Харей*—длинная палка, которою погоняютъ оленей.

сбилъ и въ концѣ концовъ, безъ харея уже, попалъ со своей нартой на привязь къ стариковской санкѣ. „Поучись прежде на нартѣ сидѣть,—смѣялся старикъ,—а потомъ ужъ и безъ привязи пустимъ“.

Зиму прожилъ Савоська еще лучше, чѣмъ лѣто. Жили не въ землянкахъ, а въ теплыхъ двурядныхъ юртахъ: олень-

Илекъ и его русскій хозяинъ въ гостяхъ у Савоськи и Окульки.

ихъ кожъ было много и ни въ теплой лопати, ни въ покрышкахъ на юрты недостатка не знали. Промыселъ звѣря былъ легкой забавой, такъ какъ теперь Савоська бралъ уже съ собой при обходѣ ловушекъ санку со всякимъ запасомъ, который ему заботливо собирала Окулька,—и, укрытый теплымъ оленьимъ мѣхомъ, даже въ самую лютую стужу и при всѣхъ неудачахъ не испытывалъ никакихъ ли-

шеній.—„Вотъ такъ жизнь!—ликовалъ Савоська,—„Да неужто такъ и всегда будетъ?“

Всегда—не-всегда, а прожилъ такъ Савоська безъ всякихъ бѣдъ и напастей всю зиму и крѣпко полюбилъ свою Окульку и ея батьку. И старикъ, и дочка много походили другъ на друга: оба умные, работящіе и правдивые; что скажутъ, такъ, значитъ, и будетъ. Лучшей жены и не найдешь!

Хороша была Окулька,—это точно; но изъ-за того, что она была хороша, вскорѣ на все ихъ мирное кочевье и обрушились всѣ напасти.

Вышло весной кочевье изъ тайги и, спустивъ лодки, отправилось на прошлогоднюю отмель. Верстахъ въ пяти за отмелью на кряжу Енисея ютился русскій поселокъ, куда обыкновенно савоськинъ батька сбывалъ свою добычу, и пышнины, и рыбы. Въ прошломъ году, поженивъ Савоську, батька раза два порывался къ русскимъ, да все елогуйцевъ стыдился: не ловко какъ-то къ русскимъ рыбу тащить, когда у самого еще запасъ не великъ, а все нужное, что ни спроси, есть и у елогуйцевъ.—Такъ и не попалъ батька съ осени къ русскимъ; а за зиму, на привольномъ житьѣ, такъ и совсѣмъ объ нихъ думать забылъ; даже про водку сталъ поминать рѣже.

Забылъ батька про русскихъ, да не забыли они про него.

Еще прошлымъ лѣтомъ разнюхали русскіе, что на Енисей съ Елогуя пришла чужая орда, богатая и съ оленями.

— Ну, и эти отъ насъ не уйдутъ!—разсуждали въ поселкѣ.—Подождемъ; съ нашими, вѣрно, вмѣстѣ придутъ!

Но и лѣто на половину прошло, а ни савоськинъ батька, ни елогуйцы еще не бывали въ русскомъ поселкѣ.

— Рыбы нѣтъ, оттого и не идутъ!—догадывались русскіе, дивясь, однако, какъ это до сихъ поръ савоськинъ

батька не прибѣгалъ къ нимъ просить водки: „Да живъ-ли ужъ старикъ?“

Осенью, когда русскіе сами заглянули на отмель, кочевье здѣсь было ужъ снято; такъ они ничего и не узнали.

— Не иначе, какъ кому другому рыбу сдаютъ!—негодовали русскіе.—Ну, погоди-жъ: приди-ка къ намъ теперь весною!..

Пришли весной остяки на отмель,—какъ узнали русскіе,—а къ нимъ не идутъ. Что за диво?! Очень ужъ не любо было русскимъ самимъ первымъ идти къ остякамъ, да ужъ больно охота пышнинкою поразжиться;—пошли. Вчетверомъ поплыли въ лодкѣ и боченокъ водки съ собой захватили. У отмели, видятъ, три оргишевыя лодки стоятъ; около нихъ, къ угору, четыре юрты поставлено: орда большая!

Приплыли русскіе, къ юртамъ пошли, боченокъ съ собою несутъ. Изъ юртъ народъ высыпалъ; ждутъ, когда къ нимъ подойдутъ, на встрѣчу не бѣгутъ, точно и не русскіе приплыли, а свой братъ остякъ. — Озлились русскіе. Видятъ, впереди толпы два старика стоятъ: одинъ—чужой, а другой—ихъ старый знакомецъ—должникъ, савоськинъ батька.

— Ты что же, такой-сякой,—гаркнулъ на него старшій русскій, — долга не несешь?! Али *кислымъ долгъ*[1]) хочешь сдѣлать?

— Зачѣмъ *кислымъ*, другъ? Здравствуй! Долгъ я помню и сейчасъ его тебѣ весь бѣлкой отдамъ: всю зиму копилъ!

— Весь отдашь? — недовѣрчиво переспросилъ русскій, косясь на справную парку старика и на зажиточный видъ всей орды.

— Вы съ кѣмъ торгуете-то теперь?

---

[1]) *Кислымъ долгомъ*—инородцы зовутъ старый долгъ, не подлежащій, по давности, уплатѣ.

— Для себя промышляемъ, не торгуемъ, другъ,—объяснилъ батька Савоськи.—Вотъ я парня своего на его дочкѣ поженилъ, — мотнулъ батька головой на елогуйскаго старика,—такъ вотъ съ нимъ теперь и кочуемъ вмѣстѣ!

— А у тебя олени, штоль, есть? — буркнулъ русскій, взглянувъ на елогуйца.

— Есть!

— И много?

— А кто ихъ знаетъ; съ насъ полно!

— Что-жъ, угощай: въ гости къ тебѣ пріѣхали! — уже ласковѣе заговорилъ русскій, усаживаясь на песокъ. — Да вотъ и угощенья съ собою прихватили, — произнесъ онъ, похлопывая рукой по принесенному боченку. — Выпьемъ, штоль?—обратился, подмигнувъ, русскій къ елогуйцу.

— Выпить можно; отчего не выпить!—степенно промолвилъ старикъ, усаживаясь около русскаго. — Окулька, — крикнулъ онъ,—стаканчики принеси, да Савоську сюда посылай: русскіе, скажи, угощаютъ!

Окулька принесла берестянный коробъ съ посудою, а за ней подошелъ и Савоська.

— Ишь ты, дѣвка-то какая важная! — ухмыльнулся русскій, протянувъ руку съ намѣреніемъ ее ущипнуть. Окулька увернулась, а савоськинъ батька вразумительно пояснилъ русскому:

— Не дѣвка, баба; моего парня баба!

— Ну, коль баба, такъ и того лучше!—подхватилъ другой русскій. — Съ бабой, значитъ, модничать нечего. Такъ штоль?! спросилъ онъ Окульку, ухвативъ ее за полу. Окулька, стиснувъ зубы, рванула полу и быстро ушла въ юрту. Старики переглянулись, а Савоська, угрюмо насупивъ брови и не поднимая на гостей глазъ, сѣлъ около своихъ стариковъ на песокъ.

— Ну, пей, старики! — протянулъ остякамъ русскій наполненные до краевъ мутной, желтоватой водкой стаканчики.—Принимай угощеніе!

Савоськинъ батька, зажмурясь, сразу опорожнилъ стаканчикъ, крякнулъ отъ наслажденія и, утеревъ губы полой, передалъ пустую посудину русскому; елогуецъ же свой стаканчикъ только пригубилъ, а затѣмъ, поморщась, почти полный возвратилъ его обратно.

— Ты чего-жъ?..—удивленно взглянулъ на него русскій, принимая стаканчикъ.

— Да водка худая: воды и дурману много... Я лучше свою принесу...

— Какъ водка худая?..— разинули ротъ отъ удивленія русскіе.

— А у тебя нешто своя водка есть?— подозрительно взглянулъ на старика старшой изъ пріѣзжихъ, держа въ рукѣ его недопитый стаканчикъ. — Ну, какъ хошь! Ты не пьешь—парень выпьетъ!—Пей!—протянулъ онъ стаканчикъ Савоськѣ.

— Не пью...—буркнулъ тотъ, не поднимая глазъ.

— Да што вы черти, ошалѣли штоль!? — заоралъ, обозлившись, русскій.—Водки не жрутъ! Ахъ ты, орда не мытая! Смѣяться чтоль надо мной вздумали... Пей,—ткнулъ онъ стаканомъ въ лицо Савоську,—коль я говорю!

— Я тебѣ выпью! — взревѣлъ, вскочивъ на ноги, тотъ, сжавъ кулаки и грудь съ грудью приблизившись къ русскому.—Я тебѣ выпью...

Сверкающій взглядъ Савоськи и его рѣшительный видъ смутили русскаго; онъ даже попятился.

— Ну, какъ хошь... Не хочешь пить, такъ я и самъ выпью!—договорилъ онъ, запрокидывая себѣ въ ротъ стаканчикъ.—Нѣтъ-ли чѣмъ закусить?..

— Есть, какъ не быть, есть...—заторопился Савоськинъ батька. — Ты, парень, брось,—шепнулъ онъ сыну.—Брось... Съ ними не связывайся... Я сейчасъ принесу! — добавилъ онъ громко.

— А я за-одно и водку достану,—промолвилъ елогуецъ, поднимаясь, и мигнувъ Савоськѣ пошелъ къ юртѣ.

— Ну, а ты парень съ нами посидишь, што-ли?—усмѣхнулся русскій, замѣтя старанія стариковъ увести Савоську.

— Что-жъ? И посижу!—вызывающе выглянулъ на гостей парень, снова опускаясь на песокъ и все больше и больше блѣднѣя при воспоминаніи о намекахъ русскихъ Окулькѣ.

— Посидишь?—И то ладно. Пей, Ванюха, закусимъ послѣ!—Хлопнулъ и Ванюха стаканчикъ, тотъ самый Ванюха, что съ Окулькой заигрывать сталъ и, облизнувъ губы, обратился къ Савоськѣ.

— Давно бабу-то свою у старика взялъ?

— Съ того лѣта!

— А калымъ великъ? Чѣмъ платилъ?

— Такъ... Отрабатываю..

— Эге! Значитъ баба-то еще и не твоя!..

— Моя баба, говорятъ тебѣ!—сверкнулъ Савоська глазами на своихъ собесѣдниковъ, пропускавшихъ уже по четвертой чаркѣ. — Моя!..

— А вотъ и закуска!—торопливо подошли старики, одинъ съ нарѣзанною рыбой на тискѣ, а другой съ боченкомъ и связкой баранковъ.

— Савоська, иди, тебя зачѣмъ-то Окулька зоветъ! — дѣловито, какъ-будто что-то очень, очень нужное, сказалъ парню батька.

— Иди, иди, парень! Карауль, смотри, свою бабу хорошенько! — криво усмѣхаясь, въ тонъ батькѣ, добавилъ и Ванюха.

Поднявшійся было при словахъ батьки Савоська сѣлъ снова.

— Ладно... Подождетъ!

— Русскіе принялись за закуску и остяцкую водку. Не жалѣли они для себя своей водки, а чужой не пожалѣли и подавно: чарка ходила между ними въ круговую, и гости остяковъ сильно хмелѣли.

— Наливай, ребята, водка не купленная!—подбадривали они другъ друга.—Орда угощаетъ!

— Играй, што-ли, пѣсню, Ванюха: веселѣй будетъ!

— Да што играть... Компанія не подходящая... Бабъ бы сюда... — пьяно ухмылялся Ванюха, — тогда и пѣсни играть можно!..

— Зови бабъ сюда, старики. Чего онѣ у васъ по юртамъ прячутся!

— Зачѣмъ бабъ; бабамъ тутъ не мѣсто!—усовѣщевалъ расходившихся гостей елогуецъ.—Бабы при своемъ дѣлѣ!

— А мы гости тебѣ, аль нѣтъ?

— Гости!

— Ну, коль гости, такъ ты и долженъ насъ ублажать. Не съѣдимъ вѣдь мы вашихъ бабъ, а такъ только пѣсни играть зовемъ, да водку пить! — подхватилъ и русскій старшой.

— Куда нашимъ бабамъ пѣсни играть,—заикнулся было елогуецъ, да сразу и смолкъ.—Тебѣ чего?--тревожно, удивленно обернулся онъ къ подошедшей Окулькѣ.

— Савоська, пойдемъ! —тронула та за плечо понуро сидѣвшаго спиной къ ней мужа.—Слышала баба изъ своей юрты пьяные голоса русскихъ; увидѣла, выглянувъ, ихъ пьяный разгулъ, и защемило сердце у бабы: не напился бы и Савоська.—Не вытерпѣла. Пошла къ нимъ и попала не во время.

— Ну, вотъ, одна баба и есть! — гаркнулъ Ванюха, охвативъ за колѣни Окульку. — И баба-то еще какая важная!

Какъ отъ лютаго звѣря рванулась изъ объятій нахала Окулька, но сидѣвшій на землѣ парень крѣпко сжималъ ея ноги:

— Не артачься, красавица; все равно не пущу!

— Ловко! Держи ее крѣпче!—гоготали русскіе.

— Пустишь!—и, сдѣлавъ страшное усиліе, Окулька ударомъ ноги въ лицо опрокинула на песокъ державшаго ее мужика, а опомнившійся Савоська рinулся всею тяжестью своего тѣла на него и, притиснувъ къ землѣ, ухватилъ нахала за горло.

Поднялась суматоха.

Русскіе повскакали съ мѣстъ и набросились на Савоську. Старики сунулись его отнимать, но тотчасъ же повалились подъ дюжими кулаками русскихъ. На шумъ драки изъ юртъ бѣжали заступиться за своихъ остальные обитатели кочевья. Пошла общая свалка.

Полузадушеннаго Ванюху удалось кое-какъ вырвать изъ рукъ озвѣрѣвшаго Савоськи. Ошеломленные дружнымъ отпоромъ остяковъ, русскіе уже не думали о поддержаніи кулаками своего достоинства и старались только какъ-нибудь пробиться къ своей лодкѣ.

— Пустите!—вырывался Савоська изъ рукъ державшихъ его земляковъ.—Пустите!.. Я покажу ему, какъ чужихъ бабъ обижать!..

— Чего еще показывать, другъ, когда и такъ у нихъ всѣ рожи въ крови!—убѣждали его, едва удерживая, остяки, грозя кулаками вслѣдъ отваливавшимъ отъ берега русскимъ.—Нынче наша взяла!.. Ишь, какъ удираютъ... Небось, и ругаться полно...

Русскіе, дѣйствительно, торопливо отъѣзжали отъ берега, совершенно не умѣя сообразить: что же такое на самомъ дѣлѣ съ ними приключилось?.. Помятые бока, расквашенные носы и синяки подъ глазами доказывали имъ очень вразумительно, что была потасовка, и что въ ней ихъ поколотили. Какъ?.. Ихъ?.. Русскихъ?.. Поколотили остяки?..— это совершенно не укладывалось въ умахъ побитыхъ. Въ ихъ представленіи остякъ былъ такое существо, которое обречено самою судьбою быть вѣчно обманутымъ, битымъ и покорнымъ, и вдругъ этотъ покорный, молчаливый рабъ поставилъ въ свое положеніе ихъ самихъ. И изъ-за чего? Изъ-за какой-то бабы!..

— Не иначе, Ванюха, какъ орда дурманомъ насъ опоила,—заговорилъ старшой,—или такъ напустила чего; потому—дѣло не суразное: поколотили!

— Съ дурману-ли, съ чего, а дома сказать придется: фонарей не спрячешь, а что къ ордѣ поѣхали,—всѣ знаютъ!

— И расторговались же мы... Ты Федька, никакъ одинъ въ барышахъ: безъ фонарей!

— Въ барышахъ? А горбъ-то, да бока у меня штоли чужіе?—Всѣмъ орда по-ровну отпустила!

— Да что же это, братцы, и на самомъ дѣлѣ? Развѣ можно такъ, не за что, людей уродовать?

— Ишь ты, проклятые, гомонъ какой подняли; сюда слыхать!—скрипнулъ зубами Ванюха, прислушиваясь къ доносившемуся по водѣ отголоску гула голосовъ въ остяцкомъ кочевьѣ.—Ладно, вспомянете еще и насъ!.. А бабу твою, Савоська, я ужъ достану!..

И точно: не разъ вспомянули остяки пріѣздъ русскихъ.

На другой день послѣ столкновенія съ русскими, когда выѣхала орда осматривать свои переметы и самоловы,—ни тѣхъ, ни другихъ не оказалось. Унесъ ихъ какой-то лихой

человѣкъ. Какой это человѣкъ, остяки и не размышляли: кому же сдѣлать такое худое дѣло, кромѣ русскаго? Вынули остяки новыя рыболовныя снасти—благо были въ запасѣ—и стали съ тѣхъ поръ караулить ихъ по ночамъ. Подплыла какъ-то къ поплавкамъ ночью отъ поселка русская лодка, да сейчасъ же и вернулась обратно: оглядѣли, должно быть, караульщиковъ.—Остяки все время были на-сторожѣ, но цѣлую недѣлю ничего подозрительнаго со стороны русскихъ не замѣчалось; ихъ даже не было ни слышно, ни видно. Только бабы сказывали, что осмотрѣли на кряжѣ слѣды подбитыхъ гвоздями сапогъ, да будто-бы запримѣтили какъ-то шмыгнувшаго за кусты Ваньку. Но мужики мало давали вѣры бабьимъ словамъ,—потому, извѣстное дѣло, бабы чего неразскажутъ,—хотя все-таки наказали имъ далеко въ тайгу не ходить и не разбредаться по-одиночкѣ:

А въ кучѣ кто вамъ что сдѣлаетъ? Такой гомонъ поднимете, что хоть кто убѣжитъ!..

Стычка съ русскими понемногу начала забываться, и обычная жизнь пошла своей чередой.

Какъ-то вечеромъ Савоська сидѣлъ у юрты, покуривалъ свою трубку и поглядывалъ на угоръ, на золотившуюся подъ лучами заходящаго солнца тайгу, поджидая Окульку. Пошла его баба вмѣстѣ съ другими бересту драть на тиски и шутила еще, что на цѣлую юрту для себя наберетъ отдѣльно: „Къ зимѣ,—говорила,—даваї батьку просить, чтобы отдѣльную юрту позволилъ поставить: у насъ, вѣдь, уже все наготовлено“.

— Вотъ ладно-то заживемъ!—думалъ Савоська.—Старикъ-то, пожалуї, и оленеї намъ отдѣлитъ,—совсѣмъ размечтался Савоська,—не съ проста же онъ все велитъ мнѣ приглядываться, какъ оленеї вести; старикъ такоїї, что попросту слова не скажетъ!..—Размечтавшіїся Савоська вдругъ

какъ-то весь испуганно замеръ и, вытянувъ шею, напряженно сталъ прислушиваться къ отголоскамъ тайги: послышался ему гдѣ-то вдали полузаглушенный женскій крикъ.

Савоська чутко прислушивался, но крикъ не повторялся.

— Ужъ не приключилось-ли чего съ бабами? Не русскихъ-ли встрѣтили?—озабоченно, забывъ про мечты, думалъ онъ.—Чего это онѣ такъ долго домой не идутъ?..

Тайга.

Нѣтъ, вѣрно послышалось... Коли бы что приключилось, бабы молчать не станутъ...

Успокаивалъ себя Савоська, а самъ все прислушивался, не сводя глазъ съ тайги, въ полу-верстѣ отъ него раскинувшейся по высокому кряжу,—вдругъ Савоська весь рванулся впередъ... До его ушей донесся изъ тайги отчаянный призывный крикъ.—Съ Окулькой бѣда!—молніей мелькнуло въ умѣ у Савоськи, и не успѣла еще эта мысль охва-

тить его, какъ уже онъ, не разбирая пути, помчался къ тайгѣ, туда, куда призывалъ его голосъ. Сердце Савоськи перестало биться, ноги сами собой несли его по песку.—Русскіе... русскіе... русскіе...—стучало у него въ мозгу,—скорѣй туда... къ Окулькѣ!..

Не добѣжалъ Савоська десятка шаговъ до кряжа, какъ на обрывѣ его появилась Окулька и, увидѣвъ мужа, ринулась, протянувъ руки, на встрѣчу къ нему внизъ по обрыву.

— Жива! Жива!—забилось, ожило сердце въ груди у Савоськи, и не видя, не слыша ничего, ни о чемъ не думая, Савоська съ радостнымъ крикомъ прорывается чрезъ кусты къ тому мѣсту, гдѣ упала Окулька.

— Обмерла съ испугу!—припадаетъ онъ на колѣни около лежащей на землѣ жены.—Ишь ты, какъ побѣлѣла!.. И глаза закрыты... Весь лобъ ободрала... Кровь!..—Окулька пріоткрываетъ глаза, блаженно улыбается, узнавъ склонившагося надъ ней мужа, и снова опускаетъ вѣки, слабо, съ трудомъ произнеся: „рус...скій“!

— Баба, дура баба!—радостно хохочетъ Савоська, гладя рукой по волосамъ и лицу жену.—Чего пугалась... Чего съ карги [1]) безъ ума валилась?.. Савоська тутъ... Не дастъ тебя въ обиду...—какъ ребенка, успокаиваетъ онъ жену, положивъ голову ея себѣ на колѣни и пучкомъ травы смахивая капельки крови на оцарапанномъ лбу.—Ишь ты, какъ лобъ разсадила!..

Забылъ про все другое и думать Савоська.—Не видитъ ничего, кромѣ своей Окульки. Не видитъ, что на то же мѣсто кряжа, откуда ринулась внизъ Окулька,—вслѣдъ за нею выбѣжалъ русскій; не слышитъ, какъ онъ, завидя Окульку около мужа, разразился самою непристойною

[1]) *Карга*—кряжъ.

бранью и въ слѣпомъ бѣшенствѣ сорвалъ съ плеча ружье: — „Эй, берегись Савоська, русскій въ тебя мѣтитъ!“ — Но Савоськѣ не до русскаго... Только, когда грохнулъ и гулко прокатился раскатъ выстрѣла, да пуля сорвала вѣтку съ куста около самой головы Савоськи и черкнула сзади него по песку, — остякъ поднялъ глаза отъ лица жены къ своему недругу и узналъ въ немъ Ваньку. Стиснулъ зубы Савоська, погрозилъ русскому кулакомъ и сейчасъ же опять наклонился къ женѣ, точно не по нему и стрѣляли: „некогда, теперь не до тебя; потомъ разсчитаюсь!..“

Взбуторажилъ грохотъ выстрѣла все кочевье, взбуторажилъ онъ отставшихъ въ лѣсу отъ Окульки бабъ и отрезвилъ самого Ванюху. Какъ заяцъ, шмыгнулъ послѣ выстрѣла Ванька въ кусты, завидя бѣжавшихъ отъ юртъ остяковъ и заслыша позади себя тревожные возгласы: „Окулька!.. Окулька!..“

— Ну, теперь надо ноги поскорѣй уносить, а то орда спуску не дастъ: чего добраго, и искалѣчатъ!.. — трусливо думалъ русскій, скользя по кустамъ и боязливо оглядываясь назадъ, въ ожиданіи погони.

Но остяки и не подумали за нимъ гнаться.

— Бабу убилъ?!. — тревожно спрашивали остяки, подбѣжавъ къ Савоськѣ. — Откуда стрѣляли?!.

— Нѣтъ... Жива баба!.. По мнѣ стрѣлялъ... Ванька...— говорилъ Савоська, съ трудомъ разжимая руки охватившей его за шею Окульки. — Ну, чего ревешь!.. Убегъ!

— Убьетъ... Убьетъ онъ тебя!..— рыдала Окулька. — Съ другими придетъ и убьетъ... Все время, какъ гнался за мной, кричалъ, что тебѣ живому не быть... Уходить намъ скорѣй надо отселѣ!..

— Дѣло говоришь, баба! — поддержалъ дочку и старикъ елогуецъ. — Русскій, — что волкъ: коли волкъ себѣ

оленя въ стадѣ намѣтилъ, такъ не отстанетъ, пока или самого его не убьютъ, или онъ оленя этого не промыслитъ. — Уходить тебѣ надо, Савоська, съ Окулькой подальше. Ступай въ тайгу къ стаду: вотъ и юрту себѣ тамъ свою поставите. Уходи теперь же, а то къ утру, пожалуй, и впрямь русскіе слѣдить начнутъ. Забирайте съ собой только чего поѣсть, а все остальное я самъ потомъ привезу, какъ на другой песокъ соргишимъ: здѣсь и намъ тоже теперь не слѣдъ оставаться. Пойдемъ, штоль, къ юртамъ; сбирайся, да и въ путь!

— Да что русскіе сдѣлаютъ мнѣ... — заикнулся было Савоська.

— Не говори зря! — перебилъ его строго старикъ, а Окулька, снова вцѣпившись въ него и все еще нервно всхлипывая, торопливо заговорила:

— Пойдемъ, Савоська... Пойдемъ... Чего лучше... Своя юрта будетъ... Олени будутъ... Далеко-далеко въ тайгу уйдемъ, русскимъ туда и не дойти... Пойдемъ... — а сама въ глаза ему заглядываетъ, къ юртамъ тащитъ.

— Пойдемъ!.. — махнулъ рукой Савоська. — Чтобы русскихъ мнѣ и вѣкъ не видать!..

— Чего лучше въ тайгѣ! При стадѣ кто жить не захочетъ!.. — не то сочувственно, не то съ завистью ободряли Савоську остальные сородичи елогуйскаго старика, нѣсколько обезкураженные выпавшимъ на долю мужа Окульки преимуществомъ и въ то же время сознавая въ душѣ, что иначе распорядиться старику и нельзя было.

Сборы были не долги, и не погасъ еще вечерній отблескъ зари, когда внизъ по Енисею скользнула лодка, увозя Савоську съ женою. Повезъ ихъ самъ старикъ-елогуецъ, да прихватилъ съ собой за гребца еще младшаго сына.

Всю дорогу училъ старикъ Савоську, какъ жить въ тайгѣ и вести оленей.

— Рано бы тебѣ еще, — говорилъ онъ, — да ужъ случай такой тебѣ вышелъ. Все равно, при стадѣ я думалъ тебя потомъ поставить; другіе мужики у меня народъ не надежный: пьютъ. Только при мнѣ и держатся — боятся — а умри я — всѣ сами къ русскимъ пойдутъ въ кабалу. Они думаютъ, я ничего не вижу! Нѣтъ: все вижу и все знаю и давно уже рѣшилъ стадо Окулькѣ отдать, только до поры до времени имъ еще не скажу: можетъ, изъ кого и изъ нихъ еще толкъ выйдетъ. Да только на то не похоже! Ты парень ладный, съ Окулькой живешь хорошо, ну и оставайся послѣ меня старшимъ, а пока я живъ, приглядывайся, какъ орду вести. Больно ужъ всѣ мы народъ то простоій, трудно намъ съ русскими жить, а уйти отъ нихъ некуда: всюду ихъ понабралось! Вотъ ты и гляди, какъ съ ними жить, чтобы орду уберечь... Переводятся остяки!..

Много еще говорилъ старикъ и все такое хорошее, умное. Еще больше полюбился онъ Савоськѣ: все бы слушалъ его... А слушать то уже и времени нѣтъ, — свѣтать стало. — Привалила лодка къ берегу, въ послѣдній разъ простился старикъ съ дочкою и ея мужемъ, еще разъ пообѣщалъ вскорѣ самъ навѣдаться къ нимъ, — и при разсвѣтѣ наступавшаго дня Савоська съ Окулькой углубились въ тайгу, а старикъ съ сыномъ поплыли обратно въ кочевье.

Свѣтло и радостно было на душѣ у мужа съ женой. Всѣ бѣды, всѣ напасти послѣднихъ дней и, наконецъ, страшная тревога минувшаго вечера — въ концѣ концовъ — привели только къ ихъ благополучію. Савоська чувствовалъ, что рѣшеніе старика ставило его въ самостоятельное, независимое положеніе; Окулька ликовала, что Савоська ея

теперь все время будетъ далеко отъ русскихъ, будетъ съ ней неразлученъ и ужъ, конечно, останется такимъ же хорошимъ, какъ прежде, если только не станетъ еще лучше. Сама природа, казалось имъ, радовалась вмѣстѣ съ ними: и лучи восходящаго солнца золотили сегодня ярче вершины кедровъ и лиственницъ, и птицы-то щебетали громче, и дышалось въ тайгѣ вольнѣе, и мало ли что кажется человѣку, когда весело у него на душѣ.

Окулька и Савоська были счастливы...

Дней десять пробродили путники по лѣсной глуши, прежде чѣмъ добрались до стада. Только постоянная жизнь въ тайгѣ и помогла Савоськѣ прослѣдить отъ весенняго кочевья — куда прежде всего онъ направилъ свой путь — чуть замѣтные признаки послѣдующихъ перекочевокъ. Гдѣ случайный глубокій слѣдъ полоза нарты на мху, гдѣ остатки кочевья, а гдѣ и просто обломанныя вѣтки — для привычныхъ таежниковъ являлись вѣрною путеводною тропою, по которой они, смѣло шли вслѣдъ за уходившимъ въ глубь тайги стадомъ. Захваченные Окулькой въ дорогу запасы уже совершенно подходили къ концу, когда добрались они, наконецъ, до юрты, раскинутой среди таежной полянки.

Вечерѣло. Изъ юрты вился синеватый дымокъ. Нагруженныя и увязанныя нарты широкимъ полукругомъ были разставлены на полянѣ, а среди нихъ толпилось большое стадо оленей, тѣснясь къ дымокуру, нѣсколько защищавшему ихъ отъ миріадъ комаровъ и мошекъ. Самый костеръ былъ огороженъ надежною изгородью, чтобы олени, спасаясь въ дыму отъ „гнуса“ [1]), не затолкали бы другъ друга въ въ огонь. Хотя путники подходили съ подвѣтренной сто-

[1]) „*Гнусъ*“—такъ зовутъ въ Сибири комаровъ, мошекъ, слѣпней и, вообще, всѣхъ жужжащихъ паразитовъ—насѣкомыхъ.

роны, но собаки въ кочевьѣ давно уже ихъ прочуяли и, еще не выходя на поляну, Савоська и Окулька услышали вдалекѣ звонкое тявканье.

— Наши, должно-быть: собаки голосъ подавать зачали, — радостно промолвила утомленная Окулька, прибавляя шагу.— Теперь отдохнемъ, Савоська: — добрались!

Перекличка собакъ становилась все громче и громче, и когда путники вышли на поляну, штукъ пять маленькихъ бѣлыхъ лохматыхъ собакъ, заливаясь лаемъ, понеслись къ нимъ навстрѣчу.

— Ишь ты, оленя сколько! — промолвилъ Савоська, оглядывая стадо.

— Все наше!..— толкнула его подъ бокъ, лукаво заглядывая въ глаза, Окулька.

— Молчи; не болтай; старикъ не велѣлъ! — строго шепнулъ ей Савоська, показывая глазами на шедшаго къ нимъ навсрѣчу отъ юртъ остяка.

И случайный гость въ тайгѣ въ лѣтнее время — явленіе вообще не заурядное, — а тѣмъ болѣе гость, пришедшій нарокомъ, потому и не удивительно, что, признавъ въ пришельцахъ своихъ родственниковъ, находившійся при стадѣ мужъ старшей сестры Окульки торопливо зашагалъ къ нимъ и, прежде чѣмъ поздороваться, еще не доходя до нихъ, задалъ тревожный вопросъ:

— Что, старикъ померъ штоль?..

— Нѣтъ, зачѣмъ помирать, — живъ! Здравствуй! — отвѣтилъ степенно Савоська, обнимаясь съ пастухомъ. — Къ тебѣ жить пришли; старикъ послалъ!

— Жить пришли?!.. Да живъ-ли старикъ-то?..— недовѣрчиво переспросилъ остякъ, довольно холодно принимая привѣтствіе Савоськи и подозрительно оглядывая своихъ гостей. — Такъ безъ всего и пришли?..

— Дѣло такое вышло, что и пришлось безъ всего уходить, — пояснила Окулька, направляясь вмѣстѣ съ мужемъ вслѣдъ за пастухомъ къ его юртѣ, — русскіе чуть Савоську не застрѣлили, ну батька и велѣлъ намъ поскорѣе сюда уходить, къ стаду... Вотъ юрту себѣ поставимъ, да тебѣ помогать будемъ!

— Чего „помогать“, я и самъ справлюсь: не первое, поди, лѣто съ оленями-то вожусь!

— Старикъ такъ сказалъ; самъ скоро будетъ! — пояснилъ слова Окульки Савоська.

— Сюда будетъ?.. Что лѣтомъ ему здѣсь дѣлать? — еще недовѣрчивѣе взглянулъ на гостей пастухъ. — Ужъ не васъ ли при стадѣ оставить хочетъ?.. Совсѣмъ глупый къ старости сталъ... Ну, пусть меня тогда выдѣляетъ; я не боюсь; у меня уже и теперь свое стадо есть! — совсѣмъ уже сердито говорилъ пастухъ, влѣзая въ юрту. — Баба, новые пастухи пришли! — мотнулъ онъ головой женѣ на гостей.

— Окулька!.. Савоська!.. Зачѣмъ пришли?!. — затараторила баба. — Да ты и харея-то въ рукахъ держать не умѣешь, а туда-жъ, „пастухъ, „пастухъ!..“ Ужъ я всегда говорила, что батька твой шаманъ, вотъ и вышло по моему: обошли нашего старика!

— Да мы... — заикнулись было гости.

— Ужъ ты погоди, погоди, — не дала договорить имъ баба, — хоть ты мнѣ сестра, а ужъ такой, какъ ты, бабы хитрущей я и не видѣла. Старикъ еще поплачетъ не разъ отъ тебя, да отъ дурака ничаго, твоего мужа... Пастухи новые!.. Тьфу!.. Да мы нешто худо стадо вели... А что отъ нашей пары больше приплоду шло, чѣмъ отъ всѣхъ вашихъ, такъ это все ужъ не отъ насъ: такъ, значитъ, надо!.. Наши олени всѣ мѣченые... Я уже давно говорю своему мужику, что надо свое стадо отдѣльно вести, что

старикъ, молъ оленей Окулькѣ норовитъ передать; вотъ по моему и вышло!..

— Да старикъ насъ еще только присматриваться сюда послалъ...— проболтнулась Окулька.

— Еще бы мы такъ вамъ вотъ стадо сразу и передали,— совсѣмъ озлившись, завизжала жена пастуха, подбѣгая къ

Паренёкъ.

самой Окулькѣ и размахивая руками,— можетъ, старикъ вамъ совсѣмъ не то и сказалъ... Можетъ, старикъ и померши давно. Ишь вѣдь вы въ пастухи голышами пришли... Кто знаетъ, что у васъ тамъ такое...

— Молчи, баба!—прикрикнулъ хозяинъ.—Старикъ, они говорятъ, самъ скоро къ стаду придетъ, ну, тогда все и узнаемъ, пока пусть ставятъ юртъ, да живутъ: у насъ корму хватитъ!..

Не такого пріема ждали гости; ну, и на томъ спасибо, что хоть накормили, да не выгнали...

— Вотъ старикъ придетъ, — все уладитъ! — разсуждали путники, укладываясь спать въ отдѣльной наскоро поставленной юртѣ. — Не вѣрятъ они намъ, думаютъ, что отъ себя говоримъ. Придется, пожалуй, много потерпѣть, пока старикъ придетъ... Ну, да какъ-нибудь стерпимъ!

И терпѣли; много терпѣли: изъ юрты выходили и то съ оглядкою, а чуть къ оленямъ подойдутъ, — такъ брань на весь день. Ѣду имъ, что собакамъ, бросали: всѣ запасы у пастуха, своихъ нѣтъ; ну — и терпи! Хорошо, что еще Савоська свою санку съ добромъ отобралъ отъ пастуха и оттуда свое ружье со снарядомъ досталъ, такъ что послѣднее время, хоть охотой кормились, а то просто — съ голоду дохни!

Третья недѣля пошла, какъ Савоська съ Окулькой къ стаду пришли, а старика все нѣтъ-какъ-нѣтъ. Только слышатъ они какъ-то изъ своей юрты, что собаки голосъ подавать зачали: — ну, — думаютъ — старикъ идетъ. — Встрѣчать вышли. Изъ тайги, точно, къ нимъ гости идутъ, только не старикъ, а чуть ли не вся ихъ орда валитъ; да еще и съ русскими. Старика не видно. У Савоськи и сердце замерло, чуетъ бѣду, а Окулька, какъ оглядѣла, что старика не видно,—прямо къ гостямъ бѣжитъ; спотыкается, а бѣжитъ; себя не помнитъ.

— Гдѣ батька?..

— Умеръ батька...

Такъ и грохнулась о земь баба и слова больше не сказала. Савоська, хоть и самъ не свой, подбѣжалъ къ ней, подымаетъ ее, руки ей третъ... А она, какъ и не живая...— Никто на нихъ и вниманія не обращаетъ: съ пастухомъ и его семьей здороваются, про стадо спрашиваютъ... около

Савоськи только меньшой братъ Окульки вертится, ему помогаетъ.

Кое-какъ они вдвоемъ перетащили Окульку въ юрту, водой голову и грудь ей помочили. Отошла баба: дышать стала и глаза открыла; да вдругъ какъ зареветъ, заголоситъ, а потомъ смѣяться даваї̈... Савоську съ паренькомъ даже робость взяла: у остяковъ, коли съ кѣмъ такъ случится, — не хорошо; злой духъ, Кысэ, значитъ забрался въ того человѣка, и отъ него уходить надо. — Но Савоська уходить и не подумалъ; слезы у самаго съ глазъ такъ и бѣгутъ, а Окульку утѣшаетъ, по головѣ гладитъ. Глядя на него и паренекъ пріободрился, тоже къ сестрѣ подсѣлъ, руку ее взялъ, воду подаетъ, чтобы голову ей еще помочить... Долго они провозились съ Окулькой, пока та не заснула.

А въ сосѣднемъ чумѣ у пастуха въ это время шелъ шумный веселый пиръ, и гомонъ пирующихъ всю ночь будилъ таежное эхо: поминки, должно-быть, по старикѣ справляла его родня!..

Пока Окулька спала, паренекъ потихоньку пересказалъ Савоськѣ все, что безъ нихъ приключилось.

На другой же день, какъ Савоська и Окулька ушли, въ кочевье нагрянули русскіе. Пришли будто бы, торговать, а на самомъ дѣлѣ поразузнать, не пойдутъ ли остяки въ Туруханскъ жаловаться на Ваньку. Сначала все было по хорошему, а потомъ какъ подпили, и пошло!.. Стали у старика добиваться, куда онъ Савоську и Окульку дѣлъ, стали прошлую обиду вспоминать, пошли по юртамъ шарить, всѣхъ оттуда бабъ повытаскали, мужики вздумали за нихъ заступиться, ну—и пошла драка!.. Всѣхъ нашихъ побили,— разсказывалъ паренекъ, — а батьку больше всѣхъ: все ногами его били, пока онъ и кричать пересталъ!—всѣхъ по-

били, кто только въ тайгу не убегъ; а потомъ, какъ увидѣли, что батька ужъ глаза закатываетъ,—ушли... Батька только до утра дожилъ, померъ... Тебѣ велѣлъ старшимъ быть, а себя велѣлъ похоронить по остяцки, мы его такъ, какъ онъ сказалъ, въ дуплѣ и схоронили... Только тебѣ, Савоська—закончилъ паренекъ,—старшимъ не быть: какъ батька умеръ, у насъ все худо пошло!..

Савоська угрюмо подбросилъ дровъ въ догоравшій костеръ и тихонько, чтобы не разбудить Окульки, пошелъ въ уголъ юрты и сталъ что-то рыться тамъ въ темнотѣ.

— Савоська, ты что?..—спросилъ его паренекъ.

— А вотъ для русскихъ гостинецъ готовлю!—отвѣтилъ возвращаясь Савоська, кладя на колѣни къ себѣ ружье, а около на землю—отточенный топоръ, съ которымъ онъ ходилъ на медвѣдей.

— Да это вовсе не тѣ русскіе съ нами пришли!—успокоительно заговорилъ паренекъ. — Это другіе! — Эти намъ помогать обѣщались; говорятъ, что тотъ поселокъ, откуда Ванька,—самый худой, а они изъ другого. Обѣщали нашимъ помочь жаловаться начальнику въ Туруханскъ на тѣхъ русскихъ, что батьку убили. Намъ всего въ долгъ, чего только нужно, надавали!.. Только, знаешь, Савоська, — еще тише заговорилъ паренекъ, подвигаясь поближе къ своему собесѣднику — и эти должно-быть, не лучше тѣхъ: все время водку пьютъ и всѣхъ нашихъ поятъ... А теперь пришли сюда оленей дѣлить: безъ нихъ, говорятъ, наши оленеи подѣлить не сумѣютъ; а зачѣмъ ихъ дѣлить, коли батька велѣлъ, чтобы все было по прежнему...

— Нѣтъ батьки... и ничего и по прежнему не будетъ...— задумчиво проговорилъ Савоська. — Пусть берутъ все себѣ... Проживу!.. Только пусть Окульки не трогаютъ: пока живъ—не отдамъ!..

— Что ты, Савоська!.. Они Окульку и не тронутъ, они про тебя знаютъ: боятся! Какъ сюда мы шли, все про то и говорили, что съ тобой надо какъ-нибудь поладить, а то—говорятъ—съ тобой бѣда!..

— Пусть Окульки не трогаютъ, и бѣды не будетъ: и спорить не буду; что дадутъ мнѣ, то и ладно. Теперь—все равно—какъ жилъ, жить уже не придется...

— А меня Савоська возьмешь къ себѣ?..—сквозь сонъ шепталъ паренекъ, прижимаясь къ Савоськѣ.—Я къ нашимъ не хочу... У насъ теперь худо.

— Возьму... Возьму... Окулькѣ помогать будешь. По старому заживемъ втроемъ, какъ старикъ велѣлъ... А теперь спи...—гладилъ Савоська рукой уснувшаго мальчика. Успокаивалъ Савоська паренька, а самъ чутко косился въ сторону юрты пастуха, не выпуская ружья изъ рукъ и половчѣе пододвигая къ себѣ топорище.

Братъ и сестра мирно спали. Савоська—бодрствовалъ.

Къ разсвѣту гомонъ и крики изъ юрты пастуха перенеслись на поляну; стало раздаваться шмыганье ногъ по росистой травѣ, топотъ оленей; за стѣнкой чума, внѣ всякаго сомнѣнія, шли сборы къ перекочевкѣ. — Савоська сидѣлъ и слушалъ, ни однимъ движеніемъ не выдавая волновавшихъ его чувствъ, только рука его еще крѣпче сжала холодный ружейный стволъ и такъ и замерла на куркѣ. — За стѣнкою чума раздался приближающійся шорохъ нѣсколькихъ паръ ногъ и стихъ у самаго входа. Слышно было, какъ кучка людей въ двухъ шагахъ отъ Савоськи оживленно совѣщалась о чемъ-то сдержаннымъ шопотомъ.

— Савоська, спишь, штоль?! — раздался громкій окрикъ пастуха за стѣнкою юрты.

Молчаніе.

— Выходи, парень; обирай оленей своихъ; мы уходимъ,— снова заговорилъ пастухъ, откидывая полу савоськиной юрты и, наклонившись, заглядывая туда. — Твои олени у нарты привяз... — началъ было онъ да сразу же и примолкъ, отскочивъ въ сторону: оглядѣлъ Савоську. Изъ юрты въ упоръ на пастуха смотрѣла пара воспаленныхъ глазъ, а проникшая чрезъ откинутую закрышку входа слабая полоса свѣта отразилась синеватымъ отблескомъ на ружейномъ стволѣ и лезвіѣ топора.—Вслѣдъ за пастухомъ шарахнулись отъ юрты и остальные. „Что?.. Что?..“—послышались сдержанные вопросы.

— Не спитъ... Караулитъ!.. — шопотомъ пояснилъ пастухъ. — Глядитъ, что волкъ, а ружье и топоръ на готовѣ... Уходить надо!..

— Конечно!.. Чего ждать! — говорили, храбрясь, кругомъ. — Нарты запряжены, и уходить время... Пусть только парня Савоська отпуститъ!..

— Савоська, слышь, парня высылай!—громко крикнулъ одинъ изъ русскихъ, все-таки, предусмотрительно, нѣсколько отходя отъ юрты и становясь позади остяковъ.—Парень съ нами пойдетъ!

— Савоська, Савоська, — раздался сдержанный умоляющій шопотъ въ юртѣ, — не отдавай меня... Я у тебя останусь... Пусть уходятъ!.. Безъ нихъ лучше будетъ!..

— Парень здѣсь останется... — донесся изъ юрты хриплый голосъ Савоськи, — а вы уходите!..

Остяки и русскіе снова начали оживленно переговариваться.

— Ладно, пусть остается парень у тебя! — опять заговорилъ прежній русскій, обращаясь къ савоськиной юртѣ. — Только оленей его мы тебѣ не оставимъ; пусть до времени у пастуха остаются: онъ ихъ лучше убережетъ! — Айда,

штоль, ребята! — закончилъ онъ, направляясь къ запряженнымъ нартамъ. — Идти, такъ идти, а здѣсь валандаться нечего!

— Ладно... Пойдемъ!.. И то, эво, сколько провозились!— заговорили въ толпѣ, и среди криковъ, перебранки и понуканій нагруженныя нарты, одна за другой, стали съѣзжать съ поляны и, свернувъ на тропинку, исчезали въ тайгѣ за пеленой утренняго тумана.

Поляна опустѣла, и только вдали раздавались еще отголоски уходившаго оргиша.

Паренекъ выглянулъ изъ юрты.

— Ушли, Савоська!.. Никого нѣтъ! Выходи!—крикнулъ онъ, весело выбѣгая на поляну.

Вслѣдъ за паренькомъ выбрались изъ юрты и Савоська съ Окулькой. Солнце всходило. У опушки лѣса еще сумрачно колыхалась дымка тумана, но вершины деревъ уже рдѣлись багрянымъ отблескомъ и тихо покачивались подъ утреннимъ вѣткомъ. Побѣлѣвшая отъ мелкихъ капель росы трава была вся исчерчена темными полосами, проложенными полозьями нартъ, примявшими ее и стряхнувшими росинки. Среди поляны стояла нагруженная Савоськина санка, а около нея была привязана четверка оленей.

— Вотъ и все наше стадо, — тихо шепнула мужу Окулька, роняя слезы. — Батьку жалко... Не такъ бы онъ насъ наградилъ...

— Не плачь, Окулька! — тормошилъ ее за руку братишка. — Большой выросту, своихъ оленей возьму отъ пастуха и тебѣ отдамъ... А теперь хорошо жить будемъ... Никто ужъ намъ не помѣшаетъ!

— Вѣрно, парень! — хлопнулъ рукой по плечу мальчугана повеселѣвшій Савоська. — Никто намъ не помѣшаетъ, а это цѣлаго стада оленей стоитъ! Такъ, Окулька? Давай

хозяйство по своему затѣвать. Разводи, баба, костеръ, а я стадо пойду, обойду, — смѣялся ужъ онъ, — все-ли цѣло?

Улыбнулась сквозь слезы на слова мужа и Окулька, а паренекъ же, видя ихъ ожившія лица, прямо запрыгалъ отъ удовольствія и захлопалъ въ ладоши.

— А я тебѣ, Окулька, дровъ принесу!..

Перевязалъ поудобнѣе Савоська своихъ оленей: — отпустить такъ теперь нельзя: за стадомъ еще уйдутъ! — Покачалъ головою на стараго быка, да на хромую важенку (олеицу), которыми наградили его тароватые родственники, и пошелъ къ своей юртѣ, изъ которой уже вился привѣтливо синеватый дымокъ, и доносилась оживленная болтовня мальчика. — Да и впрямь, кажется, проживемъ! — размышлялъ Савоська, поддаваясь радостному настроенію яснаго утра, разогнавшаго и ночныя тѣни, и темныя думы въ душѣ остяка.

— Какъ ни какъ, а четверка оленей — наша! — подмигнулъ онъ женѣ, присаживаясь къ костерку въ юртѣ. — Да и лопать у насъ кое-какая припасена... Поживемъ — еще напромыслимъ!

— Не пожилъ батька... Не успѣлъ насъ устроить! — вздохнула Окулька. — Не такое бы хозяйство было у насъ!

— Молчи, баба! — нахмурясь, сказалъ Савоська. — Отъ русскихъ насъ батька твой спасъ и за насъ же и самъ смерть принялъ... Мало тебѣ?.. Не объ оленяхъ и барахлѣ жалѣть надо, а о немъ... Такой человѣкъ былъ!..

Примолкли въ юртѣ. У всѣхъ троихъ невольно воскресъ въ памяти незатѣйливый образъ старика-елогуйца; даже веселая рожица паренька стала сразу печально-серьезной: — Нѣтъ батьки, — пожалуй, впервые осмысленно сознадъ онъ, — нѣтъ и не будетъ! — Всѣ молчали, сосредоточенно глядя на огонь и не замѣчая, что давно уже пора снимать съ костра

котелокъ съ чаемъ, усиленно брызгавшій кипящей водою. Вдругъ всѣ трое сразу вздрогнули и испуганно-удивленно переглянулись: изъ дали, съ той стороны, куда ушелъ оргишъ, отчетливо донесся собачій лай.

— Назадъ идутъ! — сорвалось съ языка одновременно у всѣхъ. Паренекъ испуганно прижался къ сестрѣ, а Савоська быстро шагнулъ въ уголъ юрты къ своему топору и ружью.

Лай приближался.

— Не всѣ идутъ... Одна нарта идетъ! — облегченно вздохнулъ Савоська, напряженно прислушиваясь къ шороху въ тайгѣ и заключая по одиночному лаю собаки и отсутствію человѣческихъ голосовъ, что незванные гости немногочисленны. Не выпуская изъ рукъ ружья, онъ прильнулъ глазомъ къ щели въ стѣнкѣ, вглядываясь въ ту сторону, откуда приближался лай. Окулька и паренекъ послѣдовали его примѣру. Лай раздавался уже почти у опушки и сопровождался постепенно усиливавшимся шорохомъ побѣжки оленей.

— Зачѣмъ назадъ идутъ? — молчаливый, болѣзненно-мучительный вопросъ сверлилъ мозгъ каждаго изъ трехъ притаившихся обитателей юрты... — Ахъ! — пронесся по юртѣ недоумѣвающе-радостный одновременный возгласъ трехъ голосовъ и сразу же оборвался: изъ лѣсу плавной размашистой рысью къ Савоськиной санкѣ неслись пять рослыхъ оленей и, приблизясь, остановились, какъ вкопанные, обернувъ головы къ лѣсу, а вслѣдъ за ними снѣжнымъ клубышкомъ на зеленѣющую поляну выкатился маленькій, бѣленькій песикъ... Бросала этому песику пастуха Окулька послѣдніе дни кое-какую подачку, ну, онъ ей и отплатилъ не по разуму: отбились въ пути отъ ушедшаго оргиша олени, а молодой песикъ, какъ большой, ихъ и погналъ, но

погналъ не къ оргишу, а на болѣе привычную ему по вкуснымъ воспоминаніямъ полянку.

Какъ шальная, рванулась Окулька впередъ. Затрещала— не выдержала берестяная стѣнка — разорвалась, зашаталась и рухнула юрта, а баба съ воплемъ: „Батька... Батька послалъ!“ — ринулась на поляну и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, распростерлась земнымъ поклономъ предъ даромъ батьки, оленями. — Песикъ, дѣловито тявкнувъ еще разъ-другой въ сторону санки: „я, молъ, свое дѣло кончилъ!“ мчался уже во всю прыть къ выбиравшимся изъ-подъ сваленной юрты Савоськѣ и пареньку и послѣднимъ прыжкомъ прямо попалъ въ распростертыя объятія мальчугана.

— Полно, Окулька! — наклонился Савоська къ рыдавшей женѣ. — Наши теперь олени!.. Назадъ не уйдутъ, коли песъ ихъ сюда смогъ пригнать!..

— Батька... Батька послалъ! — рыдала Окулька, уткнувшись въ землю лицомъ.

Приподнялся Савоська... Оглянулся... Солнце заливало своими лучами поляну, вѣтерокъ волнами несъ въ лицо остяку смолистый ароматъ тайги, звонкіе голоса птицъ радостно-ликующе разносились по воздуху, а среди поляны, около его невзрачной четверки, стояло пять новыхъ, рослыхъ, какъ на подборъ, оленей... Не выдержалъ и Савоська. Всѣ муки, всѣ тревоги послѣднихъ недѣль, все страшное нервное напряженіе минувшей ночи — взяли-таки свое: задергались, задрожали вдругъ губы у остяка, на глаза набѣжала какая-то влажная пелена, и, отдаваясь весь нежданному могучему порыву, повалился земнымъ поклономъ передъ оленями и мужикъ, рыдая, обливаясь слезами и искренне, отъ всей души, произнося среди всхлипыванья: „Твоя воля... батька!.. Большой... ты былъ человѣкъ!..“

Хорошія это были слезы. Примирили онѣ Савоську со

всѣмъ: примирили его съ сородичами, ушедшими къ русскимъ, съ Окулькиной семьей, обдѣлившей и обидѣвшей его и, наконецъ,—даже съ самимъ собою. Плакалъ Савоська и чувствовалъ, какъ все легче и легче становится у него на душѣ, какъ свѣтло и радостно раскрывается передъ нимъ будущее, какъ дымка тумана застилаетъ все худое, минувшее...

А тайга ликовала... А олени удивленно смотрѣли на распростертыхъ передъ ними мужа съ женою... Савоська и Окулька смыли слезами свое горе... Въ недалекомъ будущемъ имъ уже грезилось счастье.

— Кутька! Кутька!—катались по травѣ въ самой беззавѣтной вознѣ паренекъ съ песикомъ,—Кутька!—Да какой ты хорошій!.. Ай!.. Не кусайся!.. Звѣрь!.. Вотъ тебѣ!... Вотъ тебѣ!—Ага?—Вотъ теперь и ты: „ай?“ а мнѣ развѣ отъ твоихъ зубовъ не больно?.. Я тебя, Кутька, коли ты кусаться не будешь, съ собой спать возьму...

И Кутька съ паренькомъ тоже были счастливы.

Такой ужъ вѣрно счастливый денекъ выдался на таежной полянкѣ

. . . . . .

Дружная, тихая жизнь потекла въ одинокой Савоськиной юртѣ послѣ ухода орды. Окулька съ братомъ управлялась по хозяйству, а Савоська, забравъ ружье и силки, цѣлые дни пропадалъ въ тайгѣ, промышляя на прокормъ всякаго звѣря и птицу. Не обычный это промыселъ для остяка,—да что подѣлаешь: коли запасеннаго корма нѣтъ—добывать надо!—Ну и добывали.—Коренья, грибы, ягоды, разная мелкая птица, звѣрьки—все перебывало въ котелкѣ у Савоськи, и вечеромъ, подъ веселыя шутки и смѣхъ, скудная трапеза обильно вспрыскивалась чаемъ;—благо цѣлыхъ четыре кирпича его было запасено у Окульки еще съ весны въ санкѣ.

Больше всего смѣху было съ Кутькой.

Привыкъ песикъ къ вяленой рыбѣ, выросъ на ней, а грибовъ и ягодъ — вѣкъ не пробовалъ. Сидятъ наши таежники вечеркомъ въ юртѣ, ѣдятъ вареные грибы, да похваливаютъ, а Кутька, какъ членъ и, можно сказать, — благодѣтель семьи, конечно, тутъ же присутствуетъ, глазами у хозяевъ каждый кусокъ въ ротъ провожаетъ, хвостомъ повиливаетъ: „А мнѣ что же?“—Бросилъ ему паренекъ большущую грибную шапку, поймалъ ее песъ на лету, проглотилъ было, да сейчасъ же и назадъ ее на землю выбросилъ. Осторожно подобравъ губы, ухватилъ снова песъ зубами за краешекъ грибъ, потрясъ его, и опять бросилъ. Обошелъ его кругомъ, понюхалъ, лапой поскребъ и рѣшительно отошелъ прочь, сѣлъ въ сторонкѣ и уставился вопросительнымъ взглядомъ на покатившихся со смѣху хозяевъ: „чего, молъ, гогочете; эта ѣда не по мнѣ; ѣшьте сами, коли хотите, а у меня душа не принимаетъ!“.

— Какъ ни какъ, хозяева закусили, а Кутька — на тощахъ! — Пареньку его ужъ и жалко стало; присѣлъ къ нему, отъ чистаго сердца вареные грибы ему къ носу суетъ, а Кутька сидитъ, да только носъ отворачиваетъ. „Сердится“, — смекаетъ паренекъ,—„думаетъ, что все смѣются надъ нимъ!“—Кутькѣ же давно не до смѣха: прямо брюхо подводитъ съ голоду.— Гавкнулъ онъ сердито на паренька съ его угощеніемъ, вспрыгнулъ, встряхнулся и припустился бѣгомъ изъ юрты.

„Ушелъ Кутька!“ — печально глядитъ ему вслѣдъ паренекъ, не выпуская изъ рукъ гриба, которымъ только-что такъ радушно угощалъ своего товарища.—„Ушелъ Кутька.. Пожалуй, и назадъ не придетъ!..“.

— Придетъ... Никуда не уйдетъ! — успокаивала брата Окулька. — Придетъ, мы ему болтушку изъ муки сдѣлаемъ; у меня еще немного осталось!

— Гдѣ, придетъ!.. Вонъ ужъ и не видно его... Въ тайгу ушелъ...— чуть не плакалъ паренекъ.

— Кутька-а!.. Иди назадъ!..

Кутька вернулся уже совсѣмъ въ ночи, когда даже Савоська сталъ сомнѣваться въ его возвращеніи. Семья сидѣла въ юртѣ у костерка и толковала объ измѣнникѣ-бѣглецѣ, недоумѣвая, чего ради онъ такъ неожиданно задалъ тягу. Паренекъ хныкалъ и пенялъ сестрѣ, что она пожалѣла болтушки для Кутьки. Въ это время пола юрты приподнялась, и изъ-подъ нея тихо прошмыгнулъ оплакиваемый Кутька.

— Кутька пришелъ!— кинулся къ нему паренекъ, но Кутька довольно холодно отнесся къ привѣтствію, и отпрыгнувъ въ сторону, сердито рычалъ сквозь зубы.

— Смотри-ка, что Кутька принесъ!—засмѣялся Савоська. А Кутька, дѣловито улегшись въ сторонкѣ и изподлобья выглядывая на всѣхъ,— облизывалъ принесеннаго жирнаго суслика. Такъ и не подпустилъ никого къ себѣ лютый песъ,— звѣремъ ворчалъ, пока не съѣлъ всей своей добычи и съ кожей, и съ косточками, а потомъ, поласкавшись ко всѣмъ, блаженно растянулся у костра и заснулъ сномъ праведнымъ; только во снѣ все лапками перебиралъ, да повизгивалъ; видно, вспоминалъ про свою охоту!

Такъ и повелъ съ той поры песъ: чуть дѣло къ вечеру, обѣжитъ стадо, подгонитъ къ санкѣ оленей, а самъ — въ тайгу. Хозяева вечеромъ къ котелку присаживаются, а Кутька уже здѣсь гдѣ-нибудь, въ уголку юрты, съ добычей лежитъ, ворчитъ и ни за что, вѣдь, лукавый песъ, раньше не съѣстъ, пока всѣмъ не покажетъ. Такъ ужъ и повелось: прежде чѣмъ садиться къ котелку, надо посмотрѣть, что Кутька промыслилъ.

Жили наши таежники, а сами все о зимѣ думали: какъ зиму безъ запаса прожить? Положимъ ягодъ, кореньевъ и

грибовъ понабрали и порядочно понасушили въ запасъ, но все-таки этого мало. Разыскалъ Савоська въ одной таежной рѣченкѣ кое-какую рыбешку, и сейчасъ же перекочевали туда; ловили, какъ могли, и заготовили небольшой запасъ *юкколы*. Думали, думали, и, въ концѣ-концовъ, Савоська, взваливъ на плечи промышленную еще при старикѣ пышнину, ушелъ изъ кочевья къ русскимъ добывать муки и пороху. Ходилъ онъ куда-то далеко, двѣ недѣли ходилъ и вернулся съ запасомъ: едва дотащилъ на себѣ санку съ мѣшками.

Много новаго разузналъ Савоська во время своего похода. Три поселка русскихъ онъ мимо прошелъ, все хоронился, чтобы знакомыхъ не повстрѣчать, — наконецъ, на Нижней Тунгузкѣ повстрѣчался съ русскою промысловою лодкою—изъ Туруханска за рыбой пришла—и здѣсь промѣнялъ свои мѣха на товары. Много дивились на него русскіе, что онъ безъ вина торгуетъ, но мѣха были хороши, и остякъ получилъ все, что ему было нужно. Отъ этихъ же русскихъ Савоська узналъ и о своихъ сородичахъ: спились всѣ!.. И промысломъ, почитай, не занимаются. Все больше въ русскихъ поселкахъ толкутся, да стариковское добро русскимъ на водку мѣняютъ: оленей-то вѣдь много, сразу и не пропьешь.—Сговорился Савоська со своими новыми знакомыми, русскими, и на будущій годъ къ нимъ мѣха принести сюда-жъ, на Тунгузку. — Предлагали ему русскіе дать запасовъ еще въ долгъ,—отказался Савоська,—и совсѣмъ уже этимъ удивилъ русскихъ.

— Первый ты,—говорятъ,—изъ вашей орды въ долгъ товаръ брать отказываешься. Чудной-ты какой-то!

— Можетъ, и чудной,—согласился Савоська,—да только старикъ мнѣ такъ жить наказалъ!

— Шаманъ ты, штоль?—говорятъ.

— Нѣтъ, не шаманъ!

Развели русскіе руками и не повѣрили: Не иначе, какъ шаманъ, только не сказываешь!

Такъ и пошелъ слыть среди русскихъ Савоська за шамана.

Прожилъ Савоська первую зиму въ тайгѣ безъ особыхъ напастей: самъ прокормился и мѣховъ добылъ. Только олени не повелись: двое пало, а приплоду отъ остальныхъ не пошло. Запасъ подходилъ къ концу. Понесъ опять остякъ мѣха къ русскимъ. Мѣха промѣнялъ хорошо, а домой вернулся съ гостями: Окулькину среднюю сестру съ мужемъ съ собоїй привелъ. Окулька, какъ увидѣла ихъ, такъ и руками всплеснула: такіе они худые, да обнищалые. Все, — разсказывали они—русскіе отъ нихъ отобрали, даже робятъ въ батракахъ оставили, а самихъ прогнали: „Дармоѣды вы!“—говорятъ.—Хотя зналъ хорошо Савоська, что пропились остяки, но все-таки ихъ пожалѣлъ и, помня завѣтъ старика елогуйца *беречь орду*, взялъ ихъ къ себѣ, когда они стали его молить объ этомъ.

Съ года—на годъ собралась около Савоськи вся стариковская орда, голая, обнищалая. Савоська не гналъ никого: „Живи“, — говорилъ; и требовалъ только одного, чтобы каждый не мѣшалъ другимъ и работалъ. — Все молчаливѣе и молчаливѣе становился Савоська: забота объ ордѣ, вѣдь не то, что забота объ одной своеї семьѣ; народу много, чуть чего не досмотрѣлъ—и бѣда! Оленеї у нихъ было мало, приходилось жить промысломъ звѣря. Всѣ мѣха Савоська продавалъ русскимъ самъ, только одинъ паренекъ, который привязался къ Савоськѣ всею душою,—и выходилъ съ нимъ изъ тайги для торговли. Сдавалъ Савоська мѣха, забиралъ товаръ и уходилъ съ запасомъ снова въ тайгу къ своеї ордѣ, гдѣ и дѣлилъ все принесенное по семьямъ, кому что

за мѣха приходилось на долю. Больно уже не любо было это остякамъ, да Савоска никого не выпускалъ на торгъ самого, потому что зналъ, какого товара его земляки наторгуютъ: одинъ товаръ въ ихъ глазахъ только и имѣлъ цѣну,—водка.

Бывали случаи, уходили тайкомъ отъ Савоськи съ кочевья его остяки на торгъ съ русскими. Пастухъ прежній

Атамановское ущелье на Енисеѣ.

разъ даже боченокъ водки, крадучись, съ собой притащилъ. Но ничего не укрывалось отъ налюдательности Савоськи. Самъ онъ среди бѣла дня пошелъ въ юрту къ пастуху, розыскалъ тамъ запрятанный боченокъ и, на глазахъ у всего кочевья, изрубилъ его на куски, розливъ водку.

— Такъ и знай! — сказалъ Савоська бранившему его издали пастуху.—Водка—черная болѣзнь остяку; отъ водки весь остяцкій народъ погибаетъ, и вы всѣ обнищали изъ-за

нея... У меня въ кочевьѣ водки не будетъ: кто еще водку принесетъ—уйдетъ изъ кочевья... А на этомъ худомъ мѣстѣ, гдѣ водку вылили, мы не останемся... Собираïтесь!.. Оргишить будемъ!!! Такъ и ушли, несмотря на всѣ угованія. Сама Окулька просила Савоську остаться хоть только до другого дня. Не послушалъ.

— Молчи, баба!—прикрикнулъ на нее мужъ. — Сама не знаешь, что говоришь!!!

Такъ и ушли.

Боялись Савоськи въ кочевьѣ; боялись и не любили. Сознавали, что вѣрно онъ говоритъ, что безъ него—погибать ордѣ, коли его слушать не будутъ, а все-таки недоброжелательно выглядывали на угрюмаго, молчаливаго остяка, когда онъ, не глядя по сторонамъ, проходилъ по кочевью, все видя и все примѣчая. Съ каждымъ годомъ становился Савоська все угрюмѣе и молчаливѣе. Рѣдко-рѣдко когда проронитъ въ кочевьѣ кому слово—два, да и то только самыхъ нужныхъ, о дѣлѣ, и, что сказалъ, — такъ и будетъ. Только по вечерамъ въ юрты Савоськи, всегда поставленной нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ,—слышалась оживленная бесѣда и смѣхъ: Савоська отводилъ душу съ паренькомъ и женою.

Не любило кочевье и Савоськиныхъ собесѣдниковъ: „Такіе же, какъ и онъ,—не люди; только работу и знаютъ, а спроси такъ о чемъ,—и не отвѣтятъ!.. Только про старика помершаго и разговору у нихъ!..“ Не люди—не люди,—а чуть нужно что, сейчасъ бѣгутъ къ Савоськиной юртѣ и знаютъ, что ни въ чемъ нужномъ не встрѣтятъ отказа. Память объ умершемъ старикѣ-елогуйцѣ, дѣйствительно, крѣпко связывала Савоську съ женой и съ ея младшимъ братомъ. Многое въ нихъ напоминало Савоськѣ умершаго друга его: правдивость, складъ характера и любовь къ

труду, какъ-бы передались отъ отца, съ его кончиною, двумъ младшимъ дѣтямъ. Савоська такъ и вѣрилъ: „Старикъ Окулькѣ да парeньку отъ себя это передъ смертью далъ; зналъ, вѣдь, что добро все отъ нихъ отберутъ, ну, и далъ имъ то, чего ужъ не отберешь... Такой человѣкъ былъ!..“

Всѣ бѣды, всѣ невзгоды жизни въ тайгѣ обнищалой орды были Савоськѣ не почемъ. — Ну, что-жъ, — думалъ онъ, — что нехватки у насъ, живемъ вѣдь; не дохнемъ съ голоду! — Вонъ на Тунгузкѣ, говорятъ, нашимъ еще хуже живется!.. Окулька говоритъ, что теперь у насъ совсѣмъ хорошо, а коли ей хорошо, такъ мнѣ и того лучше!..

И жили. Жили хорошо, пока бѣда не стряслася: заломалъ медвѣдь паренька!.. Хотѣлъ, глупый, Савоськѣ угодить, сослѣдилъ медвѣдя тайкомъ и пошелъ одинъ его промышлять, чтобы Савоськѣ нежданно принести его шкуру; да сплоховалъ, — и нашли его чуть живого. Довелось тутъ и остякамъ видѣть, какъ плачетъ Савоська. Набилась въ юрту Савоськи, какъ принесли паренька, вся орда. Лежитъ тотъ, чуть глаза открываетъ, а рукой все Савоську ищетъ: „Не плачь,“—говоритъ,—„я теперь батьку увижу... Это онъ *большого господина* (медвѣдя) ко мнѣ послалъ, чтобы я скорѣе къ нему шелъ... И тебя съ Окулькой батька тоже скоро къ себѣ позоветъ... Безъ васъ мнѣ и съ батькой скучно будетъ...“ Умеръ паренекъ. Савоська въ тайгу убѣжалъ да день десять такъ тамъ безъ всего и пробылъ; безъ него и паренька схоронили...

Вернулся Савоська. Худоій-худоій сталъ; сразу сталъ старикомъ. Смѣху его орда больше уже не слыхала: тихо по вечерамъ было въ его юртѣ. И прежде безъ пути Савоська никого не обижалъ, а теперь—и подавно. Все свое другимъ

отдавать сталъ, а себѣ съ женой оставлялъ только на прожитокъ. Собралъ какъ-то орду и говоритъ: Въ тайгѣ мы живемъ, рыбы мы не промышляемъ. Худо намъ отъ того: вся пышнина на кормъ идетъ... Справляйте рыбный снарядъ: нынче весной на Енисей пойдемъ рыбу промышлять!"

Подивились остяки.

— Какъ-же,—говорятъ,—ты, Савоська, съ русскими рядомъ жить будешь; не любишь ты ихъ!

— Не люблю, — говоритъ, — но теперь я ихъ не боюсь! Изъ-за васъ больше въ послѣднее время и жилъ въ тайгѣ: не хотѣлъ къ русскимъ близко пускать... А теперь пойдемъ: я знаю, что вы слушать меня будете, а съ рыбнымъ промысломъ легче вамъ жить будетъ!

Дивятся еще больше остяки: „Вѣрно говоритъ Савоська," — точно вдругъ отъ его словъ сразу вѣрить ему стали, что онъ имъ добра хочетъ.

— Добрый ты человѣкъ!—говорятъ ему.

— Какой есть... — отвѣчаетъ. — Старикъ мнѣ такъ велѣлъ!

Съ той поры стала савоськина орда промышлять по лѣтамъ рыбу.

Года шли. Лѣто смѣняла зима, а зиму — лѣто. Савоськина орда то уходила въ тайгу на зиму за пышниной, то выходила съ тепломъ на Енисей на промыселъ рыбы. Сгоняли ее русскіе съ богатыхъ рыбой песковъ, захватывая ихъ себѣ, отбирали не за что—чуть не доглядитъ Савоська—пышнину, подпоивъ довѣрчиваго дикаря водкой; но орда держалась. У Савоськи, теперь уже старика, всегда находились въ трудную пору для обманутаго земляка и разумный совѣтъ и матеріальная помощь. Такъ и русскіе знали: *Савоськина орда*—звали его земляковъ и торговлю водкою съ ними

вели только тайкомъ отъ Савоськи,—„Узнаетъ — всю орду уведетъ; не разъ бывало!“—разсуждали они, „а такой пышнины, какую Савоськина орда промышляетъ, теперь не сразу достанешь!“

Савоська берегъ орду: „Такъ батька велѣлъ!“—но трудное это было дѣло. Пожары тайги, все чаще и чаще приключавшіеся за послѣднее время изъ-за небрежнаго обращенія русскихъ съ огнемъ, — угоняли звѣря. Промышлять пышнину съ каждымъ годомъ становилось все труднѣй и труднѣе. Неимѣніе оленей,—у Савоськи на всю орду было двадцать головъ, заставляло вымѣнивать на мѣха у русскихъ не только жизненные припасы, но и одежду. Мѣховъ не хватало. Приходилось дорожить каждой шкурой.

И Савоська дорожилъ!

Долго-долго ночью передъ торгомъ съ русскими въ юртѣ Савоськи, куда остяки снесутъ всѣ мѣха, — горитъ огонь, и слышатся голоса. Кочевье все спитъ, а Савоська съ Окулькой перебираютъ мѣха, считаютъ ихъ, ставятъ какія-то зарубки на палочкахъ... Выйдетъ утромъ Савоська изъ юрты, соберетъ орду и говоритъ:

— Мѣха съ бабой смотрѣлъ... Считалъ... Промыселъ худой былъ... Мало... Давай еще мѣховъ, кто на водку припряталъ!.. Иначе зимой съ голоду дохнуть зачнемъ! Къ русскимъ завтра пойду!.“ — Скажетъ и въ юрту къ себѣ пойдетъ и говорить больше не будетъ.

И вѣрили остяки Савоськѣ: знали что онъ по напрасну слова не скажетъ. Утромъ, передъ отправленіемъ къ русскимъ, Савоська уже навѣрное найдетъ у своей юрты нѣсколько новыхъ, тайкомъ подложенныхъ ночью мѣховъ, а то еще и Окулькѣ бабы молчкомъ принесутъ не малый запасъ, припасенный за зиму на пропой ихъ мужьями. Знаютъ

бабы, что не миновать имъ потасовки, какъ мужья ихъ смекнутъ, что припрятанный ихъ запасъ исчезъ; хорошо знаютъ;—но Савоська сказалъ, что иначе дохнуть придется, а Савоська не вретъ! И тащатъ, крадучись, припрятанныя шкурки къ Окулькѣ: „Ты баба, шепчутъ,—только не сказывай Савоськѣ, отъ кого...“—Все же вѣдь и имъ не охота своихъ мужей выставлять плутами!

А зачѣмъ сказывать, коли утромъ развѣ только слѣпой да глухой не узнаетъ, у кого бабы мѣха отобрали! Ходятъ по утру два—три остяка по кочевью злые-презлые, бурчатъ себѣ подъ носъ, ногами, что попадется на пути,—отшвыриваютъ... Какъ же не злиться? Надежда на выпивку пропала, это—разъ; за добавленый мѣхъ доли своей не получишь: всю Савоська въ общій запасъ у себя оставитъ, это—два; а третье—что всего тошнѣе — баба перехитрила. Ну, какъ же не злиться!.. Къ полдню—то тамъ, то здѣсь—по юртамъ пойдетъ уже громкая брань, а кое-откуда донесется и полузаглушенное всхлипываніе побитой бабы.

Бабьи дѣла разбирать, конечно, не мужицкое дѣло; съ этими дѣлами возилась Окулька. Всѣ бабьи невзгоды въ кочевьѣ разбирала она, — кого утѣшитъ, съ кѣмъ поплачетъ вмѣстѣ, — и, хотя своихъ дѣтей у ней и никогда не бывало, но ни одно появленіе на свѣтъ новаго члена кочевья безъ *бабки Окульки*—никогда не обходилось: „рука у ней легкая!“

— Тебѣ батька—шутила съ мужемъ Окулька—мужиковъ только беречь велѣлъ; ну, а я—бабъ берегу: вы, вѣдь, мужики, коли вамъ однимъ волю дать, рады нашу сестру прямо со свѣта сжить!“

. . . . . .

Берегла бабъ Окулька, да не уберегла себя самое: не доспанныя ночи, недоѣденный кусокъ, всѣ тяже-

лыя лишенія послѣднихъ лѣтъ—взяли свое! Свалилась баба!

— Ну, Савоська, прощай!—говоритъ.—Къ батькѣ иду!

— А я то какъ?!

— А ты, старый, еще поживи, меня схорони, да и самъ собирайся въ дорогу... Я тебѣ все, какъ остяку надо, справила... Безъ тебя мнѣ и тамъ скучно будетъ... Вѣкъ прожили вмѣстѣ... Ладно... Пора и къ батькѣ... идти... Тамъ хорошо... Я тебя... ждать буду... Приходи...—а сама точно засыпаетъ.

Ухватилъ за руку умирающую Савоська, похолодѣлъ самъ, что мертвецъ.

— Окулька!... Окулька!— говоритъ—какъ жить безъ тебя буду, какъ орду сберегу: нельзя тебѣ умирать еще...

— Окулька!... Живи еще немножко!...—трясетъ за руку своего вѣрнаго друга Савоська, самъ не сознавая, что дѣлаетъ, что говоритъ...

А Окулька уже и не слышитъ.

— Помнишь...—говоритъ,—какъ мы... молодые были... Хорошо... было... И... теперь... хорошо... хоро... шо... хо...—замолчала баба... Такъ и умерла...

Зарыдалъ-застоналъ, рухнувъ на землю старикъ; застоналъ и смолкъ, точно оборвалъ сразу, и казалось, при тусклomъ отблескѣ костра, что въ юртѣ лежали теперь уже не одинъ, а два трупа.

Но не умеръ еще Савоська: не все еще выстрадалъ онъ на землѣ. Шевельнулся старикъ и приподнялся, тусклыми безумными глазами окинулъ юрту, съ дикимъ ужасомъ остановилъ ихъ на трупѣ жены и взвылъ; звѣремъ взвылъ, а не человѣкомъ остякъ, снова ткнувшись въ землю искаженнымъ душевною болью лицомъ и теперь уже не только чувствуя, но и сознавая всю тяжесть своей невозвратной утраты.

Послѣднее земное горе переживалъ Савоська, и одна за другой обрывались въ немъ нити, связывающія его съ живыми.

Тѣло его еще было здѣсь, на землѣ, жалкое, истрепанное годами и житейскими напастями тѣло, которое судорожно билось теперь на полу юрты, сокрушенное горемъ, душа же старика, его помыслы, его чувства и желанія уже кончили счеты съ земнымъ и неслись куда-то въ туманную даль, туда, гдѣ мерещились ему родные, близкіе, милые образы: Окульки, паренька и старика-елогуйца.

Тѣло Савоськи билось и извивалось по землѣ выдавая его страшную душевную муку...

— Но, вѣдь, это былъ Савоська!

Сжалъ кулаками виски и превозмогъ свое горе старикъ: духъ одержалъ верхъ надъ тѣломъ! Поднялся остякъ; оглянулся. Давно уже такъ смѣло не поднималась его голова; чувствуетъ онъ, что уже все на землѣ не для него. Окульки здѣсь нѣтъ; осталось здѣсь только тѣло ея, которое онъ, Савоська, долженъ устроить такъ, какъ слѣдуетъ остяку, и Савоська сдѣлаетъ это, какъ бы ни терзало горе его, такъ какъ только одна эта забота и осталась у него на земѣл...

Поклонился земнымъ поклономъ трупу жены остякъ: „Какъ сказала ты,—такъ и будетъ, Окулька! Схороню тебя, да и самъ уйду: чужой я здѣсь!..“

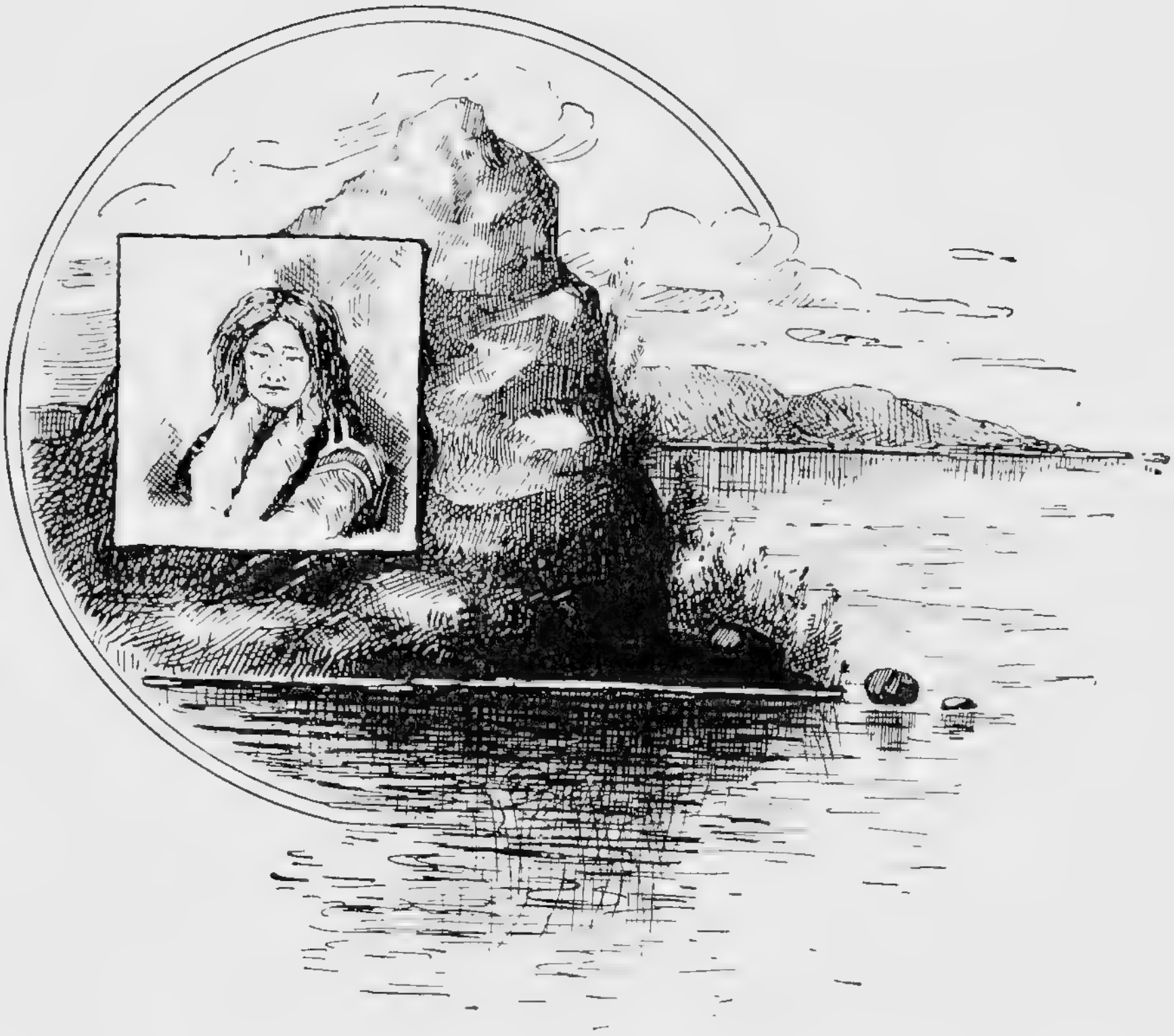
— Справляйте, бабы, Окульку въ послѣдній оргишъ!— звонко-звонко крикнулъ Савоська на все кочевье, и, хотя была ночь, по призыву старика сразу все вокругъ зашевелилось. Тамъ и тутъ замелькали огни, вспыхнуло въ ночномъ мракѣ красное пламя костровъ, и всѣ, отъ мала до велика, въ кочевьѣ забѣгали, заволновались, перебрасываясь сдержаннымъ шепотомъ: „мертвецъ въ кочевьѣ...“

. . . . . .

Справили бабы Окульку, одѣли ее, разобрали юрту надъ неї, чтобы было еї видно небо, и толпа, поохавъ и повздыхавъ, разбрелась втихомолку по своимъ юртамъ, подальше отъ страшнаго для живыхъ мертвеца. Остался караулить свою старуху только одинъ Савоська. И не страшно ему. Не беретъ его робость: „Какої же тутъ страхъ, это вѣдь Окулька!“

„Помнишь, какъ мы молодые были? — вспоминаются Савоськѣ послѣднія слова умирающей.—„Хорошо тогда было, и теперь хорошо!“

— Хорошо, — думаетъ онъ, — тебѣ, Окулька! А мнѣ-то каково?!. Овдовѣлъ твой Савоська!



ВСЕ РАВНО ПОГИБАТЬ!

Глухо рокочутъ и разсыпаются звонкимъ прибоемъ у скалъ волны могучаго Енисея. Заволоченное тучами небо низко повисло надъ рѣкой. Мглистый сумракъ ночи окуталъ и прибрежныя скалы, и раскинувшуюся по уступамъ ихъ тайгу,—и не разогнать этого сумрака порывистому осеннему вѣтру, завывающему надъ рѣкою... Чуть замѣтною свѣтлою полосою тянется у подножія скалъ подернутый инеемъ песокъ, бѣлѣютъ кое-гдѣ спускающіеся прямо въ воду обледенѣлые отъ брызгъ прибоя утесы—и только:

все остальное тонетъ во мракѣ... Темно, холодно, жутко, безпріютно...

Невеселы вы, осеннія ночи, за полярнымъ кругомъ!

Все живое позапряталось, позабилось куда-то, словно вымерло все кругомъ, и безлюдно, гнетуще-мертвенно надъ рѣкою, точно и сама жизнь покинула эти обездоленныя природою мѣстности...

Изъ-за берегового изгиба блеснули два огонька, зеленый и красный, а между ними, нѣсколько выше, взвился яркій снопъ искръ и пропалъ; немного спустя искры взметнулися снова. По рѣкѣ медленно, съ трудомъ перебарывая силу теченія, поднимается пароходъ, влача за собой на буксирѣ длинную вереницу судовъ: баржей, полулодковъ, лодокъ, лодочекъ и челновъ. Это идетъ домой послѣ промысла *на низу* русскій *торгующій*. И птица, и звѣрь разбрелись по своимъ гнѣздамъ и логовамъ, ища пріюта отъ ночи и непогоды, все ищетъ крова и покоя въ эту безотрадную ночь, и только одинъ человѣкъ, подгоняемый алчной наживою, способенъ лишать себя и другихъ покоя и крова...

Пароходъ пыхтитъ, дробитъ колесами тяжелыя волны рѣки и, судорожно вздрагивая подъ размахами пущенной полнымъ ходомъ машины, медленно подвигается впередъ. Уныло скрипитъ канатъ, которымъ зачалена къ пароходу флотилія, клубится и хлещетъ разсѣкаемая носами баржей и лодокъ волна и обильно смачиваетъ своими подхваченными порывами вѣтра брызгами все, куда не сможетъ взметнуться сама. Брызги мерзнутъ на воздухѣ, покрывая ледяною корой борта лодокъ и нагроможденныя въ нихъ, безформенныя въ сумракѣ ночи, массы.

Что за товаръ везетъ съ собой въ этихъ лодкахъ изъ-за полярнаго круга русскій торгующій?! Вѣроятно, товаръ не боится воды, если ему не нашлось мѣста ни подъ палу-

бами парохода и баржей, ни за высокими бортами полулодковъ, а предоставленъ онъ на произволъ вѣтра, волны и непогоды въ утлыхъ, едва возвышающихся надъ поверхностью воды, крошечныхъ лодочкахъ. Или, можетъ-быть, товаръ не дорогъ капитану? Такъ зачѣмъ же онъ его набралъ?! Судите сами, читатели. Въ лодкахъ погружено человѣческое тѣло; жалкое, никому не нужное тѣло сибирскаго инородца, а зачѣмъ оно попало сюда,—постараемся приглядѣться и догадаться сами.

Безформенныя массы въ лодкахъ кое-гдѣ слегка шевелятся; вглядитесь внимательнѣе и вы убѣдитесь, что здѣсь вездѣ копошится жизнь, только какая-то придавленная, не смѣющая проявить себя, жизнь, которая гнететъ не только людей, но и животныхъ. Въ каждой лодкѣ, дрожа отъ холода подъ обледенѣлыми лохмотьями, прижимаясь къ бортамъ и стараясь чѣмъ ни попало укрыться отъ вѣтра и брызгъ, ютятся по три-четыре человѣка инородцевъ, а среди нихъ на днѣ лодки жмутся въ тѣсную кучу собаки и дѣти.

Угрюмо молчатъ взрослые; испуганными, широко раскрытыми глазенками вперилась во мглу мелкота, даже собаки и тѣ не ведутъ своихъ обычныхъ взаимныхъ распрей, а робко поглядывая на угрюмыхъ большихъ, жмутся поближе къ ребятамъ. Тихо въ лодкахъ... Слышится только изрѣдка кое-гдѣ подавленный вздохъ, да иной разъ боязливо взвизгнетъ собака, поджимая отдавленную неловкимъ движеніемъ лапу. Въ одной лодкѣ виднѣются характерные костюмы долганъ, въ другой—карасинскихъ самоѣдовъ, юраковъ, въ иныхъ бѣлѣютъ своеобразные сокуи самоѣдовъ изъ племени *магду,* жалкое рубище остяка,—словомъ, *вся* племена насельниковъ далекаго сѣвера Азіи въ области Енисея имѣютъ здѣсь своихъ представителей.

Куда влачитъ эту полузамерзшую, разношерстную орду пароходъ, что за гнетъ лежитъ на душѣ у полудикихъ сыновъ вольныхъ тундръ и тайги, какая сила приковала ихъ къ пароходу?—невольно зарождаются вопросы при взглядѣ на своеобразный караванъ, медленно ползущій по Енисею.

Приковала инородца къ пароходу его довѣрчивость, гнететъ и клонитъ на грудь кудлатую голову дикаря—нужда, а влачитъ его въ даль произволъ и безсердечная корысть русскаго!

Какъ сложилась прочная цѣпь, приковавшая дикаря къ пароходу русскаго торгаша,—понять нетрудно.

Сейчасъ же за весеннимъ ледоходомъ изъ Енисейска и другихъ, расположенныхъ на берегахъ Енисея, русскихъ поселковъ начинаютъ спускаться по рѣкѣ *на низъ* русскіе торгаши для торговли *съ ордою*. Богатые посылаютъ спеціально снаряженные пароходы, менѣе зажиточные плывутъ въ большихъ палубныхъ лодкахъ, и вся эта флотилія, проникнутая одною только страстью наживы, стремится на далекій сѣверъ, *на низъ*, за полярный кругъ, въ страну, богатую цѣнными мѣхами, рыбой и мамонтовою костью. Каждое судно представляетъ изъ себя плавучую лавку, нагруженную всевозможными нужными инородцу товарами: ржаною мукою, ржаными же сухарями, баранками, кирпичнымъ чаемъ, табакомъ, свинцомъ, порохомъ, грубыми суконами, бумажными тканями и главнымъ образомъ — спиртомъ. Но спиртъ — товаръ запретный: ввозъ его въ области обитанія инородцевъ запрещенъ, и потому всѣ суда, минующія расположенный около сѣвернаго полярнаго круга городъ Туруханскъ, должны подвергаться осмотру и получать на право дальнѣйшаго слѣдованія отъ проживающаго въ г. Ту-

руханскѣ *Отдьленнаго пристава* проходныя свидѣтельства [1]).

Благая забота правительства о дикаряхъ, не достигающая своей цѣли!

Туруханскъ расположенъ въ семи верстахъ отъ Енисея на извилистомъ и очень быстромъ притокѣ его, рѣкѣ Туруханѣ. Владѣлецъ каждаго судна, доплывъ по Енисею до рѣки Турухана, ѣдетъ за проходнымъ свидѣтельствомъ къ приставу въ Туруханскъ на маленькой лодкѣ, оставляя нагруженное товарами судно на Енисеѣ, причемъ бочки съ запретнымъ спиртомъ предусмотрительно топятся съ камнями въ воду или подъ самымъ судномъ или же гдѣ-нибудь по близости, такъ что при осмотрѣ груза спирта на суднѣ никогда не оказывается. Когда же осмотръ—если таковой былъ—законченъ, и проходное свидѣтельство получено, спиртъ благополучно извлекается изъ воды и водворяется на прежнее мѣсто. Владѣльцы пароходовъ не прибѣгаютъ даже и къ этой уловкѣ, а просто наливаютъ спиртомъ нѣсколько бочекъ, предназначенныхъ для засолки рыбы, и погружаютъ ихъ среди сотенъ другихъ, пустыхъ, въ трюмы своихъ баржей и пароходовъ, вполнѣ основательно разсчитывая, что при осмотрѣ груза спиртъ никоимъ образомъ не можетъ быть открытъ, такъ какъ выгрузки товаровъ при осмотрѣ не полагается.

Тѣмъ ли или инымъ путемъ, но спиртъ всегда благополучно минуетъ Туруханскъ и неприкосновенно, въ громадномъ количествѣ провозится въ среду инородцевъ. На-

---

[1]) Туруханскій край охватываетъ область, превышающую общую сложность европейскихъ владѣній пяти великихъ державъ: Великобританіи, Франціи, Австро-Венгріи, Испаніи и Турціи. А всею этою областью управляетъ *Отдьленный приставъ*, у котораго въ распоряженіи, для поддержанія его достоинства находятся *четыре* казака!!!

груженный товарами и спиртомъ пароходъ пристаетъ къ кочевьямъ инородцевъ, вышедшихъ на берегъ для рыболовства послѣ зимняго промысла пушного звѣря въ тайгѣ, и вступаетъ съ нимъ въ мѣновую торговлю. Дикари въ своихъ челнокахъ спѣшатъ съ берега къ пароходу и охотно вымѣниваютъ у капитана на мѣха и бивни мамонта дешевые европейскіе товары.

Первыя торговыя сдѣлки совершаются обыкновенно на довольно выгодныхъ для инородца условіяхъ и заканчиваются обильнымъ угощеніемъ водкою. Дикарь, теряющій самообладаніе отъ самой ничтожной дозы алкоголя, хмелѣетъ очень быстро и, продавъ на пароходѣ то, что онъ по трезвому разсчету могъ уступить капитану безъ ущерба себѣ,—начинаетъ послѣ угощенія понемногу возвращать тому же капитану только-что полученный отъ него товаръ, моля только объ одномъ: дать ему водки. Когда весь товаръ пропитъ, и проспавшійся гдѣ-нибудь здѣсь же, на палубѣ парохода, дикарь въ тяжеломъ похмельѣ обращается снова къ капитану съ обычною фразою: „Давай что-нибудь; какъ съ пустыми руками бабѣ на берегу глаза казать буду: начисто ничего нѣтъ“!—то слѣдуетъ и обычный отвѣтъ капитана: „Вези съ берега еще мѣховъ, тогда и получишь, что хочешь, а чтобы баба не ругалась, на тебѣ для нея бутылку водки: выпьетъ—сговорчивѣй будетъ“! И что бы дикарь ни говорилъ, какъ бы ни доказывалъ, что оставленные на берегу мѣха необходимы ему самому,—капитанъ остается неумолимымъ; подаренная же бутылка водки сдѣлаетъ свое дѣло: черезъ какой-нибудь часъ тотъ же дикарь снова ввалится на пароходъ, но уже теперь вмѣстѣ со своею такою же пьяною, какъ и онъ самъ женою, и черезъ часъ-два пьянаго разгула въ трюмъ парохода перемѣстится изъ береговой юрты дикаря весь запасъ мѣ-

ховъ, добытыхъ тяжелымъ трудомъ долгаго зимняго промысла.

Торгъ законченъ. Все, что могъ продать дикарь, онъ уже продалъ, точнѣе—пропилъ. Запасъ мѣховъ, заготовленныхъ на зимнее платье, на обувь, безъ которыхъ немыслимо просуществовать долгую зиму въ тайгѣ, безвозвратно пропалъ для довѣрчиваго дикаря, оставивъ на вспоминъ по себѣ только тяжкія послѣдствія похмелья. Ограбленный инородецъ снова идетъ къ своему грабителю-русскому, снова молитъ его дать ему „въ долгъ“ хоть что-нибудь, чѣмъ бы можно было укрыться отъ холода въ лютую зиму:

„Давай, другъ, какой есть *лопать* [1])! Какъ звѣря промышлять буду, коли голый сталъ? Нельзя такъ: погибать буду“!

— „А ты зачѣмъ пропивалъ?—увѣщевательно говоритъ ему капитанъ.—„Извѣстное дѣло: безъ теплой лопати въ тайгу не пойдешь! Такъ ты думалъ бы объ этомъ раньше, а то все, что было, спустилъ, да теперь еще въ долгъ просишь.—Отстань, нѣтъ тебѣ ничего“!

„Другъ, давай, нельзя такъ: ты самъ водки давалъ,—водка умъ взяла, водка и все взяла, все у тебя; давай что-нибудь“!

— „Ахъ ты, орда немытая; вмѣсто спасиба за угощеніе меня же винить вздумалъ“!—гаркаетъ на просителя капитанъ.—Да что я тебѣ за благодѣтель дался! Да я тебя съ парохода въ зашеи сгоню! Да я тебя...—все громче и громче реветъ капитанъ, топая ногами на совершенно растерявшагося дикаря.—Да я тебя, проклятаго азіатца, на лѣвую сторону выверну! Вотъ тебѣ мои послѣдній сказъ: хочешь,

---

[1]) Лопать—платье.

чтобъ на зиму лопать была,—иди въ работники ко мнѣ неводить на низу. Неводъ, снасти—все дамъ; что рыбы наловишь—приму, а потомъ подсчитаю и *лопати* дамъ. Хочешь—айда на берегъ, грузи въ свою лодку *барохло* [1]) и чалься къ баржѣ; не хочешь—проваливай на берегъ по-добру поздорову, пока шею не накостыляли"!

— „Да какъ же я здѣсь"...

— „Я тебѣ что сказалъ"?!

— Да какъ же *юккола* [2])"...

„Эй, матросы!"—и инородецъ, подталкиваемый дюжими кулаками матросовъ, быстро перемѣщается вмѣстѣ со своею женою отъ капитанской рубки къ кормѣ и, подъ понужденіемъ тѣхъ же кулаковъ, летитъ въ свою лодочку, привязанную за кормой парохода.

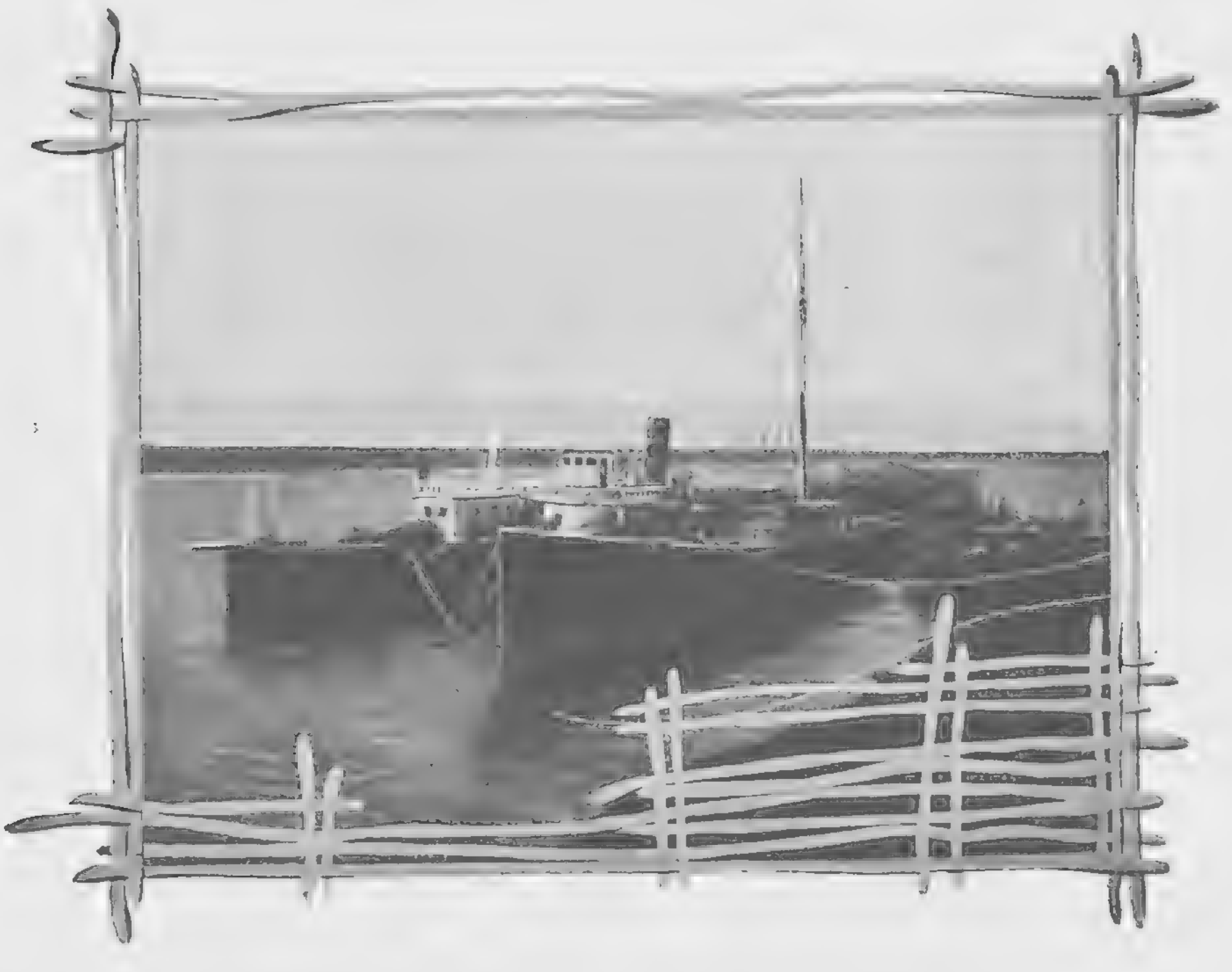
Пріѣдутъ на берегъ одураченные дикари, поохаютъ, повздыхаютъ, попрекнутъ другъ друга выпитой водкой и ускользнувшимъ товаромъ и въ концѣ-концовъ все-таки, не находя другого исхода, начнутъ собираться въ далекій путь, въ кабалу къ капитану парохода, а послѣдній, все время перебранки на палубѣ дѣлавшій видъ, что онъ нисколько не интересуется инородцемъ, между тѣмъ внимательно слѣдитъ со своего мостика за всѣми поступками инородца на берегу и самодовольно начинаетъ потирать руки, завидя уборку юрты и нагрузку лодки. Нагруженная разнымъ домашнимъ скарбомъ, ребятами и упряжными собаками, лодка инородца медленно отплываетъ отъ берега и приваливаетъ къ баржѣ. Съ баржи инородцу бросаютъ веревку, и закрѣпленіе дикаря въ кабалу русскому совершено: пеньковый канатъ прикрутитъ его крѣпче цѣпи.

---

[1]) Барохло—хламъ, домашній скарбъ.

[2]) Юккола—вяленая рыба, запасаемая инородцами въ прокъ на зиму.

Чѣмъ дальше спускается къ низовьямъ Енисея пароходъ, тѣмъ длиннѣе и длиннѣе вырастаетъ за нимъ вереница инородческихъ лодокъ. Одна за другой исчезаютъ съ берега юрты. Снова при остановкахъ идетъ на палубѣ попойка, снова товаръ гуляетъ по рукамъ дикарей и возвращается обратно въ трюмъ парохода, но съ каждой оста-



Русскій торгующій въ Бреховскихъ островахъ.

новкой на палубѣ мелькаютъ все новыя и новыя лица, а зачалившіе свои лодки за кормою баржи дикари уже не дерзаютъ появиться на пароходѣ: водка и ласка капитана отошли для нихъ въ прошлое. Притащитъ за собой пароходъ всю флотилію закабаленныхъ судовъ къ самому устью великой сибирской рѣки, къ пологимъ, низменнымъ Брехов-

скимъ островамъ и, раздавъ по неводу на каждую лодку, разошлетъ инородцевъ неводить по берегамъ острововъ, а самъ станетъ у какого-нибудь острова въ центрѣ, раскинувъ на берегу станъ для пріема и засолки рыбы.

Все лѣто день и ночь промышляютъ инородцы. Застаетъ дикаря за неводьбой и полуденное, и полуночное солнце и, какъ солнце лѣтомъ въ этихъ широтахъ круглыя сутки не покидаетъ небеснаго свода, такъ и закабаленный русскимъ дикарь подъ лучами незаходящаго солнца не покидаетъ своей неводьбы: свалится одинъ утомленный работникъ, его сейчасъ же замѣняетъ другой, и въ каторжномъ, непосильномъ трудѣ нѣтъ отдыха, нѣтъ остановки... Наполненными до краевъ лодками то и дѣло подвозятъ неводчики рыбу къ русскому стану. Всѣ матросы, обращенные въ засольщиковъ, сваливаютъ эту рыбу, пересыпая солью, въ бочки, выкаченныя изъ трюмовъ баржей и парохода, купорятъ ихъ и стройными рядами снова грузятъ въ трюмы. Спѣшная, лихорадочная работа идетъ на берегу. Капитанъ торопится поскорѣе нагрузить пароходъ, чтобы успѣть въ теченіе лѣта доставить грузъ въ Енисейскъ и вернуться обратно въ Бреховскіе острова за новымъ уловомъ.

Груды бочекъ съ засоленной рыбой растутъ и растутъ; ихъ уже не могутъ вмѣстить трюмы баржей, и онѣ горами складываются на палубахъ, обезпечивая владѣльцу парохода хорошій барышъ, а работнику-инородцу суля несбыточную надежду на достаточный заработокъ.

Нагруженный пароходъ съ переполненными баржами уйдетъ въ Енисейскъ, оставивъ на стану приказчика и двухъ-трехъ матросовъ-засольщиковъ, а подъ ихъ надзоромъ и всѣхъ подневольныхъ неводчиковъ. Пароходъ ушелъ, но въ островахъ попрежнему идетъ неводьба, попрежнему инородцы, не покладая рукъ, работаютъ на своего *хозяина*

и своимъ тяжкимъ, каторжнымъ трудомъ накопляютъ ему богатства. Инородецъ переутомленъ, инородецъ изнемогъ, инородецъ выбивается изъ послѣднихъ силъ, но разгорающаяся передъ нимъ все ярче и ярче далекая звѣздочка—*надежда*, заставляетъ его дѣлать нечеловѣческія усилія: „Скоро, теперь уже скоро,—думаетъ дикарь,—конецъ моей неводьбѣ! Придетъ *хозяинъ* „съ верху“, приметъ рыбу и дастъ разсчетъ“...

И точно: черезъ три-четыре недѣли снова около стана появляется пароходъ; но русскій торопится: короткое полярное лѣто близится къ концу, и надо во-время уйти отъ надвигающихся осеннихъ непогодъ. Спѣшно закатываются въ трюмы и на палубы бочки съ послѣднимъ уловомъ. На всѣ просьбы инородцевъ о разсчетѣ капитанъ нетерпѣливо отмахивается: „Некогда, не до васъ. Чальтесь къ баржѣ; на пути разочтусь“!—и разочарованный, но все еще не теряющій надежды дикарь покорно чалитъ свою лодку въ вереницу другихъ за кормой баржи, готовой къ отплытію на буксирѣ парохода.

Поползетъ, пыхтя, пароходъ вверхъ по великой сибирксой рѣкѣ и потянетъ за собоій караванъ закабаленныхъ инородческихъ лодокъ. Далекъ путь, тяжелъ грузъ и силенъ напоръ мощныхъ волнъ Енисея, неудержимо стремящихся въ неизвѣданный океанъ,—но колеса парохода работаютъ день и ночь и, преодолѣвая силу теченія медленно продвигаютъ невольничій караванъ все дальше и дальше...

Кончилось лѣто далекаго сѣвера, осенняя непогода завываетъ надъ караваномъ, ночная мгла окутываетъ его, а онъ все ползетъ и ползетъ, увлекая за собой изнывающихъ въ ожиданіи воли, полуголодныхъ, мокрыхъ и закоченѣлыхъ отъ холода рабовъ-инородцевъ. Тускло мерцаютъ во мглѣ сигнальные фонари парохода, уныло скрипитъ буксиръ

и, вторя ему, взвываетъ-свиститъ, снося гребни волнъ, леденящій порывистый вѣтеръ...

Рѣдко останавливается пароходъ; уже цѣлыя сутки послѣ послѣдней нагрузки дровъ безостановочно работаетъ машина. Торопится капитанъ! Но вотъ дробный стукъ колесъ парохода началъ мало-по-малу рѣдѣть и затѣмъ прекратился. Бултыхнулъ якорь, громыхнула и пророкотала отданная цѣпь, и весь караванъ, дрогнувъ, остановился. По лодкамъ среди инородцевъ пошелъ тихій говоръ.

„Сталъ; дрова брать будетъ. Кого-то теперь позоветъ?..

— И все, вѣдь, на ходу отпускаетъ, такъ что и разспросить нельзя, а только похоже на то, что худо разсчитываетъ: Салку сегодня все что-то съ лодки кричалъ и кулакомъ пароходу грозилъ, пока лодку мимо баржи несло, а баба его ревѣла; да только вѣтеръ силенъ: не слышно.

— „Да что говорить: съ хорошаго разсчета ревѣть и браниться не будешь“!

— „И вѣдь завезъ-то куда,—шелъ говоръ въ другой лодкѣ,—шесть дней какъ прошли Хантайку, а мои нарты тамъ стоятъ. Чего тянетъ?! Пускалъ бы ужъ“...

— „Вамъ что, Хантайка?! Далеко ли?! А мы вотъ съ Авама; въ Дудинку, значитъ, надо возвращаться!.. Да теперь не доплыть: станетъ рѣка. Придется юрты ставить на берегу, да за оленями идти: полъ-зимы уйдетъ, какъ домой придемъ! Все ничего, только бы разсчиталъ хорошо“!..

— „Семенъ Силка, Антонъ Кояръ—подъѣзжай за разсчетомъ!“—прогремѣло въ рупоръ съ парохода, и въ двухъ лодкахъ среди вереницы другихъ все вдругъ зашевелилось.

„Карасинцевъ, карасинцевъ, зоветъ!—заговорили въ другихъ,—что-жъ авамцевъ не отпускаетъ, долганъ? Начисто погибаютъ и такъ. У Лебедя вонъ ребенокъ умеръ: хоронить надо, а онъ его съ собою везетъ“...—слышалось тамъ

и здѣсь, между тѣмъ, какъ карасинскіе самоѣды, Кояръ и Силка, каждый со всей семьей въ своей лодкѣ, медленно продвигались къ пароходу вдоль баржи, цѣпляясь руками за ея обледенѣлые бока и употребляя всѣ усилія, чтобы справиться съ силой теченія: „Бѣда, коли унесетъ! На веслахъ скоро-ли доплывешь, а пароходъ ждать не будетъ:

Енисей.

какъ нагрузитъ дрова, такъ и уйдетъ, и жди его до другого года! Бывалъ и такой разсчетъ!“

Темнымъ силуэтомъ выдѣляется впереди баржи пароходъ на яркомъ заревѣ разведенныхъ на берегу костровъ, при свѣтѣ которыхъ матросы спѣшно грузятъ въ баркасъ дрова, заранѣе заготовленныя по всему пути. Кояръ и

Силка, то цѣпляясь за буксиръ, то нервно подгребая веслами, ползутъ на своихъ лодкахъ къ пароходу. Бабы, ребята, всѣ за работой: кто заправляетъ корму, кто, надсѣдаясь, работаетъ веслами, иной съ силой отчаянія вцѣпился въ повисшій между баржей и пароходомъ канатъ, чувствуя, какъ напоръ воды вырываетъ изъ-подъ ногъ его лодку. Все живетъ, все трепещетъ, сознавая конецъ кабалѣ и, напрягая всѣ силы, преодолѣваетъ послѣднее препятствіе. Забыты трудъ, холодъ, голодъ, усталость, забыты обманы и обиды: въ душахъ приниженныхъ дикарей затеплился святой огонекъ, *надежда*! Вотъ и корма парохода; еще усиліе,—и волна уже безсильно скользитъ вдоль бортовъ крѣпко зачаленныхъ къ пароходу лодокъ.

Конченъ трудъ! Весь скученный въ обѣихъ лодкахъ народъ, мужчины, женщины, дѣти, подсаживая другъ друга, обмѣниваясь отрывистыми фразами и отдавливая лапы суетящихся между ними собакъ, кучею вваливаются на палубу парохода и плотной толпой бѣгутъ къ капитанской рубкѣ, гдѣ ждетъ ихъ — мнятъ дикари — немедленный разсчетъ, щедрая расплата за долгій каторжный трудъ и всѣ сопровождающія ее блага.

— „Куда, куда прешь, орда!—осаживаетъ гостей окрикъ вахтеннаго матроса.

— „Хозяинъ звалъ!.. Хозяинъ разсчетъ давать звалъ!—важно заявляютъ матросу Кояръ и Силка.— Пусти!.."

— „Знаю, что звалъ,—заявляетъ матросъ, давая пинка подвернувшемуся сыну Силки,—такъ ты и жди въ лодкѣ, а то всей ордой на палубу прешь!.. Сказано, не лѣзь!—отталкиваетъ онъ кулакомъ въ грудь продвинувшагося впередъ Кояра.—Капитанъ, хозяинъ значитъ,—спитъ; вотъ нагрузятъ дрова, пойдетъ пароходъ, тогда и иди, да чтобъ бабъ и ребятъ на палубѣ духу не было! Слышь! Проваливай въ лодки!"

— „Ладно, ладно, другъ,—лепечутъ озадаченные дикари,—ладно: пождемъ, пождемъ. Ты только сказывай, какъ хозяинъ вставать будетъ; онъ звалъ, ей-ей самъ звалъ: разсчетъ, сказывалъ, давать буду!“

— „Ну ладно, нечего растабаривать; проваливай орда немытая!“ и тѣмъ же путемъ обѣ семьи покорно снова забираются въ свои лодки и ждутъ...

Ждутъ часъ; другой. Давно уже подошелъ баркасъ къ пароходу, сгрузилъ на него дрова и пошелъ снова къ берегу.

— „Теперь долго приставать не будетъ,—шепчутся въ лодкахъ,—второй баркасъ дровъ беретъ!“

Пришелъ обратно съ берега къ пароходу и второй баркасъ, а капитана все нѣтъ. Томительно долго тянется время для дикарей... Наконецъ, съ капитанскаго мостика раздается въ темнотѣ громкій возгласъ:

„Къ якорю!“ и вслѣдъ за нимъ дробный топотъ нѣсколькихъ ногъ, поспѣшно бѣгущихъ по палубѣ; это матросы со всѣхъ сторонъ бросились на носъ парохода.

— „Ходи!“—раздается во тьмѣ.

— „Есть!“—звучитъ ему въ отвѣтъ, и характерный металлическій пощелкивающій звонъ указываетъ, что воротъ началъ работать и выбирать цѣпь.

— „Сталъ якорь!“ „Вышелъ якорь!“ „Ходъ!“—звучитъ на палубѣ, и дрогнувшій пароходъ, выбросивъ изъ трубы яркій снопъ искръ, началъ размѣрно ударять колесами по волнамъ и, съ каждымъ взмахомъ набираясь силъ и учащая удары, медленно двинулся впередъ.

Изъ-за кормы парохода выглянули двѣ головы: Кояра и Силки.

— „Хозяинъ гдѣ?“—спросилъ одинъ изъ нихъ дежурящаго у буксира матроса.

— „Цыцъ, азіятецъ!“—рявкнулъ на инородца послѣдній.— Хошь, вѣрно, чтобы буксиромъ голову оторвало?!. Провались!..“

— „Хозяинъ звалъ разсчетъ давать“...

— „Провались, образина! Сорветъ голову---отвѣчай за васъ! Провались!“ Головы скрылись...

Проходитъ для инородцевъ еще томительный часъ ожиданія.

— „Слышь! Кто на вахтѣ у буксира?! Скажи азіятцамъ, чтобъ шли къ капитану. Зоветъ“...—раздалось въ темнотѣ у кормы.

— „Мы здѣсь!.. Мы здѣсь!..“—мелькнули изъ-за борта въ отвѣтъ двѣ тѣни, а вахтенный матросъ, не успѣвшій даже открыть рта, только отплюнулся.

„Ишь вѣдь ихъ претъ!..“

Кормовая каюта парохода.

Низкая, вся сплошь загроможденная по стѣнамъ полками съ товаромъ, комната, отгороженная отъ дверей вдоль полокъ высокимъ прилавкомъ. Потолокъ, промежутки между полками, столбы, подпирающіе вдоль прилавка потолокъ— все увѣшано связками баранокъ, нанизанными на веревки топорами, мѣдными кольцами и побрякушками, пачками листового табаку, вязками готоваго крестьянскаго платья и т. под.

Надъ срединой прилавка у потолка виситъ лампа съ круглымъ рефлекторомъ и, оставляя въ полусвѣтѣ углы пловучей лавки, ярко освѣщаетъ ея середину. Прямо подъ лампой передъ прилавкомъ сидитъ *хозяинъ*, дюжій сорокапятилѣтній мужчина. Синій суконный на песцовомъ мѣху кафтанъ плотно охватываетъ его тучную фигуру, бобровая шапка надвинута на самыя брови, а изъ-подъ нея поблескиваютъ недобрымъ огнемъ маленькіе, заплывшіе

жиромъ глазки, на сытомъ, лоснящемся отъ пота послѣ выпитаго чая, лицѣ. Важно развалился хозяинъ у прилавка, выставилъ впередъ обутыя въ валенки ноги и тупо смотритъ въ пространство.

Приказчикъ и два подручныхъ подростка молча двигаются въ сторонѣ, перебирая товаръ, и, не смѣя нарушить молчанія, обмѣниваются между собой знаками, косясь на хозяина.

По палубѣ надъ каютою зазвучали легкіе поспѣшные шаги и сейчасъ же ихъ топотъ раздался на ступенькахъ

Подневольные неводчики.

лѣстницы, ведущей въ каюту-лавку: Кояръ и Силка бѣгутъ за разсчетомъ! Стряхнулъ съ себя дремоту *хозяинъ* и, не оборачиваясь къ приказчику, отрывисто произнесъ:

„Дай книгу!“

Приказчикъ со всѣхъ ногъ метнулся къ прилавку, задѣлъ и уронилъ по дорогѣ какой-то котелъ и, схвативъ книгу, подалъ ее капитану.

— „Легче; чего тебя носитъ! Ослѣпъ, что-ли?!“—буркнулъ на него послѣдній, принимая изъ рукъ пачку трепанныхъ листковъ и не обращая никакого вниманія на робкое „здравствуй... здравствуй“.., съ которымъ въ это время подбѣ-

жали къ нему два запыхавшіеся дикаря, протягивая для привѣтствія свои заскорузлыя руки. Протянутыя руки, не встрѣтивъ пожатія, какъ-то виновато опустились, а обладатели ихъ, сразу съежившись и согнувшись, смиренно остановились передъ широкой спиной капитана, обернувшагося къ прилавку, на которомъ онъ перелистывалъ книгу.

Куда непригляднымъ рядомъ съ хозяиномъ выглядѣли дикари: истертые, покрытые заплатами и прорѣхами *сокуи* [1]) изъ оленьей кожи были, какъ губка, пропитаны водою; изъ дыръ *чебака* [1]), натянутаго на голову Силки, торчали вихры мокрыхъ спутанныхъ волосъ, и какой злой иронiей по отношенiю къ этому жалкому, изможденному, едва переводящему духъ отъ приступовъ кашля человѣку, звучало его прозваніе „Силка“! Такъ и казалось, когда онъ заливался глухимъ безконечнымъ кашлемъ, что вотъ, вотъ послѣднія силы покинутъ это изстрадавшееся тѣло...

Кояръ слегка ткнулъ подъ-бокъ раскашлявшагося товарища и кивнулъ на хозяйскую спину: „Не кашляй, молъ не разсердился бы!“—а Силка, затыкая ротъ краемъ сокуя и руками, давился и вздрагивалъ все больше и больше.

— „Ишь тебя прорвало! Не наперхался еще наверху!“— не поворачивая головы, проворчалъ хозяинъ.

— За разсчетомъ пришли?!“—вдругъ крикнулъ онъ, круто поворачиваясь къ дикарямъ, озадаченнымъ и окрикомъ и неожиданностью вопроса.

— „Да, другъ!.. Ты самъ звалъ... Пришли...—заговорилъ, заикаясь, въ смущенiи подъ злымъ взглядомъ капитана Кояръ, а Силка, согнувшись въ дугу, заливался безысходнымъ кашлемъ и, смахивая со рта окровавленную пѣну едва хрипѣлъ.

---

[1]) *Сокуй*—сшитая изъ оленьяго мѣха глухая рубашка, къ вороту которой пришивается кожаный же чепчикъ, *чебакъ*.

„Разсчетъ... Пришли“...

— „Да замолчишь ли ты?!..“—взревѣлъ капитанъ.—Дохнуть, что ли, собрался, такъ дохни у себя!.. Зачѣмъ сюда прилѣзъ?! За разсчетомъ? Да какой тебѣ разсчетъ, коли и долга не отработалъ! Весь уловъ твой—приказчикъ сказывалъ—выбрасывать приходилось: все мелочь да квашенная“...

Силка, ткнувшійся при первомъ окрикѣ капитана на полъ, лицомъ внизъ, къ прилавку, чтобы заглушить кашель,—при послѣднихъ словахъ *хозяина* поднялъ голову и попробовалъ встать, но не смогъ и, безжизненно уронивъ руки, прислонясь спиною къ прилавку, сидѣлъ на полу и смотрѣлъ, глубоко дыша, въ глаза капитану. „Долга не отработалъ! Долга не отработалъ!—Нѣтъ разсчета!“—гудѣли въ ушахъ Силки какіе-то голоса, и на лицѣ дикаря отражалась вся его мука: ужасъ, отчаяніе, недовѣріе своему слуху, сгинувшая надежда и боль, боль измученной порабощенной души, только-что мыслившей о свободѣ.

Смуглое лицо Кояра стало мертвенно-блѣднымъ; онъ зналъ, что Силка заработалъ не меньше другихъ, что разсчетъ капитана—смертный приговоръ и Силкѣ, и всей его семьѣ,—разсчетъ насилія, разсчетъ неправый, и ошеломленный дикарь, нервно теребя свой поясъ, холодѣлъ отъ ужаса, присутствуя при этомъ убійствѣ.

— „Неужели за то нѣтъ Силкѣ разсчета—сверлила мозгъ Кояра докучная мысль,—„что онъ боленъ сталъ, что навѣрнякъ въ эту зиму умретъ и ужъ больше, значитъ, не работникъ *хозяину*?“

— „Но, вѣдь, такому-то человѣку и надо помочь“,—представлялось до очевидности ясно въ умѣ дикаря—„вѣдь *хозяинъ* куда умнѣе орды, а какъ же онъ не поймetъ, что больного нельзя обижать, что больному надо чѣмъ можно помочь, а не грабить его!“ — и совершенно сбитый этими противорѣчи-

выми вопросами Кояръ, недоумѣвая, посматривалъ то на Силку, то на хозяина.

— Тутъ что-то не такъ! — успокаивалъ онъ себя. Просто разсердился *хозяинъ* и наговорилъ чего не думаетъ, а вотъ отойдетъ, поразмыслитъ и дастъ, какъ надо, разсчетъ!— И Кояръ ждалъ, болѣзненно-напряженно ждалъ, когда же, наконецъ, *хозяинъ* броситъ мучить Силку и заговоритъ съ ними по-настоящему.

А Силка молчалъ... Его помутнѣвшіе глаза медленно то открывались, то закрывались, судорожно вздрагивалъ запятнанный кровью подбородокъ, и въ наступившей вдругъ тишинѣ слышно было, какъ стучатъ его зубы... Ужасъ прохватилъ и пріученныхъ къ такимъ картинамъ приказчиковъ, только одинъ капитанъ оставался невозмутимымъ.

— „Эй, матросы!—гаркнулъ онъ.—Уберите эту падаль, а то и впрямь здѣсь подохнетъ! Въ лодку его,—и причалъ долой... Отдышится!“

Матросы, набранные изъ ссыльно-поселенцевъ и людей съ неизвѣстнымъ прошлымъ, гурьбой вбѣжали на окрикъ, и подхваченный ими Силка только повернулъ голову и еще взглянулъ на капитана, но какъ взглянулъ...

— „А ты чего сталъ?—накинулся капитанъ на Кояра.— Тоже разсчета ждешь?! А кто на другой пароходъ трехъ песцовъ продалъ, а кто три мѣшка порсы [1]) и юкколу [2]) на себя заготовилъ?! Вонъ, чтобы твоего духу здѣсь не было! Вонъ!“ и мощный капитанскій кулакъ, какъ молотомъ, хрястнулъ въ грудь инородца.

— „Стой, хозяинъ! Разсчетъ давай!“—взревѣлъ коренастый Кояръ, хватая за плечо капитана, но сейчасъ же го-

[1]) *Порса*—сушеная, поджаренная рыба, перетертая въ муку.
[2]) *Юккола*—вяленая рыба.

лось его оборвался подъ цѣпкими пальцами *хозяина,* сжавшими дикарю горло.

Дикая расправа пошла въ каютѣ. Прижатый къ стѣнѣ Кояръ защищался съ силой отчаянія, разсвирѣпѣлый русскій наглѣлъ отъ сознанія своей безнаказанности и, на двѣ головы превышая дикаря, скоро подмялъ его подъ себя, среди груды опрокинутыхъ тюковъ. Въ это время вбѣжали на шумъ и крики приказчиковъ матросы, и Кояръ, схваченный десяткомъ рукъ, сразу потерялъ всякую возможность къ оборонѣ.

— „За бортъ... За бортъ его!..—шипѣлъ, захлебываясь, капитанъ.—За бортъ гадину!—Чего стали, небось, не утонетъ“... и черезъ нѣсколько мгновеній грозное проклятіе и всплескъ ледяной волны доказали, что на этомъ рабовладѣльческомъ пароходѣ нѣтъ границъ волѣ капитана...

Разсчетъ съ двумя работниками конченъ!

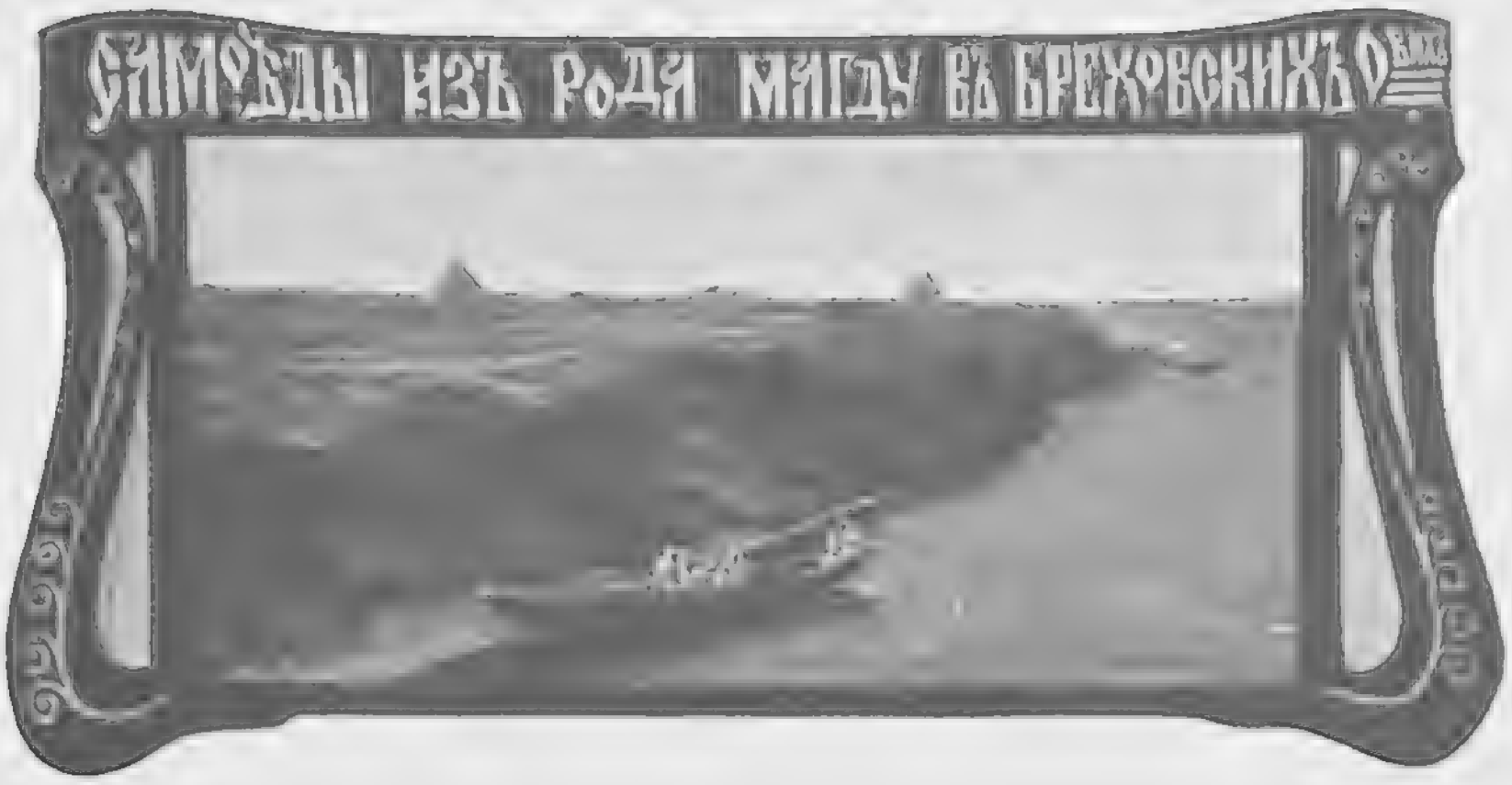
Та же ночь. Вѣтеръ разогналъ тучи. Выглянули звѣзды. Морозитъ. Изъ недосягаемой выси зенита по сѣверной сторонѣ небосклона потянулись къ землѣ блѣдныя нити фосфорическаго свѣта: надъ странами полуночи разгорается первое въ этомъ году сѣверное сіяніе. Шумитъ во тьмѣ Енисей. Въ дали его, къ югу, поблескиваетъ снопомъ искръ убѣгающій пароходъ, влача за собой изнывающій невольничій караванъ, а далеко позади на взбудораженной поверхности водъ безпомощно колышатся двѣ инородческія лодки. Въ одной лежитъ избитый, вытащенной женой и дѣтьми изъ воды Кояръ, а въ другой—безпомощный Силка. Бьетъ въ борта лодокъ ледяная волна, крутитъ и захватываетъ ихъ вѣтеръ и вотъ-вотъ, кажется, ввергнетъ въ пучину; но не шевельнется въ лодкахъ ни одно весло, чтобы отвратить грозящую гибель; весь скученный въ лодкахъ людъ преисполненъ одною мыслью: „Все равно погибать!“ И кру-

титъ, и треплетъ безпомощныя лодки Енисей, и багровымъ огнемъ разгорается надъ ними сѣверное сіяніе, а холодѣющія губы обездоленныхъ дикарей шепчутъ одно: „Все равно погибать! Все равно погибать!..“ и съ тупымъ отчаяніемъ ждутъ своей участи...

Непосильную борьбу послала вамъ судьба, забытыя дѣти полуночной Азіи [1])!

---

[1]) Разсказъ этотъ—не вымыселъ, не беллетристика, это дѣйствительность, и дѣйствительность настолько реальная, что спустя три недѣли послѣ *разсчета* пишущій эти строки убѣдилъ Енисейскаго губернатора, М. А. Плеца, послать приказъ въ Хлѣбозапасный Дудинскій магазинъ (верстъ 500 къ сѣверу за пол. кругомъ) о выдачѣ немедленнаго продовольствія Кояру и Силкѣ; что и было исполнено. А какъ же дойдетъ такой приказъ за 2000 верстъ въ странѣ, гдѣ дорогъ нѣтъ и гдѣ плотность населенія доходитъ до 1/2 человѣка на квадратную милю? Для случаевъ крайней важности существуетъ въ Туруханскомъ краѣ такой пріемъ: въ печать конверта со срочной бумагой вкладывается птичье перо, какъ символическій знакъ, что бумага должна летѣть со скоростью птицы, и дѣйствительно отъ сосѣда къ сосѣду, гдѣ на собакахъ, гдѣ на оленяхъ, а гдѣ и за пазухой пѣшехода бумага быстро доходитъ по назначенію.



ЛАНДУРЪ.

Ландуръ! Что такое Ландуръ? — спросятъ меня вѣроятно многіе. — Слово это въ говорѣ инородцевъ низовья Енисея означаетъ вислоухаго оленя съ понуро-свѣшенной головой — и только.

Олень животное кроткое, смирное... Почему же одно слово „Ландуръ“ приводитъ въ трепетъ не только простодушнаго дикаря, аборигена страны полуночи, но и смековатаго русскаго, закинутаго волею судебъ въ дебри Туруханскаго края. Неужели отвислыя уши оленя настолько измѣняютъ характеръ этого кроткаго животнаго, что его именемъ матери способны пугать дѣтей, какъ олицетвореніемъ всего самаго страшнаго, что-только можно найти въ области далекихъ сѣверныхъ окраинъ Енисейской губерніи. — Нѣтъ. Въ представленіи ребенка, боязливо смолкшаго при словахъ матери: „молчи, не плачь, Ландуръ услышитъ — придетъ — худо будетъ...“ — рисуется не обликъ рогатаго звѣря со свѣсившимися впередъ ушами, — нѣтъ! этого облика ребенокъ не боится: съ первыхъ моментовъ своей осмы-

сленной жизни онъ привыкаетъ видѣть въ оленѣ весь оплотъ своего существованія; ребенокъ сознаетъ, что олень для него все: и кровъ, и пища, и одежда, и какими бы онъ ушами ни обладалъ, какъ бы ни держалъ голову — онъ всегда будетъ незамѣнимымъ слугою и другомъ человѣка въ этихъ отдаленныхъ предѣлахъ обитанія человѣчества.

Въ представленіи ребенка, со страхомъ кутающаго голову въ оленій мѣхъ, рисуется иной образъ, леденящій его кровь сильнѣе полярнаго холода. Ему чудится — русскій!.. Высокій, блѣдный русскій, съ понуро-свѣшенной, какъ у ландура, головой и съ мутными безъ выраженія устремленными на него глазами.... Въ лицѣ — ни кровинки; одинъ глазъ совсѣмъ тусклый, какъ у мертвеца, другой — нѣтъ-нѣтъ да и блеснетъ какою-то страшною жизнью; длинныя руки, которыя, говорятъ, ломаютъ мѣдные пятаки, свѣшены по сторонамъ худощаваго тѣла, а на этомъ тѣлѣ рѣзко выдѣляется большое отвислое брюхо, какъ-то не вяжущееся со всею худощавою фигурою.

„Это, говорятъ инородцы, у него брюхо оттого выперло, что онъ азіятцевъ жретъ...“

Вотъ какой обликъ возстаетъ въ перепуганномъ воображеніи ребенка, затаившаго дыханіе и укрывшаго головку подъ складками материнскихъ лохмотьевъ.

Но вѣдь, подобныхъ фигуръ много на бѣломъ свѣтѣ, — возразятъ мнѣ на это, — и онѣ вовсе не внушаютъ ужаса, да и времена каннибализма, кажется, миновали, такъ что невольно усумнишься въ правдивости инородцевъ; вотъ только откуда этотъ паническій страхъ при словѣ: Ландуръ, который приводитъ въ трепетъ всѣхъ, отъ мала до велика, на громадной площади Туруханскаго края.

— Спуститесь, господа, въ низовья Енисея, побывайте и въ развалившихся лачугахъ русскихъ, и въ дымныхъ

чумахъ инородцевъ и, повѣрьте, имя Ландуръ васъ самихъ приведетъ въ содроганіе; вы перестанете тогда усмѣхаться при фразѣ наивнаго дикаря о брюхѣ Ландура и невольно согласитесь, что ненасытная утроба этого русскаго торговца растетъ и раздувается по мѣрѣ поглощенія имъ несчастныхъ инородцевъ, а что онъ, дѣйствительно, ихъ погло-

„Молчи, не плачь, Ландуръ услышитъ!..“

щаетъ, объ этомъ гласятъ вопіющіе факты. — Вотъ что повѣдали мнѣ инородцы о ненавистномъ Ландурѣ, объ этомъ свирѣпомъ хищникѣ, раззоряющемъ цѣлую область.

Подплылъ я къ „станку“ Ермаково, расположенному на берегу Енисея въ его нижнемъ теченіи уже за полярнымъ кругомъ. Станокъ этотъ на картахъ Азіатскоій Россіи отмѣчается солиднымъ кружкомъ, и человѣкъ, незнакомый

съ мѣстностью, ожидаетъ найти здѣсь значительный русскій поселокъ; на самомъ же дѣлѣ на крутомъ берегу Енисея, среди вѣковой тайги, прилѣпился полуразвалившійся срубъ, на которомъ нѣтъ и признака кровли; закидана верхняя настилка землей, разрослась по этой настилкѣ трава — и вотъ вамъ вся постройка станка Ермаково. Живетъ здѣсь старикъ тунгусъ съ женою и съ двумя сыновьями: одинъ — еще мальчикъ, другой — подростокъ; послѣдняго старикъ успѣлъ уже женить, чтобы прибавить къ семьѣ новую рабочую силу.

Приплылъ я къ нимъ одинъ въ своей лодкѣ и пошелъ „на угоръ“ къ срубу, чтобы купить рыбы для своихъ упряжныхъ собакъ. Хозяинъ зазвалъ меня въ избу, и за чайкомъ мы разговорились объ ихъ житьѣ-бытьѣ. Способъ моего путешествія, а также крестьянское платье, которое было на мнѣ, устраняли всякую натянутость отношеній, и тунгусъ, принимая меня за поселенца, открыто бесѣдовалъ о своихъ нуждахъ:

— „Эхъ, голова болитъ, вчера пьянъ былъ, съ Ландуромъ разсчетъ кончалъ“.

— „Ну, какъ дѣла; ладно ли промышляли?“

— „Промышляли-то ладно; да вотъ съ долгомъ никакъ не развязаться! Нынѣ сына женилъ, да съ женой и отправилъ неводить къ Ландуру; все, думаю, ладнѣе: я здѣсь буду промышлять, онъ — на низу, какъ-нибудь на двухъ-то мѣстахъ и поправимся, долгу сбавимъ, хлѣба запасемъ. Ну вышло-то не совѣмъ такъ, какъ думали: рыбки промыслили точно, ладно; хлѣба Ландуръ далъ; въ Полоѣ сто пудовъ, сказывалъ, для меня сложилъ; ну, а долгъ вотъ нисколько не сбавился — смотри, еще больше сталъ. Такъ вотъ и бьемся: что напромыслимъ — все Ландуру отдаемъ, а онъ намъ товаромъ платитъ; цѣну на рыбу назначаетъ — онъ,

на товаръ — тоже онъ, такъ мы изъ долга никакъ выйти и не можемъ. И за то спасибо, что хлѣба сто пудовъ далъ, а то хоть съ голоду дохни; рыбу всю заберетъ — чѣмъ зиму сытъ будешь?

— Ты грамотный?“ — обратился онъ ко мнѣ.

— Я отвѣтилъ утвердительно.

„На-ка вотъ, прочти, что Ландуръ пишетъ.“

— Поданная записка оказалась письмомъ Ландура къ жителю слѣдующаго станка, Полоя, Шабаеву, въ которомъ Ландуръ укоряетъ Шабаева въ недовѣсѣ пяти пудовъ осетрины на бочку принятой отъ него на пароходъ рыбы. — Тунгусъ и его семья, выслушавъ письмо, что называется, — руками развели:

— „Точь въ точь какъ у насъ!“ — вырвалось невольно у всѣхъ.

— „Что, и у васъ недовѣсъ оказался?“ — спросилъ я.

— „Да, вотъ и суди, какъ долгу сбавиться! Солимъ рыбу, сколько походу кладемъ на каждую бочку: пуда полтора-два лишнихъ насаливаемъ, а Ландуръ возьметъ себѣ рыбу на пароходъ: „теперь, говоритъ, вѣшать некогда, тороплюсь“, — да и укатитъ; ну а какъ разсчитываться потомъ начнетъ и выходитъ, что въ каждой бочкѣ у насъ недовѣсъ. Мы говоримъ: „Что-жъ ты на берегу не вѣшалъ?“ — „Въ другой разъ, — говоритъ, — на берегу буду вѣшать“, а придетъ „другой разъ“ — опять ему некогда; такъ всякій разъ и сбавляетъ по нѣсколько пудовъ рыбы въ разсчетѣ... И, вѣдь, недовѣсъ-то всегда на осетрину идетъ, значитъ, на самую дорогую рыбу, а мы въ одну бочку кладемъ и осетра и кастерю; кастеря-то 1 р. 50 к. пудъ, а осетрина 2 р. 50 к. Вотъ ты и знай! А на Шабаева грѣхъ и подумать, чтобы онъ обвѣсилъ: не такой мужикъ! Вотъ, тебѣ по-пути, свези къ нему письмо Ландура; самъ увидишь, что это за человѣкъ“.

— Я съ полною готовностью согласился передать письмо и распростился съ обитателями станка Ермаково. Вѣтеръ былъ попутный, и часа черезъ три я доплылъ до Полоя.

Станокъ Полой ничѣмъ не отличался по внѣшности отъ Ермакова: такоій же одинокій, непокрытый срубъ. Здѣсь живетъ Шабаевъ. Передалъ я ему письмо Ландура; прочелъ онъ его, покачалъ головою и слово въ слово повторилъ разсказъ тунгуса о коммерческихъ пріемахъ Ландура. Къ этому разсказу онъ сдѣлалъ добавку, о которой не зналъ еще бѣдный тунгусъ, но которая скоро дойдетъ до него и заставитъ его еще ниже свѣсить на грудь непокрытую кудлатую голову.

— „Ты здѣсь новый человѣкъ“, — говорилъ мнѣ Шабаевъ. — „Ты, можетъ, и повѣришь письму Ландура, а я тебѣ вотъ что скажу: Захаръ (тунгусъ) тебѣ говорилъ, что Ландуръ сложилъ ему у меня хлѣбъ? Сто пудовъ, такъ вѣдь? Ну, потомъ ты самъ посмотришь этотъ хлѣбъ, онъ на берегу подъ тисками сложенъ — всего 18 кулей, и самый тяжелый изъ нихъ — мы вѣшали — тянетъ 4 пуда 10 фунтовъ! Вотъ ты и подсчитай, сколько по-твоему вѣсятъ Ландуровскіе сто пудовъ!“

— И Шабаевъ, господа, дѣйствительно сказалъ правду: я самъ видѣлъ эти кули и испыталъ ихъ вѣсъ. Какова Ландурская бухгалтерія? Спустился я затѣмъ далеко въ низовья, бесѣдовалъ съ обитателями почти всѣхъ станковъ и вездѣ встрѣчалъ тоже самое: у голаго, голоднаго бѣдняка вырывается изо рта послѣдній, добытый каторжнымъ трудомъ, кусокъ хлѣба.

Но это все, господа, цвѣточки: ягодки будутъ впереди.

До сихъ поръ я говорилъ о странахъ, куда еще заплываютъ заборщики рыбы изъ вышележащихъ станковъ; здѣсь еще, относительно, много пришлаго русскаго люда и потому Ландуръ въ своихъ дѣяніяхъ кротокъ.

Спустимтесь, господа, пониже!

— „Худо, худо живемъ, начисто погибаемъ“, — говорилъ мнѣ слѣпой старикъ-юракъ, къ чуму котораго, раскинутому на берегу Енисея далеко за полярнымъ кругомъ занесла мою лодку непогода. — „Ты говоришь, — продолжалъ онъ — потому одинъ въ лодкѣ плывешь, что хочешь всю правду узнать и самъ видѣть, какъ живутъ азіятцы; — это вѣрно: приди ты въ другой лопати [1]) да съ народомъ — я самъ бы прикинулся, что по-русски не понимаю. Потому ты, значитъ, начальникъ, а съ начальникомъ разговоръ плохой: сейчасъ въ бѣду попадешь... Ну, а если ты одинъ

Третья тысяча верстъ пути.

на такую страсть пошелъ, мы тебѣ вѣримъ и тебя не боимся: ты все узнаешь и какъ придешь въ тотъ городъ, гдѣ царь живетъ, такъ и разскажи большимъ начальникамъ какъ живутъ азіятцы. Можетъ и послушаютъ тебя, помогутъ намъ, а не помогутъ — черезъ десятъ лѣтъ никого въ ордѣ не останется; всѣ погибнемъ“.

— „Неужели правда, что такъ мало народу остается въ ордѣ?“

— „Мало?! Ничего нѣтъ! — Возьми остяковъ; самый сильный народъ прежде былъ, а много ли ихъ теперь оста-

---

[1]) *Лопать* — платье.

ЗИФ СССР

лось? Ты проѣзжалъ, самъ видѣлъ. — Всѣхъ русскій взялъ: оленя — взялъ, лопать—взялъ, самаго азіятца—тоже взялъ... Откуда ордѣ быть?! Развѣ азіятца жалѣть кто будетъ?!.. Вотъ ты пожалѣлъ меня, что я слѣпой сталъ. — Да, худо человѣку безъ глазъ, но мои глаза Богъ взялъ: отъ болѣзни пропали; а вотъ у Сохатиныхъ много времени кормится азіятецъ Лаптуковъ, тоже слѣпой, такъ вотъ у него глаза Ландуръ взялъ; ну, этого человѣка точно жалѣть нужно!“

— „Какъ Ландуръ взялъ? вы, вѣдь, Ландуромъ здѣшняго русскаго купца зовете, такъ онъ, что ли?“

— „А кто же другой? одинъ у насъ только Ландуръ и есть.“

— „Какъ же глаза то могъ онъ взять?“

— „Да такъ: разсердился на Лаптукова, билъ его, билъ, а потомъ и глаза взялъ“.

— „Глаза-то какъ взялъ я въ толкъ не возьму, — выбилъ что-ли?“

— Зачѣмъ „выбилъ“: онъ ихъ ему выколупалъ!!!..“

При моемъ восклицаніи ужаса старикъ усмѣхнулся.

— „То ли еще дѣлаетъ у насъ Ландуръ: онъ не однимъ намъ, азіятцамъ, и своимъ русскимъ спуску не даетъ. Пошелъ къ нему какъ-то приказчикомъ сынъ поселенца, Чернякъ. Идутъ они разъ съ хозяиномъ оргишемъ [1]); задула верховка; тепло стало, снѣгъ таетъ, мокро. Хозяйскій балокъ [2]) вязнетъ въ снѣгу, Чернякъ его то и знай вытаскиваетъ. Доѣхали до чумовъ. У Черняка все мокрое, а въ бокаряхъ [3]) — вода. Верховка перешла на сѣверъ; морозъ сталъ. Хозяинъ Черняка дальше съ оргишемъ посылаетъ. Ну, тотъ ему и говоритъ:

---

[1]) *Оргишъ* — обозъ на оленяхъ.
[2]) *Балокъ* — кибитка.
[3]) *Бокари* — мѣховые сапоги.

— „Дай бокари сухіе, морозъ такой сталъ, что дышать нельзя, а я мокрый — замерзну". Ландуръ въ отвѣтъ побилъ его и выгналъ на холодъ.

Пошелъ Чернякъ съ оргишемъ, а назадъ безъ ногъ привезли: обѣ отмерзли, и теперь калѣка сталъ".

— „Да что же вы терпите такого звѣря, неужели объ этихъ дѣлахъ никто не знаетъ?" — вырвалось у меня невольно.

— „Какъ никто не знаетъ? всѣ знаютъ; да что съ Ландуромъ подѣлаешь, силенъ: денегъ много. Былъ тутъ случай зимою одинъ. Заканчивалъ Ландуръ разсчетъ съ азіатцемъ; а азіятецъ-то самъ, какъ въ концѣ вышло, считать умѣлъ. Ландуръ говоритъ ему: — „За тобой теперь столько то долгу осталось," — а азіятецъ ему и сосчиталъ, что долгъ весь заплатилъ, да еще много съ самого Ландура получить слѣдуетъ. Взбѣсился Ландуръ,—строгалъ [1]) онъ въ это время омуля, — взмахнулъ мерзлой рыбиной и хватилъ по виску азіятца. Тотъ и слова не сказалъ — повалился: получилъ, значитъ, полный разсчетъ... Дѣло на людяхъ было; ждали мы, что отвѣтитъ за это Ландуръ, потому—какъ дѣло скрыть? здоровъ былъ человѣкъ и вдругъ сразу умеръ. Долго ждали, а потомъ и дошло до насъ, что точно умеръ азіятецъ отъ удара, но не отъ удара омулемъ, а отъ другого какого-то, за который судить не полагается... Вотъ ты и знай!"

— „Да вы то сами чего терпите? Неужели своими силами не можете оборониться отъ этой бѣшеной собаки?"

— „Какъ оборониться отъ Ландура?! Видишь, какъ мы живемъ; чумъ, много два, три вмѣстѣ; а въ каждомъ чумѣ

---

[1]) Мѣстное выраженіе; рыбу здѣсь и инородцы и русскіе зимою ѣдятъ сырьемъ, заморозивъ и, затѣмъ, настругивая тонкими кусочками.

много-ли мужиковъ? Ландуръ же пріѣдетъ къ намъ — однихъ приказчиковъ съ нимъ больше, чѣмъ народу въ чумѣ, ну и дѣлаетъ съ нами, что хочетъ. Пріѣдетъ къ чуму, сейчасъ долгъ спрашивать, а я не только ему не долженъ, но и вижу то его, можетъ быть, въ первый разъ. Но Ландуру до этого дѣла нѣтъ; „ты не долженъ — ну, значитъ, батька твоій былъ долженъ, плати!“ — И разговаривать не станетъ! „Эй! — крикнетъ онъ приказчикамъ, — „Лови его оленей; оставь ему на одну запряжку, а остальныхъ мы съ собой возьмемъ!..“

Такъ и сдѣлаютъ; ихъ много, ты — одинъ: что съ ними подѣлаешь? — Или съ голоду умирай, или у того же Ландура моли, чтобы изъ твоихъ же оленей сколько-нибудь тебѣ же *въ долгъ* далъ...

Не стерпѣлъ одинъ азіятецъ, какъ съ нимъ Ландуръ свой разсчетъ произвелъ, вынесъ ему мамонтовъ рогъ: „Дай-говоритъ, за рогъ хоть что назадъ изъ того, что забралъ“, а Ландуръ велитъ и этотъ рогъ отобрать. — „Ну, думаетъ азіятецъ, хоть самому пропадать, да другимъ, можетъ, легче будетъ; изведу Ландура!“ — изловчился онъ и хватилъ со всего плеча ненавистнаго русскаго рогомъ... Сунулся проклятый Ландуръ; свалилъ и его ударъ, да живучъ: не убилъ его азіятецъ сразу, а второй разъ ударить уже и не пришлось!.. Налетѣли приказчики, повалили бѣднягу, а потомъ и самъ Ландуръ отошелъ, и что сдѣлали они съ азіятцемъ — сказать страшно: между живыми его теперь не ищи!..“

Жутко становится, господа, при подобныхъ разсказахъ, безысходно жутко; дѣйствительно, начинаешь сознавать, что находишься „въ странахъ полуночи“, въ тѣхъ странахъ, гдѣ тьма и все совершающееся въ ней властно царятъ надъ свѣтомъ и правдою. Съ суровымъ климатомъ, съ лишеніями, съ невзгодами, со всѣми ужасами полярнаго края азіатецъ

бороться можетъ, но предъ Ландуромъ и присными ему — азіатецъ безсиленъ. Одурманенный водкою, зараженный всевозможными болѣзнями, истерзанный обманами и наглостью русскихъ торгашей, азіатецъ погибаетъ; не эту ли тяжелую его агонію кабинетные ученые окрестили поэтическимъ именемъ „угасанія инородцевъ?“ Нѣтъ, господа, если уже называть вещи ихъ настоящими именами, то тяжелую участь инородцевъ енисейскаго побережья мы должны будемъ назвать „заѣданіемъ инородцевъ“, и въ настоящее время у обезсиленныхъ дикарей уже нѣтъ силъ для борьбы съ алчными волками, дорѣзывающими въ конецъ ихъ порѣдѣвшее стадо. Дѣйствительно, кто знаетъ условія края, тотъ поймётъ, что некуда метнуться затравленному дикарю отъ преслѣдованія подобныхъ Ландуровъ. Метнуться къ „начальникамъ“, раскиданнымъ на тысячи верстъ одинъ отъ другого? Но чѣмъ смогутъ помочь ему эти начальники, когда они сами опутаны кругомъ коварными происками этого же Ландура?

Инородцу приходится соприкасаться непосредственно только съ отбросами русскаго общества. Лучшіе русскіе люди, до которыхъ доходили отклики тяжелой жизни сибирскаго инородца, всегда всей душой стремились улучшить его положеніе; свои стремленія они приводили въ исполненіе, какъ могли, т. е. добивались различныхъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ ко благу инородцевъ. Напомнимъ труды Енисейскаго губернатора Степанова, Сперанскаго и другихъ, и не ихъ вина, если эти мѣропріятія остаются только на бумагѣ: іерархическая лѣстница, по которой проходитъ каждое мѣропріятіе, — велика и ея ступени спускаются все ниже и ниже...

Долговыя обязательства остяковъ русскимъ не признаются закономъ — гласятъ мѣстныя постановленія, созданныя само-

отверженною дѣятельностью людей долга, лучшими русскими людьми. — *Русскій не имѣетъ права нанимать остяка въ работники и удерживать его у себя въ промысловое время.— Провозъ спирта внизъ по Енисею за Туруханскъ запрещенъ* и т. д. — Кажется, что можетъ быть лучше?! Да, господа,— если бы все это было на дѣлѣ, а не на одной только бумагѣ. Но, повторимъ, іерархическая лѣстница, по которой проходятъ всѣ эти мѣропріятія, — велика, и ступени ея спускаются все ниже и ниже... Ландуры богатѣютъ, благоденствуютъ и множатся, а бѣдняки-дикари... „угасаютъ“!

Тяжко, господа, находиться краю въ такомъ состояніи!

СОДЕРЖАНІЕ

Стран.

Предисловіе V
Енисей 1
Илекъ 21
Шаманъ 37
Смерть шамана 53
Савоська овдовѣлъ 71
Все равно погибать! 149
Ландуръ 171

40

M.2 Г.
3 27-Г1